Кирилл Шатилов

Торлон

Трилогия в одном томе

- Алое пламя в зеленой листве
- Под флагом серо-золотым
- Кровь и грязь

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История, начавшаяся с таинственных злоключений Уилфрида Гревила, торговца тканями из средневекового графства Уэссекс, постепенно разрастается в эпическую сагу…

Замок Вайла’тун с прилегающими к нему поселениями отделен от остального мира непреодолимой стремниной реки Бехемы с юга и Пограничьем, обширнейшим лесом, населенным дикими племенами рыжеволосых дикарей, с севера. В надежно оберегаемых придворными писарями летописях говорится о том, что где-то за Бехемой и Пограничьем обитают и другие народы, но простым людям знать об этом ни к чему. Да у них и без того повседневных забот хватает…

В этом мире нет места колдовству, феям и драконам, но жизнь персонажей наполнена удивительными событиями. Если приглядеться к ней повнимательнее…

- Кирилл Шатилов
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16
  - ○ 17
  - ○ 18

D. YUDIN 2004

Кирилл Шатилов
АЛОЕ ПЛАМЯ В ЗЕЛЕНОЙ ЛИСТВЕ

Сколько он ни открывал глаза, светлее не становилось. Изо всех сил зажмурившись, досчитал до трех и снова с замирающим сердцем поднял отяжелевшие веки.

Кромешная тьма.

Уж не ослеп ли он?

Если б ему выкололи глаза, он бы наверняка испытывал боль. Сейчас же он не ощущал ничего, кроме изумления и исподволь накатывающего откуда-то из глубин сознания ужаса.

Попробовал поднять руки к лицу. Ладони уперлись во что-то твердое и шершавое. Плохо струганное дерево. Занозы. Вот и больно. Значит, он не спит и все чувствует. Что же с глазами?

Подтянув руки к груди, изловчился и все-таки провел пальцами по лицу. Нос, ресницы, брови. Все на месте. Он часто-часто заморгал. Мрак не исчез.

Зато теперь он отчетливо сознавал, что лежит на спине. Под затылком какая-то твердая подставка. Неужели он мог заснуть в таком неудобном положении? Ведь сколько он себя помнил, засыпать ему удавалось исключительно на боку.

На всякий случай прислушался. Мертвая тишина. Только собственное тяжелое дыхание. Отчего такой спертый воздух? Как в гробу.

Он попробовал повернуться. Помогая себе руками, всадил в ладони новые занозы.

В ногах что-то подозрительно звякнуло.

Ноги тоже почти не сгибались в коленях, сразу упираясь в невидимую твердую преграду.

На память приходили лишь разрозненные картинки из недавнего прошлого. Спаленная страшными норманнами деревня, где погиб его старший брат. Долгое путешествие по реке, названия которой он никогда не знал. Первый день в валяльном цеху, когда отец с гордым видом мастера показывал ему, как надо обращаться с шерстью. Свадьба с Мэри, когда их чуть не залило проливным дождем, и было обидно и смешно одновременно…

Как ни странно, он совершенно не помнил, что непосредственно предшествовало его сну. Кажется, к ним наведался этот старый пройдоха Джон, вот уже который год собиравшийся отдать душу Господу и всякий раз разочаровывавший своей живучестью соседскую ребятню, уж больно охочую до его сада с наливными яблоками. Насмешник Том ухитрился даже взять с него слово, что, если Джону перевалит за восемьдесят, он покинет Уинчестер и отправится отшельничать к монахам. Монахи, которых имел в виду Том, были вовсе не отшельниками, а обычными безобидными пилигримами, что каждую весну проходили через их места по пути в одним им ведомые Святые земли. Однако жители Уинчестера, привыкшие к шумным толпам и веселью за кружкой доброго эля, имели обыкновение всех чужеземцев, а тем более хмурых и облаченных в длинные серые робы, называть «отшельниками».

Зачем же к ним забрел старина Джон? Или это был вовсе не он? Что же происходит?

Дышать становилось все труднее. Несмотря на царивший вокруг холод, его предательски бросило в жар. По лысому темени поползли капельки пота.

Только сейчас он вспомнил, как зовут его самого: Уил. Уилфрид. Уилфрид Гревил, если уж быть точным до конца. Сын валяльщика шерсти и ткачихи, ставший со временем пусть и небогатым, но вполне почтенным благодаря почти всегда

честному труду торговцев бурелью.[1] Не далее как в прошлом году принят в местную гильдию.

О чем это он думает? При чем здесь гильдия, когда он не может как следует повернуться или увидеть собственную руку, дрожащую где-то перед глазами, не говоря уж о том, чтобы встать и пойти домой.

Уилфрида Гревила била дрожь.

На самом деле он подсознательно понимал, что с ним произошло, но смертельный страх мешал ему признаться в этом даже самому себе.

Нечто подобное случилось с ним однажды в детстве, когда он увидел входящего в дом человека в иссеченном доспехе, похожем на норманнский. Тогда он повалился на пол и потерял сознание на долгие два дня, а когда очнулся, перепугал всех домочадцев и священника, пришедшего исполнить свой долг и уже начавшего обряд отпевания.

С тех пор минуло почти тридцать лет, и Уил думать забыл о своем странном недуге. И вот он открывает глаза и ничего не видит. Безлунными зимними ночами мать любила повторять присказку: «темно, как в могиле». Как в могиле. Он в могиле. Не просто в могиле — в гробу. Ведь он не какой-нибудь паршивый крестьянин. В гильдии не жалели средств на своих собратьев. Особенно когда речь шла о последнем долге перед покойным. На прошлое Рождество он сам был свидетелем того, с какими почестями хоронили Лоренса Ладлоу. Но у того было трое внуков и неизлечимая чахотка, донимавшая его столько, сколько помнил его Уил…

Обливаясь холодным потом, несчастный уперся костяшками дрожащих пальцев в дерево перед собой… над собой. Сквозь густую пелену затхлого воздуха до его ноздрей донесся бередящий запах свежетесаной древесины.

Крышка, сколько он ни напрягал ослабевшие от отчаяния мускулы, не поддавалась. На память пришли детские рассказы о том, как на соборных кладбищах люди по ночам слышали шорохи и возню покойников. Неужели это случается взаправду? Но ведь не могло же подобное произойти с ним? Это сказки! Такого просто не бывает! О чем думала его любимая Мэри? За что?

Сознание несправедливости как будто придало ему сил. Уил стал бить кулаком в дерево. Боли от заноз он больше не ощущал. Ему показалось, что он снова теряет сознание. Вероятно, так и произошло. Потому что, когда он снова попытался открыть глаза, дышать было уже просто невмоготу.

Не то пот, не то слезы бессилия разъедали утратившие сам смысл существования глаза.

Он стал извиваться червем, сознавая всю тщетность этих бездумных попыток сопротивляться такой же слепой судьбе, и сразу почувствовал, как под ногами елозит целый ворох предметов. Конечно же убитые горем домочадцы не могли не положить с ним в могилу тех вещей, которые должны были понадобиться ему на том свете. Теперь вся эта чертова утварь только сковывала и без того стесненные узким гробом движения.

Уил изловчился и лег на правый бок. Зачем? Не спать же он собрался? Хотя, если подумать, каким облегчением было бы сейчас и в самом деле уснуть, забыться сном, чтобы никогда больше не проснуться и не делаться невольным свидетелем собственной смерти! Но какой уж тут сон! Руки не вытянешь, под головой — только что не камень, дышать нечем, под одежду неотступно пробирается холод, ногу что-то колет…

Если бы мог, он бы наверняка вскочил. Спасительная мысль озарила его теряющий нить рассуждений мозг. Нож! Они положили в гроб нож! Должно быть, Мэри, которая знала мужнину привязанность к этому старому орудию, доставшемуся ему от отца, а тому — от деда. Уил отчетливо представил протертые местами до дыр бурые кожаные ножны, вырезанную из медвежьей кости рукоятку в виде бегущего лося с ветвистыми рогами, и короткое, загнутое у острия широкое лезвие, сплошь изборожденное царапинами и выщербинами, словно лицо старика. Нож, за все свои годы верных трудов на благо рода Гревилов, так и не получивший достойного имени. Просто нож!

Уил попытался поджать под себя ноги. На какое-то мгновение он перестал чувствовать нож и испугался. Ухватиться за ниточку надежды и снова ее упустить — куда как страшней, чем падать камнем в бездонную пропасть и знать, что тебе уже ничто не поможет.

Попробовал еще. Что-то кольнуло возле самой щиколотки. Нет, рукой не дотянешься. Нужно забыть обо всем и как можно быстрее подтащить нож повыше. Воздух заканчивался. Предательски кружилась голова.

Ему показалось, что прошло никак не менее часа, прежде чем покалывание поднялось к колену. Но он по-прежнему был не в силах дотянуться до ножа дрожащей рукой. От усталости и пребывания в одной неудобной позе стало сводить все тело. Уил не кричал от невыносимой боли только потому, что не мог позволить себе тратить на крик драгоценные силы.

Он уже отчаялся ощутить в ладони знакомую рукоять и тянул руку машинально, зная, что поманившая спасением нить оказалась слишком короткой, когда кончики пальцев наткнулись на нечто твердое и подвижное. Поддев ногтем крохотный выступ,

он осторожно потянул предмет к себе.

Нет, это был не его нож: тонкая рукоять, длинное обоюдоострое лезвие. Ногу кололо не острие, а надломленная перемычка для предохранения пальцев. Зачем ему положили чужой сломанный нож?

О чем он думает? Какая разница, сломана перемычка или нет? Его это нож или чужой? Главное — он сжимает его в кулаке и, лежа на спине, подталкивает то животом, то грудью в неохотно поддающееся дерево гроба. Неохотно, но поддающееся!

Вероятно, хоронили меня все же в суматохе, пытался рассуждать Уил, чтобы хоть чем-то занять перестающий слушаться мозг. Любимый нож забыли. Сунули вместо него первый подвернувшийся под руку. Гроб сколачивали в спешке, чтобы только был похож на гроб — и не беда, что доски не подогнаны и зияют дырами, через которые теперь прямо ему на грудь сыплется земля. Думали, покойнику теперь все равно где лежать. Нет, не все равно. Потому что не покойник! Не буду покойником! Выберусь! Хоть и перепугаю их до смерти, а все-таки потом пусть им не только радостно, но и стыдно станет…

Не поддававшийся долгое время сук в конце концов удалось вытолкнуть наружу целиком. В доске образовалась довольно большая дыра. Положив нож на грудь и придерживая его подбородком, чтобы снова не потерять, Уил уперся обеими руками в эту единственную доску. И она стала медленно прогибаться и трескаться…

Лишь бы и могилу они рыли в спешке. То есть не такую глубокую, как обычно, когда землекопов, стоящих в ней в полный рост, не видно из-за черных холмов только что вырытой земли.

Сломать доску с первой попытки не удалось. Уил попробовал помочь рукам коленом, но не смог как следует согнуть ногу. Тогда он просунул в дырку от сучка указательный палец и повис на нем всем телом. Доска прогнулась значительно легче. Она оказалась не толще самого пальца и слишком длинной, чтобы долго сопротивляться. Изловчившись, Уил просунул в образовавшуюся щель свободную руку и, упираясь в крышку гроба лбом, стал тянуть пружинящую преграду на себя.

Доска лопнула в том самом месте, где недавно находился сук. Уила засыпало землей, однако он уже ощущал в себе силы свернуть горы. Удар занозистой доской по лицу только раззадорил его. В ход пошли локти, колени, кулаки, и через несколько мгновений из-за осыпающейся земли пахнуло воздухом. Свежим воздухом!

Выплевывая попавшие в рот комья земли вперемешку с травой и отряхиваясь, он с трудом сел в ставшем еще тесней

гробу. Одна из боковых досок крышки так и не захотела поддаваться, и ему пришлось извернуться боком, чтобы протиснуться наружу. Не веря в столь легкое избавление от объятий вроде бы неминуемой смерти, Уил оторопело огляделся. Он снова видел! Правда, на улице стояли сумерки, но он отчетливо различал словно бы с любопытством склонившиеся над ним редкие кроны деревьев, чьи длинные ветви, почти лишенные листвы, напоминали черные сети живой паутины. Холодный свет невидимой отсюда точки луны серебрил задумчиво застывшие над головой облака.

Уил заметил, что, несмотря на ночное время, воздух был по-летнему теплым и мягким. Если бы не переполнявшая его радость от невероятного возвращения к жизни, он бы наверняка удивился этому обстоятельству. Ведь накануне того злосчастного дня, когда с ним, вероятно, и приключилась беда, шел промозглый осенний ливень.

Но что уж никак не укрылось даже от его рассеянного радостью внимания, так это странность того места, где он теперь оказался. Ломая гроб, он представлял себе, как будет бороться с тяжелой каменной плитой, как выберется в конце концов наружу и побредет через знакомое еще по детским проказам кладбище к островерхой часовне. Надгробия над ним, к счастью, не оказалось. Приняв сидячую позу, Уил высвободил из-под земли даже плечи. Но больше всего поразило его сейчас то, что никакого кладбища вокруг и в помине не было.

Выбравшись наружу, он обнаружил, что стоит на крохотной поляне. Со всех сторон его обступал чужой неприветливый лес, сплошь состоявший из низкорослых деревьев, поражавших длиной причудливо искривленных ветвей и полным отсутствием листьев. Земля под ногами, насколько позволял разглядеть неясный свет мутнеющей сквозь паутину веток луны, была изъедена толстыми корнями, похожими на окаменевших змей.

Продолжая отряхиваться, Уил невольно поежился: как ни хорошо он знал родную местность, он не припоминал, чтобы где-нибудь в округе Уинчестера можно было набрести на подобную чащу. Чащу, словно рожденную всегда такими образными проповедями пастора Холена, каждое воскресенье призывавшего свою многочисленную паству к праведной жизни в согласии с Господом и самим собой.

«Может быть, я все-таки умер?» — мелькнула в мозгу Уила предательская мысль, однако удовольствие от возрожденной способности двигаться и делать бесконечно глубокие вздохи прогнало ее прочь. Если за все совершенные на этом свете грехи ему суждено отправиться в ад, едва ли ад окажется таким теплым,

свежим и уютным.

Уил заглянул в яму, из которой только что выбрался. Рядом с ней лежал позабытый второпях нож. Именно такой, каким он представлял его себе во мраке гроба. Уил наклонился и с трепетом подобрал нож. Совершенно простой, без узора и даже насечек на тонкой рукоятке. Перемычка с одного конца сломана. И никаких следов попыток ее починить. Более чем удивительно, зная рвение влюбленного в свое ремесло кузнеца Оуэна, который готов был с утра до ночи махать молотком, лишь бы утварь на кухнях живущих по соседству от его кузни семейств была всегда исправна. Откуда взялся этот нож? Чья рассеянная рука могла подбросить его в гроб к покойнику, пусть даже мнимому? Ответа Уил, сколько ни искал, не находил.

На всякий случай он опустился на колени и принялся разгребать землю в изножье гроба. Сначала извлек на сумеречный свет непонятного цвета плед с довольно странным рисунком, похожим на переплетение разных по размерам окружностей. Такого у них с Мэри точно в хозяйстве не водилось. В ходу в Уинчестере были либо шотландские пледы с традиционным рисунком из пересекающихся под прямым углом линий, либо незатейливые местные, скучные и монотонные. К тому же соткан плед был из мягкой дорогой шерсти, какой даже сам Уил, будучи торговцем, не мог бы себе позволить. Кто мог додуматься завернуть ею ноги чужого трупа?

Отложив плед, Уил стал рыть глубже. Скоро пальцы его наткнулись на гладкий закругленный край чего-то металлического. Это оказалось почти плоское блюдо, очень похожее на то, которым пользовалась Мэри, когда доставала из печи горячие лепешки. Уил даже обнюхал холодную жесть. Пахло землей и дождевыми червями. Его передернуло. Если бы он не очнулся и не нашел нож, то скоро стал бы их лакомой добычей.

Уил не был уверен в том, действительно ли держит в руках блюдо, принадлежавшее их семье. Он редко захаживал на кухню, когда там хозяйничала Мэри, однако до сих пор ему казалось, что вся их утварь была обыкновенной, видавшей виды и служившей исключительно хозяйственным надобностям. Это означало полное отсутствие какого бы то ни было украшательства. Здесь же он отчетливо видел витиеватый рисунок, тянущийся по кругу вдоль всего края блюда: три чудесным образом переплетающихся вьюнка с острыми, как будто колючими листьями.

Последним, что Уилу удалось извлечь из столь неожиданно приютившего его гроба, была пузатая жестяная фляжка, закупоренная сургучной пробкой. Фляжка приятно оттягивала руку и была полной. Уил не без труда вытащил пробку и

осторожно понюхал горлышко. Незнакомый запах травяной настойки. Отхлебнул. Почмокал губами, пытаясь понять вкус. И чуть не выронил фляжку, когда весь рот словно обожгло крапивой. Так резко и так больно, что из глаз брызнули слезы. Не успел Уил испугаться, как ощущение ожога прошло, сменившись необычным теплом, медленно стекающим по нёбу в горло. Он сглотнул и только сейчас понял, насколько голоден.

Расстелив на земле плед, Уил положил в середину блюдо и фляжку и завязал концы узлом. Получилось подобие мешка, который можно было нести, перебросив через плечо. Нож он сунул за пояс… и чуть не вскрикнул от боли, когда упавшее лезвие кольнуло ступню. Громко выругавшись, Уил ошалело похлопал себя по бокам. Пояса не было. Более того, обычно свободно болтавшиеся полы домотканой рубахи, которую тот должен был перехватывать на талии, оказались заправленными в просторные парусиновые штаны, приличествовавшие какому-нибудь простолюдину, но никак не уважаемому в городе торговцу. Обозлившись на нож и на тех, кто обрядил его в этот шутовской наряд, Уил с остервенением высвободил полы рубахи и обнаружил, что так еще хуже: края оказались не подшитыми и такими неровными, будто их резали тупыми ножницами.

«Хоть и рад буду ее увидеть, а трепки она от меня все-таки дождется», — подумал он, имея в виду жену, и подобрал нож.

Ничего не оставалось, кроме как воспользоваться давно позабытым мальчишеским приемом, за который ему не раз влетало от матери: проделать ножом две дырки в ткани штанов на бедре и пропустить лезвие через них. Штаны потом придется штопать, но это хороший способ прицепить нож, когда нет подходящих ножен, равно как и пояса, на который их можно было бы подвесить.

Уил похлопал себя по груди в поисках кремневого огнива, которое неизменно носил подвешенным в кожаном мешочке на шее. Мешочек пропал. Может, и к лучшему: при первом же прикосновении к стволу ближайшего дерева выяснилось, что оно совершенно сухое. Если бы от искры вспыхнул пожар, Уилу едва ли удалось бы живым и невредимым выбраться к родному дому.

Но получится ли вообще вернуться домой, даже и без пожара? Он не умел ориентироваться по луне, а немногочисленные звезды, перемигивавшиеся в бездонной черноте неба высоко над головой, были расположены довольно странно. Особенно удивило Уила их скопление в одной точке, где четыре небесных светляка образовывали маленькую, перевернутую вверх ногами букву «Т». В ту сторону он и решил в конце концов направить свои стопы за неимением лучшего

ориентира.

Пока он осторожно шагал вперед, продираясь сквозь острые, царапающие лицо и дерущие одежду ветви, под его ногами то и дело предательски подламывались дряхлые корни, и он по щиколотку проваливался в сухую древесную труху.

Уил уже понял, что как покойник оказался недостоин своей обычной обуви. Ему оставили лишь кожаные обмотки, но забыли надеть хотя бы деревянные башмаки, которые он, правда, терпеть не мог, однако с удовольствием принял бы сейчас, когда впереди лежала неизвестная и, возможно, долгая дорога через этот адский бурелом.

Постоянная необходимость бороться с назойливыми ветвями сбивала Уила с мысли и не давала сосредоточиться. Ему же не терпелось разобраться в происходящем. Где он оказался? Почему? Куда бредет? Зачем и кому нужно было так далеко оттаскивать гроб с мнимым покойником от человеческого жилья? Кому вообще взбрело в голову его прятать? Он перебирал в памяти все события последнего времени, однако так и не мог вспомнить, чтобы с кем-нибудь ссорился, а тем более настолько, чтобы завести заклятых врагов. С Мэри они с первого дня жили душа в душу. Мэри — да как он смеет даже думать о ней так!

Крохотные огоньки, составлявшие букву «Т», ехидно подмигивали и беззаботно ускользали через перекрестья ветвей. Растущее чувство голода донимало все сильнее. Уил то и дело принюхивался, ожидая, что теплый ночной бриз вот-вот принесет запах дыма от домашнего очага, а может быть, и варящейся на нем овсяной каши. Однако, сколько он ни старался, нос его не улавливал ничего, кроме пыли и затхлости высушенного болота.

Несколько раз ему казалось, будто он замечает меж деревьев не то факелы, не то пламя отдаленных костров, и он сворачивал с пути, чтобы всякий раз убедиться в своей ошибке: вокруг стояла непроглядная ночь, а горели только холодные звезды.

Что-то прошмыгнуло у него под самыми ногами. Заметив в последний момент длинный ускользающий хвост, Уил понял, что чуть не наступил на огромную крысу. Присутствие крыс указывало на близость жилья. Или трупа.

Уила передернуло. Он сам только что выкарабкался из мира мертвых, и ему совершенно не улыбалась перспектива наткнуться на них в мире реальном, хоть и смахивающем на преддверие огнедышащей штольни, имя которой — ад.

Вероятно, он произнес это слово вслух, поскольку оно как будто обрушило целую лавину звуков. Снова прошуршало под ногами, где-то в отдалении, будто от неловкого движения, треснула ветка, тоскливо загукал невидимый филин, ему ответил

писклявый хор разбуженной и уже уносящейся прочь стаи стрижей. Наконец, как итог этой живой какофонии, до слуха Уила долетел монотонный гул — так в замке бьют в набатный колокол, созывая жителей окрестных деревень по тревоге или на важное вече.

Уил попытался запомнить, откуда донесся этот звук. Он успел насчитать пять ударов, когда гул стих, и снова наступила мертвая тишина. Уил зло чертыхнулся: теперь ему казалось, что колокольный звон доносился отовсюду. Подняв голову и найдя между ветками четыре заветных звезды, он продолжил свой путь в указываемом ими направлении. Несмотря на поздний час, сна не было ни в одном глазу.

Прошло еще немало времени, прежде чем Уил заставил себя остановиться. Запустив руку в узел, он извлек потеплевшую на воздухе фляжку и сделал второй глоток. Как ни странно, на сей раз ощущение было совершенно иным: вместо укуса крапивы на языке и небе он почувствовал обжигающий холод ледяного ручья, на мгновение сковавший удушливым спазмом горло. Уил закашлялся и чуть ни выронил фляжку.

Отдышавшись, на выдохе отпил еще. В голове зашумело.

При случае Уил мог бы похвастаться тем, что слывет завсегдатаем таверны «Пьяный монах», которая славилась на весь Уинчестер количеством сортов хмельного пива и всевозможных видов эля, браги, сидра и даже привозных вин. Однако ничего подобного этой таинственной настойке он отродясь не пробовал. Вкус ее одновременно пугал и манил. Он машинально поднес фляжку к губам, но принюхался и передумал. Впереди его ждал неизвестно сколь долгий путь, а во хмелю кто угодно может наломать дров. Даже бывший покойник.

Постепенно сухие заросли начали редеть. Странный сушняк то здесь то там теперь перемежался с хвойными деревьями, похожими на облезлые елки, примечательные еще и чересчур длинными иголками. От голода Уил попробовал их жевать, но горечь была такая, что пришлось снова лезть за фляжкой. Лучше было о еде не думать вовсе.

По тому, как тяжело стал даваться каждый шаг, Уил понял, что дорога пошла вверх. Он взбирался на холм. Путеводные звезды тоже пропали, так что приходилось полагаться на шестое чувство. А оно подсказывало, что за подъемом обязательно следует склон.

Однако Уил все шел, а холм не кончался.

Основательно выбившись из сил и по-прежнему не испытывая желания поспать, Уил решил сделать короткий привал. Почему именно короткий, он сам не знал. Вероятно, по-хорошему стоило

дождаться утра и тогда как следует определить местопребывание. Но желание поскорее добраться до дома и голод лучше любого кнута гнали его вперед.

Опустившись на землю возле толстого дерева, напоминающего дуб, он вытянул ноги. И чуть не вскрикнул: ноги свободно болтались над бездонным провалом. Еще шаг, и он бы камнем упал в пропасть. Ибо теперь, вжавшись правым боком в пористый ствол, Уил увидел, как медленно рассеивается густой туман, озаряемый первыми всполохами всплывающего из ниоткуда солнца, а под туманом обнаруживается вовсе не усыпанная иголками трава, но зияющий простор долины с излучиной реки. Река с такой высоты представлялась тоненьким ручьем.

Теперь Уил знал, что не просто заблудился. Ничего подобного поблизости от Уинчестера не было и не могло быть. Правда, там протекала река, которую в стародавние времена так и назвали «река», то есть Эйвон, однако несла она свои неспешные воды по равнине, и не существовало такой горы, с которой ее можно было бы спутать с ручьем. Гор в Британии, а тем более в Уэссексе, где от одного взгляда вниз захватывало бы дух, не было, разве что на севере далекой Шотландии, но ведь не сошли же с ума его друзья и родственники, чтобы устраивать похороны за тридевять земель. Да и не слышал он, чтобы в эту пору в горной Шотландии по ночам стояла такая теплынь.

По мере того как поднималось солнце и заливало мягким оранжевым светом просыпающуюся долину, снизу, из-под усталых ног потрясенного путника задул прохладный бриз. Над его головой зашумели кроны деревьев. Запрокинув голову, Уил убедился, что это и в самом деле дубы. На земле то здесь, то там лежали упавшие желуди.

Лес позади тоже стал дышать и оживать после лунного сна.

Солнечный свет в мгновение ока преобразил его. Уил снова не верил глазам, вспоминая, какими хмурыми, безнадежно черными и страшными немногим более четверти часа назад казались ему эти могучие дубы. Теперь же они успокаивающе шелестели листвой и молча ждали его дальнейших действий. Они созерцали его, пока он ошарашенно взирал снизу вверх, понимая, что сейчас они — невольные свидетели его одиночества и единственные друзья.

Отвесный склон тянулся в обе стороны насколько хватало глаз, до самого горизонта. Как будто в этом месте земля раскололась пополам, и одна ее половина осталась там, где сейчас сидел Уил, а вторая опустилась на многие мили вниз и зажила своей собственной жизнью. Правда, жизнь ее разглядеть с

такой высоты не представлялось возможным. Лесистые берега реки казались поросшими мхом, а выступавшие кое-где островерхие скалы — крохотными камушками, способными разве что уколоть босую ногу.

Первоначальный страх Уила сменился робким очарованием. Теперь он воочию мог представить себе, как выглядит знакомый ему мир людей глазами свободно парящей птицы. Если птицы вообще могут подняться на такую высоту.

В некоторых местах долины из-под «мха» покрывавших ее лесных чащ поднимались струйки белого дыма — единственный видимый признак людского присутствия. Если там и были деревни или даже города, лес надежно скрывал их от постороннего взора.

Голод дошел до такой степени, что Уил почти перестал его замечать. Кружилась голова, но он думал, что всему виной врожденная боязнь высоты. Уил, сколько себя помнил, всегда избегал не только стоять на краю оврагов, но и забираться на деревья. В детстве под ним сломался сук, и он чудом остался жив, пролетев добрых пятнадцать футов.

Вид реки навел его на мысль о том, что он не только давно не ел, но и не пил. Хуже голода могла быть только жажда, и вот теперь она как нельзя некстати давала о себе знать. Уил заставил себя оторваться от столь завораживающего своей неожиданностью зрелища и подняться на ноги.

Идти вдоль края провала в ту или иную сторону не имело смысла: спуска в долину, кроме как камнем вниз, определенно не существовало. Значит, нужно возвращаться. Уил почувствовал, как ноги сами несут его обратно в заросли.

От быстрой ходьбы стало жарко, однако он решил не снимать рубаху, чтобы не пораниться об ожидавшие его впереди сучья. Неужели снова придется преодолевать всю ту утомительную дорогу через чащу, из которой он с таким трудом только что вырвался? Если б его не соблазнили звезды, он мог давно уже оказаться среди людей. Уил невольно поймал себя на том, что больше не мечтает попасть домой. Куда угодно, лишь бы к людям, потому что где люди — там еда. И вода. Или даже пиво. Ледяное и горькое.

Он вспомнил о фляге со странным зельем и остановился сделать очередной спасительный глоток. Запрокинувшись, с пахучим горлышком у рта, заметил краем глаза движение за ближайшими кустами. Замер. Из-за кустов выглянула острая мордочка не то крысы, не то лесного крота. Глазки-бусинки вернули Уилу удивленный взгляд, и мордочка скрылась. Рука сама потянулась к ножу на бедре.

Когда через мгновение зверек снова высунулся, Уил метнул в него нож. Он никогда не отличался меткостью и потому действовал скорее машинально, по наитию, нежели по расчету. Нож юркнул следом за мордочкой в траву. Не услышав писка, Уил решил, что промахнулся. Он наклонился, чтобы отыскать свое единственное оружие, и от восторга замер: длинное лезвие пригвоздило зверька к толстому корню. «Не может же мне не везти все время», — радостно подумал Уил, разглядывая добычу. Зверек был не крысой, однако названия его Уил не знал. Меньше крысы, с более темной и мягкой шерсткой, довольно упитанный и почти хорошенький, если бы не смертельный оскал, обнажавший два белых ряда острых клычков.

Отсутствие костра смутило Уила лишь в первое мгновение. Недолго думая он прямо на весу разделал тушку, содрав с нее шкурку и распоров брюшко до конца. Теплые внутренности шлепнулись в траву. Уил не ожидал от себя такой ловкости. Единственными существами, каких ему приходилось потрошить, были домашние куры, да и то ему приходилось заниматься этим, когда загруженная по хозяйству Мэри просила его ей помочь.

Пачкаясь кровью, он принялся откусывать жесткое, хотя и сочное мясо. Поймал себя на мысли: если б убил сейчас не безобидного зверька, а человека, поступил бы с ним точно так же. Кто же это говорил, что голод делает из человека животное? Уж не пройдоха ли Джон, когда после очередной кружки эля на него снисходил талант философа?

В животе приятно заурчало. Размазывая по лицу кровь, Уил умиротворенно зевнул. Жизнь теперь казалась уже не такой страшной и безнадежной, как полчаса назад. Он сел под дерево и впервые за всю трапезу прибегнул к помощи ножа. Резать мясо и отправлять его в рот маленькими кусками было даже вкуснее. Вот бы еще набрести на пруд или ручей, чтобы искупаться и как следует напиться! Уил улыбнулся. Что ж, если ему с первого раза повезло на охоте, почему удача должна отвернуться от него впредь?

Отбросив тщательно обглоданный скелетик в кусты, Уил с новыми силами пустился в путь. За дубами последовали елки, за елками — сухостой. Теперь даже здесь лес не казался таким удручающе враждебным, каким был ночью. Приблизившееся к зениту солнце палило нещадно. Не нашедшему нигде тени Уилу пришлось остановиться и соорудить нечто вроде шапки из пледа. Жестяное блюдо и фляжку он нес дальше в руках, зато лысую голову перестало припекать.

Продираясь сквозь колючие кусты, он не знал, сколько прошло времени, и спохватился лишь тогда, когда заметил, что

появились тени: солнце стало клониться к западу. Уил же упрямо брел на юг и с ужасом думал, не совершает ли сейчас самую большую ошибку в своей жизни. Может быть, не самую большую, но уж во всяком случае последнюю. Сухостой означал не только невозможность укрыться от зноя, но и отсутствие воды, а следовательно — какой бы то ни было живности. При этом он понятия не имел, насколько далеко тянется этот мертвый лес. На странствие по нему мог уйти не один день. В таком случае Уил был обречен. Содержимое фляжки утоляло жажду, но ненадолго, зато после каждого глотка голод давал о себе знать с удвоенной силой.

Сумерки наступили неожиданно, и вскоре все вокруг поглотил мрак.

Уил остановился, стянул с головы нагревшийся за день плед и лег на него, чтобы не чувствовать уколов сухих стеблей. Хотя идти ночью было, вероятно, не так утомительно, сил продолжать путь у него не осталось. Кроме того, он больше не видел звезд на небе и справедливо опасался, что может заблудиться, и тогда все дневные труды и лишения пойдут насмарку. Ему не раз приходилось слышать рассказы о том, как лес играл с путниками злую шутку, водил их по кругу, и они оказывались наутро в месте своего вчерашнего привала.

Торговля шерстью научила его одному очень важному качеству — терпению. Пока он не освоил ткачества и искусства валяния тканей, его дело было каждый сезон закупать только что состриженную шерсть по крестьянским хозяйствам и монастырям, а потом перепродавать ее в дни ярмарок на рыночных площадях, причем не только в самом Уинчестере, но и в соседних городах, если ему заранее доносили, что там можно будет назначить более высокие цены. В остальное же время он работал по дому или проводил время в относительной праздности, терпеливо ожидая следующего сезона.

Уил не заметил, как заснул. Ему ничего не снилось, и проснулся он хорошо отдохнувшим и окрепшим. Только нестерпимо хотелось есть. Солнце еще пряталось за деревьями, но день обещал быть не менее жарким, чем вчерашний.

Проклиная себя за нерасчетливость, Уил продолжил свой унылый путь. Сейчас он предельно ясно видел допущенные ошибки, которые в сложившейся ситуации могли оказаться для него роковыми. Зная, что его ожидает, он не должен был сломя голову бросаться обратно через мертвый сушняк, а сперва пройти по дубовой опушке леса вдоль провала. И пусть на это ушло бы лишних два-три дня, за это время он набил бы достаточно дичи, чтобы потом продержаться без охоты значительно дольше. Кроме

того, раз дубы росли, как и должен расти настоящий лес, значит, там сохранялась вероятность отыскать животворный источник. Почему его потянуло назад, навстречу неминуемой гибели? Почему было не выбрать одно из двух направлений вдоль опушки? Или он наивно верил, что обратная дорога рано или поздно приведет его к дому? Какая непоправимая глупость!

В какой-то момент Уил подумал снова повернуть назад и вернуться к провалу. За спиной были полтора дня пути, и он, зная цель, мог бы с огромным трудом, но все-таки продержаться. Напротив, впереди его ждала полная неизвестность. Встряхнув фляжкой, он прикинул, что жидкости осталось глотков на пять-шесть. Сколько это? Два дня мучений? Три? Открыв крышку, сделал жадный глоток. Теперь уж точно не три. Скорей бы все кончилось!

Он шел весь день. Когда опустилась тьма, рухнул на плед.

Он так устал, что забыл про фляжку, и проснулся под утро от страшной сухости во рту. Напившись — если так можно назвать ощущение влажности на губах и жжения на языке, — огляделся в поисках солнца. Небо было затянуто серой дымкой. Поначалу ему показалось, что это дым от пожара, однако запаха гари не чувствовалось, и Уил воспрянул духом: небо затянули плотные облака. Сколько это могло продлиться, он не знал, а потому сориентировался на местности по собственным вчерашним следам, оставшимся глубокими впадинами в выжженной земле, и незамедлительно отправился в путь. То и дело оглядываясь, он следил, чтобы остававшаяся за ним дорожка следов тянулась прямой линией. Тогда он мог быть уверен хотя бы в том, что не бродит кругами.

Уил уже настолько привык к окружавшим его сухим деревьям, что почти не замечал, как их острые сучья рвут на нем одежду и царапают тело. От пота ранки зудели и саднили, однако эта боль была ничто по сравнению с утомительным головокружением и поедающим себя от голода желудком.

Уила так и подмывало покончить со всеми этими муками разом, залпом выпив фляжку или выплеснув ее содержимое на землю. Он знал, что не перестанет идти, пока еще теплится надежда. Умрет надежда, умрет и он. Однажды он уже умер. Тогда ему удалось обмануть смерть. Неужели лишь затем, чтобы умереть вновь, на сей раз взаправду?

Так прошел еще один день.

Расстилая в сумерках плед рядом с целой кучей сушняка, наваленного вокруг одинокого дерева, Уил отчетливо услышал далекий раскат грома. Сначала он даже не обратил на него внимания, укладываясь и закрывая глаза, чтобы попытаться

заснуть, но потом приподнялся на локте и прислушался. Гром пророкотал снова, и на сей раз Уилу показалось, что он заметил в том направлении, откуда пришел, всполох молнии. Гроза! Настоящая гроза! Так вот почему весь день небо было затянуто тучами! Погода портилась! Какое счастье! Будет дождь!

Если бы у Уила оставались силы, он вскочил бы на ноги и пустился в пляс. Отчаявшегося, чуть не отказавшегося от борьбы за жизнь, его теперь спасали те же самые явления Господни, которые до сих пор столь нещадно испытывали его ослабевший дух. Уил перевернулся на живот, поднялся на колени и принялся истово молиться в сторону громовых раскатов.

Гроза надвигалась.

Глотая слезы радости и умиления от ниспосланной ему милости Всевышнего, Уил то и дело поднимал лицо вверх, ожидая первых капель долгожданного дождя. Над лесом уже проносились сильные порывы ветра. Сухие стволы беспомощно трещали. В какой-то момент Уила обдало облако поднятой пыли. Он только рассмеялся, злорадствуя бессилию казавшегося до сих пор таким страшным леса.

Гром пророкотал над самой его головой. Уил хотел было закричать от охватившего его религиозного экстаза, но сорвавшийся с потрескавшихся губ крик превратился в вопль ужаса. Последовавшая сразу за раскатом грома молния на его глазах вспорола черный бархат неба и вонзилась в лес, на краткий миг озарив деревья, застывшие с воздетыми в немой мольбе ветками. Уил увидел, как расколовшийся пополам ствол вспыхнул гигантской лучиной. От первого ствола занялся второй, и вот уже вокруг заплясали причудливые тени от разгоравшегося в каких-нибудь пятнадцати ярдах от него пожара.

Пути Господни неисповедимы! Искусив раба своего надеждой на спасение, Всевышний обрушил на него всепожирающий огонь!

Уил вскочил с колен, чтобы обратиться в бегство, но замер, потрясенный разворачивавшимся на его глазах буйством природы. Деревья вспыхивали как щепки и превращались в столбы пламени. Жар от них был сильнее, чем жар полуденного солнца. Огненные языки устремлялись ввысь и гудели, как адские трубы. Уил никогда не думал, что смерть может быть так ужасающе прекрасна.

И тут из ниоткуда хлынул ливень. Потрясенный Уил оказался отрезанным от пожара стеной золотистых капель. Вмиг все померкло. Огня не стало. Теперь в окружающей темноте стояло лишь негодующее шипение мокрых стволов да шуршание ливня по раскисающей земле.

Словно очнувшись от спячки, Уил бросился рыскать в

потемках в поисках фляжки и блюда. Блюдо он нашел первым. Задев его рукой, он почувствовал, как через край выливается уже набравшаяся в него вода. Настоящая дождевая вода! Где же фляжка? Да вот же она! Теперь нужно попытаться думать. Напиться! Наполнить фляжку! Да, конечно, ведь ливень может в любой момент прекратиться. Только без суеты! Спокойно, не расплескать.

Запрокинув лицо навстречу холодным струям дождя и ловя ртом живительную влагу, Уил судорожно выдернул из фляжки пробку. Первым делом необходимо наполнить ее водой, а уж напиться он успеет. Захлебываясь, одним махом вылил себе в горло остатки настойки. Не обращая внимания на ощущение приятной апатии, обычно сопровождающей опьянение, Уил одной рукой обхватил горлышко фляжки, а другой принялся осторожно вливать в него дождевую воду из дрожащего в руке блюда.

Дождь не прекращался.

Фляжка наконец заполнилась до краев. Заткнув ее пробкой, Уил с наслаждением распластался на спине в образовавшейся под ним луже и раскинул руки. Вода сама лилась с неба в его смеющийся от счастья рот. Несколько раз он даже чуть не захлебнулся. Сейчас он мог позволить себе не только пить вволю, но и кощунственно сплевывать воду себе на грудь.

Господь не покинул его! Искусил, напугал до смерти, но не покинул! Наоборот, явил знамение своей безмерной милости тому, кто нашел в себе силы покориться Его всевышней воле. Да пребудешь Ты и впредь пастырем моим, Господи!

Уил прямо так и заснул, лежа на спине в холодной жиже и с улыбкой на мокром лице. Он не заметил, как среди ночи дождь прекратился, и проснулся лишь тогда, когда взошедшее над обугленными останками деревьев солнце начало припекать.

Почва давно высохла, и теперь он с головы до ног был в отвратительной глинистой коросте. Ужасно хотелось пить.

Уил сел и бросил взгляд на стоявшее поодаль блюдо. Вода сверкала в нем на самом донышке. Остальное успело бесследно испариться. Уил подхватил блюдо обеими руками и жадно допил теплую лужицу.

Опустив блюдо, он невольно подался назад и вскрикнул от неожиданности: из-под соседнего дерева на него смотрел скелет. Настоящий человеческий скелет с пустыми дырами вместо глаз и насмешливым оскалом желтых зубов. Скелет не шевелился, и Уил с замирающим сердцем перевел дух. Откуда здесь мог появиться этот нежданный гость? Не принесло же его грозой? Оглядевшись, Уил понял. Скелет равнодушно сидел, прислонившись спиной к дереву, на месте той самой кучи сушняка, которую Уил заметил,

готовясь ко сну. Ливень размыл землю, а ветер за ночь разметал никчемные ветки, которыми, вероятно, и был прикрыт неведомый труп.

Уил молча сидел, боясь встать и приблизиться к скелету. Покойник как будто отвечал ему тем же. Что-то в облике скелета смущало Уила. Он не сразу сообразил, что именно. Скелет был облачен в рыцарские доспехи. Сверкающие и лишенные даже намека на ржавчину, их словно только что сняли с живого воина и напялили на эту пугающую куклу с зияющими пустотами на месте глаз и носа. Между колен скелета из земли торчал короткий меч с причудливой рукоятью.

Уил перевел дух.

События последних трех дней, как он думал, отучили его удивляться чему бы то ни было. Пробуждение в гробу, сидение над пропастью, переход по выжженному солнцем лесу, предчувствие смерти от жажды, а потом — от огненных объятий пожара и, наконец, упоение льющейся с небес водой довели его до исступления, которое в свою очередь сменилось состоянием необыкновенного покоя и всеприятия. И вот он снова оказался один на один с неразрешимой загадкой судьбы, явившейся ему в образе скелета-воина.

На своем веку Уилу неоднократно приходилось видеть рыцарей, в полном вооружении гарцующих на спинах огромных боевых коней, однако он ни разу не имел возможности осмотреть их доспехи с такого близкого расстояния, да еще и потрогать руками.

При первом же прикосновении позолоченные кольца кольчуги тихо, словно предостерегающе, зазвенели. Уил опасливо отдернул палец. Просвечивавшие сквозь железо кости производили более чем странное впечатление. Верх кольчуги представлял собой капюшон, надетый на череп и накрытый сверху блестящим шлемом тонкой работы. Шлем отдаленно напоминал голову хищной птицы, металлический клюв которой служил защитным щитком для переносицы. Уил привык к тому, что шлемы рыцарей снабжены забралом, иногда закрывающим все лицо вместе с подбородком, однако ему приходилось слышать, что некоторые воины в других странах по-прежнему предпочитают облегченные варианты с одной вертикальной пластиной. По всей видимости, мертвый воин был не англичанином.

Кисти скелета закрывали странного вида перчатки, больше похожие на металлические щитки, неизвестно каким образом крепившиеся к запястьям. Уил осторожно взялся за одну, и она осталась у него в руке. То же самое произошло, когда он

попробовал снять железный башмак, доходивший почти до костлявого колена. Чудеса! Чтобы проверить возникшее подозрение, Уил, не дыша, взялся обеими руками за шлем и легко поднял его над безвольно откинувшимся назад черепом. Догадка оказалась верной: между желтой макушкой скелета и кольчужным капюшоном он едва успел заметить горку бурой пыли, которая прямо на его глазах рассыпалась сквозь позолоченные колечки. Уил знал: шлем никогда не надевают прямо на голову, а тем более если под ним капюшон кольчуги. Обычно рыцари сперва надевали пуховую шапочку, а поверх нее еще и полотняный или шелковый чепец. Именно эти шапочка с чепцом и превратились в бурую пыль под шлемом. Означать это могло только одно: труп несчастного воина просидел здесь под деревом так долго, что вся его одежда, сшитая когда-то из дорогих тканей и кожи, обратилась в прах и исчезла. Остался лишь металл, причем совершенно нетронутый временем. Неужели в этих местах и правда не бывает дождей, а если они и случаются, то вся влага сразу же испаряется на солнце, не успевая породить ржавчину? Похоже, то было единственное объяснение. И оно Уилу совершенно не нравилось. Если в мертвом лесу гибнут могучие вооруженные рыцари, на что может рассчитывать бедный торговец шерстью, у которого за душой-то всего одна фляга с дождевой водой?

Продолжая осмотр шлема, Уил убедился, что хозяин его был явно не англичанин. Это подтверждала надпись, выгравированная вдоль всего тонкого обода и больше похожая на примитивный орнамент, элементы которого редко, но с определенной логикой повторялись: ломаная, иногда прерывающаяся линия, там и сям перечеркнутая короткими штрихами, то одиночными, то сдвоенными, со вписанными в ее причудливые изгибы крестиками или такими же короткими, но ни с чем не соприкасающимися штрихами. Кто бы ни гравировал шлем, делал он это отнюдь не по законам красоты. Значит, рассудил Уил, это надпись.

Один из фрагментов выглядел следующим образом:

В родном Уинчестере Уил слыл довольно образованным человеком, он умел не только считать, как того требовало его ремесло, но также читать и писать на английском и даже сносно разумел по-французски, будучи вынужден время от времени общаться с тамошними купцами. Не знал он разве что латыни, однако с латинской вязью рисунок на шлеме Уил едва ли бы спутал. Оставалось лишь предположить, что перед ним язык неведомого ему народа, вероятно, одного из тех, которые, судя по рассказам пилигримов, обитали в превеликом множестве за далекими горами где-то на востоке большой земли. Только вот кто и когда заслал сюда бедного рыцаря, сложившего буйную голову среди мертвого леса, да так, что об этом вторжении молчали местные хроники?

Уила одновременно обуревало столько невнятных вопросов, что он растерялся, не зная, с какого начинать. Ему, к примеру, не приходилось слышать, чтобы рыцари, даже не слишком благородные, передвигались пешком. Между тем нигде поблизости не было видно останков коня или холма, под которым мог бы лежать скелет погибшего животного. Или взять те же кожаные ремни, что исчезли с заклепок на рукавицах вместе с истлевшей рубахой и прочими предметами обычной одежды. Уил помнил, как однажды при нем родственники приора вынимали из склепа останки своего пращура, почившего смертью праведника лет за семьдесят до того самого дня. Покойник превратился в такой же ужасный скелет, однако кожаные сандалии на его костлявых ногах выглядели нетронутыми могильным тленом. Сколько же нужно было просидеть здесь этому скелету, чтобы из всей одежды на нем осталось одно лишь чудесным образом сохранившееся железо? Сто, двести лет? Отчего он умер? От голода и жажды? От жары и истощения? Или его зверски убили? А может быть, тяжело ранили и бросили умирать одного, когда этот лес еще был живым и цветущим?

Уил повертел шлем. Ни вмятин, ни царапин. Только вязь по ободку да филигранная резьба с обоих боков и на затылке в виде развевающихся на ветру перьев. Сам череп, насколько позволяла видеть кольчуга, тоже был цел и невредим. Зато при более внимательном осмотре кольчуги с левой стороны груди открылась едва заметная прореха: что-то со страшной силой разорвало несколько соседних колец. Удар скорее колющий, чем рубящий. Очевидно, беднягу закололи копьем. Или пронзили

мечом. Быть может, тем самым, что торчал сейчас из земли и смущал взгляд Уила богатством инкрустированной каменьями рукояти.

Некоторое время Уил даже не мог заставить себя притронуться к ней, так заворожили его мерцающие внутренним светом изумруды и рубины. Или то, что казалось изумрудами и рубинами, поскольку окончательно запутавшийся мозг Уила отказывался что-либо принимать на веру. Тем более что подобного размера изумрудов и рубинов ему не приходилось видеть никогда.

Изумрудами была выложена левая сторона рукояти, рубинами — правая. Заканчивалась рукоять шаром из слоновой кости, который держала в когтях напряженная птичья лапа. Две орлиные головы с открытыми клювами, обращенные в противоположные стороны в том месте, где рукоять меча граничила с клинком, сверкали позолотой. Клинок имел в длину не больше локтя и был обоюдоострым. Вместо обычного острия Уил увидел странное раздвоение, делавшее клинок похожим на змеиное жало. Посередине лезвия с одной и с другой стороны тянулась такая же вязь, что и на шлеме. Уил взвесил меч в руке и ощутил внезапный прилив уверенности. Как бы ни мучил голод, теперь он достаточно вооружен, чтобы оказать сопротивление любому и при первой же возможности успешно поохотиться. Было бы на кого.

Он даже заглянул через пустые глазницы внутрь черепа, ожидая увидеть копошащихся в нем червей, какие всегда заводятся в трупе, стоит тому пролежать на земле больше двух дней. Уил слишком хорошо помнил тот страшный год, когда ему с семьей пришлось скитаться по деревням, в которых норманны перебили всех жителей. Некому было убирать с улиц мертвых, и они гнили прямо между домами и на дорогах, вонючие и облепленные мухами и червями. Сейчас у него засосало под ложечкой, и он подумал, что, если б обнаружил в скелете какую-нибудь живность, наверняка бы не побрезговал, как тогда, и съел.

Череп был идеально чист. Если черви в нем когда-нибудь и жили, то давно сделали свое дело и уползли.

Уил расстелил на земле плед и стал складывать в него новые трофеи. Шлем мог пригодиться на случай нового дождя. Кольчуга едва ли, однако он решил для верности прихватить и ее. Если посчастливится выбраться из этого леса, кто знает, что ждет его дальше? Раз уж решил бороться за жизнь, нужно быть готовым ко всему. Подумав, не без труда стянул со скелета кольчугу. Она оказалась настолько тонкой, что он легко скомкал ее и положил внутрь шлема. Железные перчатки и щитки на ноги брать не

имело смысла — они были слишком тяжелыми и бесполезными. Другое дело — меч. Уил огляделся в поисках ножен. Ни коня, ни седла, ни ножен, ни щита. Кто же приволок сюда этого несчастного?

Уил вышел из положения, обвязав концы пледа вокруг лезвия, после чего закинул меч на плечо, крепко взявшись за драгоценную рукоять. Бросил последний взгляд на развалившийся под деревом скелет. Развалившегося в прямом смысле слова, поскольку в результате снятия кольчуги у него оторвались обе руки и вывалилось несколько ребер.

Уилу всегда хотелось иметь собственный череп. Черепа были у всех монахов, обитавших в Уинчестерском монастыре, а некоторые из божьих братьев во время служб даже носили их привязанными к поясу. Считалось, что это мощи почивших в святости праведников, с которыми монахам предписывалось советоваться в часы раздумий и сомнений. Уилу же казалось, что монахи просто кичатся своими реликвиями и не испытывают от обладания ими ничего, кроме гордыни всевластия.

Вздохнув, он наклонился и поднял череп за костяную перемычку между глазными впадинами. Нижняя челюсть безвольно болталась и лязгала желтыми зубами. Откуда же ты прибыл, храбрый рыцарь, чтобы столь бесславно закончить свои дни здесь, в этом пересохшем болоте?

Уил сам удивился своей догадке. А ведь действительно очень похоже на выжженное солнцем болото, деревья в котором сначала сгнили, а потом высохли, превратившись в труху. Он вспомнил, как радостно занималась эта труха пламенем, и его передернуло. Нельзя больше терять драгоценное время, пора в путь!

Сунув череп в мешок, Уил поправил меч на плече и побрел вперед, держась левее своей укорачивающейся тени.

Так он шел весь день, сделав всего два привала, но за это время выпив почти половину фляжки. В отличие от обжигающего горло эликсира, глотать пусть и теплую, но дождевую воду было куда приятнее, и он не находил в себе сил ограничиваться двумя-тремя глотками за раз. Кроме того, вода сразу же выходила обратно потом, и хотелось пить еще и еще.

Под вечер Уил как-то отчетливо понял, что вот-вот умрет. Соблазн допить фляжку и забыться последним блаженным сном, не думая об ужасе пробуждения, был слишком велик. Лежавший рядом меч колол его в бок, подначивая так и поступить. Уил вздохнул. Поднявшийся в сумерках слабый ветерок донес до него едва различимый запах хвои. Уил закрыл глаза, проваливаясь в безрадостное забытье, но потянул носом и встрепенулся. Сна как не бывало. Он вдыхал аромат живого леса!

Вскочив и даже не заметив, как сломал головой слишком низко наклонившуюся ветку, Уил определил, откуда дует легкий бриз, и устремился в том направлении через ночь, через мрак, через цепляющийся за ноги и руки сухостой, только вперед, из последних сил. Так сам собой переходит в галоп взмыленный конь, почуявший конец утомительного перехода и близость студеной воды и свежего сена.

С каждым десятком шагов ветер как будто даже усиливался. Ноги Уила уже не проваливались в труху, а твердо ступали по настоящей земле. Казалось, еще немного, и он разрыдается от счастья, упиваясь мыслью о том, что Господь не оставил его в беде и не дал погибнуть, не увидев в последний раз отчего крова.

Его окликнули. По-прежнему не видя ни зги, он удивленно повернул голову на зов и получил тяжелый удар по затылку. Уил почувствовал, что падает в пропасть, и потерял сознание.

— Он не похож на *шеважа*, — сказал Граки, в голосе которого послышалось удивление, сменившееся раздражением. — Дорого бы я дал, чтобы понять, на кого он вообще похож, только не на шеважа — это точно. Правильно, что не прикончили его на месте, а приволокли сюда. — Он свирепо глянул на собравшихся в просторной хижине людей. Некоторые невольно подались назад. — Но могли бы обождать до утра. Кому взбрело в голову будить меня среди ночи? Тебе, Шиган?

Тот, кого назвали Шиган, могучего вида старик с гладко выбритой головой и длинной седой бородой, спокойно выдержал направленный на него взгляд, потер подбородок и задумчиво кивнул.

— Я решил, тебе захочется посмотреть вот на это, — негромко ответил он, и вынул из-за спины грязный мешок.

Увидев едва проглядывавшие сквозь толстый слой пыли переплетения окружностей, Граки хмыкнул и протянул руку. Шиган не спешил отдавать ему свою добычу. Он развязал узелки, и содержимое мешка, оказавшегося обычным куском материи, высыпалось на пол под ноги Граки.

— Тэвил! — выругался тот, отступая. — Что это за посуда?..

Граки не договорил. Взгляд его застыл на перекатывавшемся из стороны в сторону шлеме. Из шлема с шуршанием вывалилась скомканная кольчуга.

— А вот к чему этот малый привязал свой мешок. Фокдан, покажи-ка.

Фокдан, единственный оставшийся в живых из сыновей Шигана, такой же могучий и неторопливый в движениях, как отец, снял с плеча и шумно поставил перед собой длинную

кожаную сумку. Все знали, что он носит в ней свои смертоносные стрелы. Одним рывком развязав тесемки, стягивавшие верх сумки, Фокдан сунул руку внутрь и извлек то, отчего у Граки перехватило дыхание: обоюдоострый меч с расщепленным клинком и повернутыми в противоположные стороны хищными орлиными головами. Между крепкими пальцами, сжимавшими рукоятку, проглядывали зеленые и красные драгоценные камни.

— Ты знаешь, что это такое, — чуть дрогнувшим голосом продолжал Шиган. — И потому я дерзнул разбудить тебя, чтобы ты сам посмотрел. Извини.

Некоторое время было слышно, как в тишине потрескивают факелы.

Скоро в хижине Граки собрались почти все воины заставы, кроме, разумеется, тех, кто находился в этот ночной час в карауле. Восемьдесят три видавших виды мужчины, покалеченные в нескончаемых битвах, хмурые и предпочитавшие словам действие. Они не умели складно говорить и размышлять вслух, но зато у них вот уже не один год получалось худо-бедно защищать эту часть Пограничья от набегов свирепых шеважа. Все уже знали, что произошло. Виновник их неурочного собрания был здесь же: странного вида исхудалый парень, непонятного возраста из-за преждевременной лысины, однако, судя по всему, явно нестарый, в изодранной рубахе и слишком широких для него штанах, связанный по рукам и ногам, лежал под балкой, подпиравшей коньковый брус крыши, и едва слышно стонал. Сидевшие по бокам охранники не обращали на него внимания и слушали, что говорит Граки.

— Сегодняшняя ночь, братья, загадала нам трудную загадку. — Граки, не моргая, смотрел в жаркое пламя костра и задумчиво крутил в пальцах деревянный кубик для игры в совпадения. — Я даже не берусь сказать, что произойдет, если нам в конце концов удастся ее разрешить, но что-то произойдет наверняка. — Он подкинул кубик и не стал его ловить. Кубик покатился по доскам пола и замер между разложенными перед костром трофеями: человеческим черепом, блюдом, фляжкой, тонким ножом, шлемом, кольчугой и мечом, мерцающим всеми гранями усыпавших рукоять драгоценных камней. — Сначала давайте разберемся, как этот человек попал к нам. Кто его поймал?

— Поймали его мои люди, Брентан и Дамзей, — подал низкий голос воин в причудливом зеленом наряде: бурый плащ, в который он по привычке кутался, будто от холода, был сплошь в зеленых лоскутках. Издали могло показаться, что перед костром сложена куча листьев. Говорившего звали Гейвен. Он возглавлял

отряд лазутчиков. — Когда я его увидел, он уже был без сознания. Дамзей уверяет, что парень напал на него.

— А где Дамзей сейчас? — Граки подобрал кубик. — Думаю, стоит расспросить его самого.

— Я велел обоим оставаться на дежурстве. Сегодня в лесу неспокойно. Похоже, гроза, что разразилась прошлой ночью, пришлась не по душе шеважа: за день мы дважды видели их костры.

— Совсем обнаглели, — пробурчал сидевший справа от Граки Шиган. — Когда был жив мой отец, эти твари не приближались к заставе ближе чем на три полета стрелы. А теперь разгуливают у нас под носом да еще костры жгут.

Его замечание осталось без ответа.

— Как это произошло? — напомнил свой вопрос Граки. Кубик скрылся в его широкой ладони.

— И Брентан, и Дамзей сходятся на том, что этот парень шел, вернее, бежал, со стороны Мертвого болота. Все, что они у него нашли, перед тобой. Похоже, он пришел с другой окраины леса.

Собравшиеся разом подняли возмущенный гул.

Граки отмахнулся, как от назойливой мухи:

— Ты ведь знаешь, Гейвен, что это невозможно.

— Знаю, но сдается мне, что сегодня ночью я в этом знании уверен меньше, чем когда-либо.

— Не ты ли докладывал мне последнее время, что шеважа рыщут повсюду? Как же мог он пройти мимо них незамеченным? Да и Мертвое болото! Ты хорошо подумал, Гейвен? Парень не похож на героя, а ведь там сложили головы многие славные богатыри. И эти доспехи, и этот меч — не лишнее тому подтверждение.

Словно поняв, что речь о нем, пленник застонал громче.

— Что он там бормочет? — крикнул Шиган. — Если очнулся, давайте спросим его самого, пока не помер.

— Ты бы его сперва накормил да воды дал, а уж потом спрашивал, — заметил подошедший к костру юноша с улыбчивым лицом и копной светлых кудрей. Довольный произведенным на присутствующих эффектом, он пожал плечами и показал пример, подойдя к пленнику и вылив ему на лицо кружку холодной воды. Пленник закашлялся, открыл глаза и жадно облизнул губы.

— Локлан говорит дело, — согласился Граки. — Похоже, этому парню несладко пришлось.

— Он напал на моих людей, — напомнил Гейвен.

— Ты же сам этого не видел, — поднял руку Шиган. Разгладив на груди бороду, будто демонстрируя собравшимся, кто здесь старший если не по чину, то по возрасту, он продолжил:

— Я бы не удивился, если б узнал, что твои храбрецы первые оглоушили его.

Кое-кто хохотнул. Гейвен благоразумно промолчал.

Пленнику развязали руки и принесли дымящийся котелок. Бедняга с неподдельной жадностью набросился на еду и стал, обжигая пальцы, вылавливать из котелка вареную морковь и репу и глотать не жуя.

— Но-но, поосторожнее, приятель! — засмеялся Локлан, скаля белые зубы. — Так и лопнуть недолго. Отберите у него котелок и дайте побольше воды.

Присутствующие с нескрываемым интересом наблюдали, как незнакомец захлебывается, опрокидывая на себя содержимое принесенного кем-то черпака. На всю трапезу у него ушло не больше двух минут. За это время он почти пришел в себя и теперь сидел под балкой, воровато оглядываясь.

— Эй, кто ты такой? — окликнул его Граки. — Имя у тебя есть?

Пленник закивал и что-то ответил, но никто его не понял.

— Язык вместе с репой проглотил, что ли? — усмехнулся Граки. — Говори по-человечески!

Парень замешкался, словно подыскивая слова.

Уил уловил, о чем допытывается этот дикого вида детина с зеленой повязкой на голове и в кожаной безрукавке, оставлявшей голыми мускулистые загорелые руки, однако отвечать не спешил. Взявшие его в плен люди говорили на странном диалекте английского языка, одни слова проглатывая, другие — неимоверно растягивая, но это было еще не самым худшим. Хуже всего, что каждый из них имел при себе оружие, а у него даже ноги по-прежнему оставались связанными. Правда, они дали ему поесть, но боль в затылке слишком отчетливо напоминала о том, как он здесь оказался.

— Я Уил, — проговорил он наконец. — Торговец шерстью из Уинчестера, что в Уэссексе. Вообще-то меня зовут Уилфрид Гревил, но для друзей я Уил. Рад знакомству.

— Что он сказал? Кто-нибудь понял? — Граки раздосадованно посмотрел на Локлана. — На язык шеважа тоже не похоже.

— Кажется, он говорит, что наш друг, — озадаченно почесал голову Локлан. — А зовут его Вил, если не ошибаюсь.

— Ты — Вил? — снова обратился Граки к притихшему пленнику.

— Уил, Уил! — закивал тот, радуясь, что его в конце концов поняли.

— Зачем ты напал на наших воинов?

Пленник по имени Вил пожал плечами. Очевидно, он ожидал услышать продолжение вопроса.

— Вот бестолочь, — сплюнул Граки, разглядывая свой кубик. — Ладно, спрошу по-другому. — Он поднял глаза на собеседника и снова сжал кубик в кулаке. Кулак при этом побелел. — Что ты делал на Мертвом болоте?

Как ни странно, при этих словах Вил оживился, глаза его вспыхнули нехорошим огнем, он весь сжался и стал быстро-быстро бубнить себе под нос:

— Н-да, блот, блот, мерт блот…

— Вот видите, он сказал «да»! — подал голос Гейвен. Вероятно, он все еще рассчитывал, что этот ответ примут за признание в совершенном нападении.

Никто его не поддержал.

— Мне показалось или его язык действительно схож с нашим? — хмыкнул Граки. Вопрос относился к Локлану, который уже встал со своего места и теперь опустился на корточки перед пленником. Тот смотрел на юношу вопросительно, но без страха.

— «Мерт блот» — это Мертвое болото? — поинтересовался Локлан, не обращая внимания на смешки наблюдавших за ними воинов.

Пленник на мгновение задумался, кивнул и с некоторым трудом произнес:

— Мертвое болото…

Собравшиеся в хижине дружно загоготали.

— Тихо! — прикрикнул Граки, подняв руку. Когда все замолчали, продолжил, чеканя каждое слово: — Послушай, Вил, ты хорошо понимаешь мои слова?

— Храшо, храшо, — согласился пленник. — Я хчу що жорить…

— Жрать хочет, — оскалился Шиган, хотя все и так поняли смысл сказанного. — Эдак мы его никогда не прокормим. Разве что сами с голодухи помрем.

Граки между тем сделал знак, чтобы пленнику принесли еще поесть. Пока тот с прежней жадностью уплетал буханку хлеба и ломти вяленого мяса, Граки обратился к негромко переговаривавшимся меж собой воинам:

— Что будем с ним делать, братья? Этот человек, который называет себя Вилом, пришел к нам один, вооруженный, но не своим оружием. Он говорит на чужом языке, но все мы так или иначе понимаем его. И что бы здесь ни придумывал Гейвен, сдается мне, что ни на кого он в лесу не нападал.

— Я не придумываю, — буркнул Гейвен.

— Пусть Дамзей и Брентан оба явятся ко мне утром. Я хочу поговорить с ними. Если бы он действительно хотел напасть на них, то с таким мечом, я думаю, одному из них наверняка бы не поздоровилось. Остается сделать вывод, что наш прожорливый Вил не умеет с ним обращаться.

— Кажется, он говорил, что торгует чем-то? — заметил Локлан.

— Ты думаешь? — недоверчиво протянул Граки. — Эй, Вил, ты — торговец?

Торопливо прожевывая хлеб, пленник утвердительно кивал, а когда проглотил, сказал:

— Трговц, н-да.

— Ну что ж, — подхватил Шиган, — это объясняет, почему в предполагаемой схватке с нашими лазутчиками меч Дули ему не пригодился, но зато тем непонятнее, как торговец мог пройти через Мертвое болото. Ни о чем подобном мне не приходилось слышать. Что-то здесь явно не так. Если только его не заслали к нам шеважа.

— Речь идет не только о мече Дули, — сказал Граки. — Похоже, этот парень вместе с мечом раздобыл доспехи Дули и даже часть его самого. — Он уронил кубик, и тот послушно подкатился к черепу. — Признаться, никогда не думал, что увижу останки Темного Бойца.

При звуке этого имени все присутствующие, не сговариваясь, склонили головы и с почтением приложили сжатые кулаки к левой стороне груди. Только пленник продолжал жевать и недоуменно смотрел по сторонам.

Уил делал вид, будто понятия не имеет, что происходит вокруг. Обитатели хижины говорили быстро, однако он уже начал разбирать их непривычную речь и понимал, что идет она о нем и о его пожитках. Судя по всему, он, сам того не желая, завладел чем-то довольно ценным. Имя обезглавленного теперь скелета было, вероятно, Дули. Красноречивые жесты воинов свидетельствовали о том, что его здесь почитали. А озадаченные, но беззлобные взгляды — что его, Уила, вроде бы не подозревают в убийстве.

У хлеба был странный привкус — как будто в ржаную муку добавили какой-то травы, — однако голод постепенно проходил, сменяясь ощущением упоительной пресыщенности. Все тело теперь не болело от усталости, а приятно ныло. Даже голова больше не раскалывалась.

Уилу захотелось одного — спать.

— А парень-то того, заснул, — сказал сидевший рядом с пленником охранник, на ногу которого пролилась вода из упавшего черпака. — Может, притворяется? Давайте заново его свяжем.

— Никаких связываний. — Граки встал. За ним поднялся Шиган. — Сдается мне, Ракли будет недоволен, если узнает, как мы обращаемся с человеком, пришедшим к нам из неведомых земель да еще принесшим такие трофеи. Как ты считаешь, Локлан?

— Мой отец, как и все мы, свято чтит память Дули, — охотно отозвался кудрявый юноша, внимательно изучавший надпись на шлеме. — И если этот Вил, который спит сейчас так, будто точно знает, что находится среди друзей, в самом деле пересек Мертвое болото и каким-то чудом миновал рыскающие по всему Пограничью отряды шеважа, он будет принят в Тронной зале с подобающими почестями. Я согласен с Граки.

Остальные воины закивали. Поймав на себе чей-то вопросительный взгляд, Гейвен тоже наклонил голову, а когда поднял глаза, Граки и Шиган уже расходились по своим ложам. Скоро в хижине не осталось никого, кроме хозяев да сладко похрапывающего Вила.

Проснувшись, Уил некоторое время лежал на спине с открытыми глазами и думал. Впервые за несколько последних ночей он спал сном праведника, позволившим ему забыться сладкими грезами, и теперь не сразу осознал, где находится.

Потолок, выложенный тугими снопами соломы, с перекрестьями тонких несущих жердей был выше, чем в обычном деревенском амбаре, однако развешанные под ним заготовки еды, какие делают заботливые хозяева на зиму, живо напомнили Уилу отчий дом. До его женитьбы всем хозяйством заправляла мать, и часто заставляла Уила помогать ей прилаживать на потолочных балках, повыше, чтобы не дотянулся живший здесь же скот, всевозможные гирлянды из пахучих трав, терпкого чеснока, вяленой рыбы, мяса и лесных ягод, которые потом так вкусно было добавлять в густое домашнее вино вместо обычных пряностей вроде перца, имбиря или гвоздики.

Прямо с потолка на Уила глядела свирепая кабанья морда.

Уил резко вскочил на ноги, схватился за правое бедро, где должен был висеть нож, и удивился. Ножа, разумеется, не было, но не было также и пут, в которых его продержали вчера почти весь вечер. Или ночь? Неважно, зато его больше не связывали. На память пришел конец вчерашнего разговора на военном совете. Насколько он понял смысл сказанного, молодой воин с

приветливым лицом упомянул, что Уила отведут в какую-то залу. Это могло означать все что угодно, кроме одного — что ему снова придется изнывать от голода и жажды в том страшном лесу, который даже здешние обитатели окрестили Мертвым болотом.

Факелы были потушены, однако некоторые по-прежнему чадили. Свет в помещение проникал теперь с улицы: через открытый дверной проем и многочисленные щели в потолке и стенах.

Никого из своих новых знакомых Уил не увидел. При этом он обратил внимание, что спят здесь не на полу, как селящиеся в подобных хижинах английские крестьяне, и не на кроватях, что позволяют себе относительно зажиточные горожане, каким совсем недавно был и он сам, а в довольно грязных широких гамаках. Гамаки висели между балками вдоль дальней от входа стены. Даже со своим скудным боевым опытом Уил сообразил, что подобные удобства могут быть достаточны разве что для людей сугубо военных, чей быт предполагает почти полное отсутствие женщин.

Пол в хижине был добротным, деревянным, что и следовало ожидать от лесного жилища. Место для костра окружали среднего размера камни. Сейчас кострище было накрыто, как щитом, круглым листом кое-где проржавевшего металла. От него по всему помещению растекалось приятное тепло.

Уила удивило отсутствие обычного для подобных хижин запаха затхлости. Собственно, единственным запахом был аромат дерева, смешанный со свежестью леса. Казалось, так донимавшая его все это время жара отошла в безвозвратное прошлое.

Благо ничто не удерживало его теперь, Уил поспешил на улицу. Уже в дверях он столкнулся с тем самым детиной с зеленой повязкой на голове, который вчера вел военный совет. Кажется, его все называли Граки.

Граки остановился и скрестил на груди руки, словно специально демонстрируя игру мышц под загорелой кожей. Зрелище было настолько впечатляющим, что Уил невольно попятился внутрь хижины. Воин самодовольно ухмыльнулся и что-то сказал. На «доброе утро» это похоже не было.

— Какого рожна ты тут крутишься? — поинтересовался Граки, посмеиваясь про себя над потрясенным видом ночного гостя. Парень явно только что проснулся и выглядел слегка ошарашенным. Он был довольно высок, худощав, насколько позволяла судить висевшая на нем бесформенным мешком одежда, и молод, хотя чернявую шевелюру уже обезобразила расползающаяся по макушке лысина, делавшая его похожим на

проповедника. — Если ты насчет пожрать, так до полудня придется обождать. Вил, так тебя, кажется, зовут?

Услышав знакомое слово, парень изобразил на побледневшем лице улыбку и закивал. Он совершенно не походил на того героя, который мог бы в одиночку не то что пробраться через кордоны шеважа и Мертвое болото, но даже наколоть дров, не поранив руку. Между тем Граки только что закончил допрашивать Дамзея и Брентана и мог бы поклясться, что опытные лазутчики перед ним не юлили, когда во всех подробностях рассказали, как сперва услышали, а потом и различили в сгущавшихся сумерках отчаянно бегущего прямо на них человека с мешком за плечами.

Они честно признались, что оглоушили его «на всякий случай», поскольку ни один шеважа не позволил бы себе подобной беспечности, тем более вблизи заставы: незнакомец мчался напролом, не обращая внимания на ломающиеся ветки и поднимая невообразимый шум. С таким же успехом он мог бы стать легкой добычей для самих шеважа. Оружие они обнаружили при нем, только когда стали обследовать распростертое на земле тело. Оба сразу же признали легендарный меч Дули: сумасшедший пользовался им как палкой для поклажи.

Выходило, что этот Вил, каким бы простаком он ни прикидывался, и в самом деле вышел из Мертвого болота, куда с незапамятных времен не ступала нога воина михт'вабонов. Последним, кто отважился предпринять эту безрассудную попытку, и был герой многочисленных преданий по имени Дули, однако поступил он так не по доброй воле, а вынужденный спасаться бегством от полчищ могущественных тогда шеважа. Кроме рассказов о великих подвигах Дули до сего дня дошли описания его верного коня Руари, великолепных доспехов, выкованных знаменитым мастером железных дел Эшем, и непобедимого оружия: копья, щита и меча. Все вабоны слышали эти описания с самого детства и наизусть знали надписи, украшавшие шлем и меч Дули, правда, ни Граки, ни любому другому воину его заставы, включая старого Шигана, никогда прежде даже в голову не могло прийти, что все это реальная история их славного народа, а не красивые сказки седой старины.

И вот теперь, когда у них в руках оказались неопровержимые доказательства существования и гибели великого Дули, более того, не только часть его оружия, но и чудесным образом сохранившийся череп, выяснялось, что виновником этого замечательного открытия выступает тщедушного вида чужеземец, едва понимающий, чего от него хотят.

— Ты знаешь, кто я такой? — спросил на всякий случай Граки, продолжая внимательно разглядывать собеседника.

Парень прислушался к тону его хриплого голоса и кивнул:

— Грак?

— Граки! — поправил тот.

— Гра-ки.

— Вот именно. — Почему он так странно коверкает простые слова? — А ты кто?

— Вил.

— Знаю. Я не спрашиваю, как тебя зовут. Кто ты?

— Трговц. — Парень непонимающе хлопал глазами.

Чего ему опять от меня нужно? Вот заладил: как зовут да кто такой! Уже ведь спрашивали. Лучше бы про себя рассказал. На шотландца не похож. Говорит почти как ирландец, но тех вообще без кружки эля не разберешь. А тут слова все вроде знакомые, да только звучат как какая-то бессмыслица.

Их окликнули. Граки повернулся, и у Уила появилась возможность проскользнуть мимо него на улицу. Он не преминул ею воспользоваться, но вовсе не затем, чтобы обратиться в бегство. Если ему здесь и не были рады, то во всяком случае его не сажали под замок и даже кормили. А это чего-то да стоило. Кроме того, стоя в двух шагах от хижины, Уил уже мог составить вполне отчетливое представление о том, где оказался.

У него дома это называлось «маунт-энд-бейли», то есть «холм-и-двор». Несколько домов окружали высокой изгородью и поелику возможно глубоким рвом. Внутрь ограды снаружи вела только одна дорога, проходившая через мост над рвом, и укрепленные ворота. С противоположной стороны через точно такие же ворота можно было попасть на деревянный помост, уводивший вверх, на рукотворный или естественный холм, на вершине которого располагался донжон, или главная башня, последний и основной оплот обороны для тех, кто жил в подобной крепости и подвергался осаде. Англичан искусству постройки маунт-энд-бейли научили норманны. До их прихода холм с донжоном находились внутри общей стены, и при удачном штурме укрывшиеся там люди бывали почти всегда обречены. В норманнской конструкции сам холм тоже окружал отдельный ров, а деревянный помост наверху упирался в очередные ворота. В случае вторжения в первый ярус укреплений, где находились казармы для воинов, склады и конюшни, и при попытке взять штурмом холм, защитники последнего легко разрушали помост, и задача нападавших значительно усложнялась.

Не слишком разбиравшийся в фортификационных сооружениях Уил тем не менее сразу заметил основное отличие: у него дома крепости такого рода возводились без всяких

излишеств, чаще всего в открытом поле. Здесь же повсюду росли деревья, отчего создавалось впечатление, будто крепость построена прямо среди леса. Собственно, так оно и было. Кроме того, о существовании рва Уил мог только догадываться. Он видел забор из бревен в три человеческих роста с галереей по всему периметру, по которой прохаживались вооруженные люди, то и дело выглядывая наружу через маленькие окошки.

Окликнул Граки тот самый юноша, благодаря которому Уила вчера ночью накормили. Он сбегал по помосту от донжона и приветливо махал рукой. Миновав ворота, он перешел на шаг и попытался придать себе степенный вид, насколько позволяла широкая улыбка.

На нем была полотняная рубаха до колен, перехваченная на талии кожаным ремнем, и мягкая кожаная обувь, делавшая его шаги почти бесшумными. Граки что-то сказал ему, но юноша только отмахнулся и сосредоточил все внимание на Уиле.

— Ходить по заставе без кольчуги опасно, — заметил Граки. — Стрелы шеважа бьют наповал.

— Надеюсь, среди нас шеважа нет. А тех, что приблизятся к стенам на расстояние выстрела, ждет достойная встреча. Разве не так?

Локлан упреждающе поднял руку, как бы защищаясь от возражений Граки, и подошел к новому знакомцу, назвавшемуся накануне Вилом. Тот стоял с видом человека, привыкшего вести себя с достоинством, однако оказавшегося в чужой для него обстановке и потому внутренне напряженного.

— Привет, Вил! Долго же ты спишь, однако, — сказал Локлан, нарочно укорачивая слова, чтобы, как ему казалось, собеседнику было понятней. — Завтракал?

— Не, — замотал головой лысый парень. — Граки говорит, до полудня еды нету.

Бровь Локлана подозрительно поднялась. Слушавший их странную беседу Граки пожал плечами.

— Завтрак я давно раздал моим людям, а обед еще не готов. У нас осталось не так много провизии, чтобы разбазаривать ее направо и налево.

— Я думаю, что гостям не должно быть дела до твоих забот.

— За последнее время ты — мой единственный гость, — буркнул Граки.

— И тем не менее для меня у тебя всегда что-нибудь да найдется, — подмигнул ему Локлан, делая вид, будто не замечает хмурого взгляда собеседника.

Еще бы у меня не нашлось, чем угостить сына Ракли, подумал

про себя Граки, а вслух произнес:

— Да, Локлан.

— Идем ко мне, — сказал юноша, дружески обнимая Вила за плечи. Вил поежился, но не отстранился. — У меня еще остался кувшин доброго старого вина. А заодно выясним, каким ветром тебя занесло в наши земли, — добавил он тише, однако Граки показалось, что он сделал ударение на слове «наши».

Граки следил, как они поднимаются по деревянному помосту к главной башне заставы, во время частых визитов служившей Локлану и домом, и крепостью, и наблюдательным постом. Будь он просто парнем, а не сыном Ракли, Локлан нравился бы Граки куда больше. Храбрый до безрассудства, добрый и справедливый, он чем-то неуловимым напоминал Граки его собственного старшего брата, Кедика. Тот возглавлял гарнизон заставы до того самого дня, когда рука предателя сняла засовы с наружных ворот, и разбуженным среди ночи защитникам пришлось сражаться с превосходящими силами шеважа прямо здесь, на своей территории. Тогда вабоны продемонстрировали чудеса мужества и выстояли, не подпустили врага к башне, где укрылись их жены и дети. Кедик храбро сражался в первых рядах и пал в неравном бою сразу с тремя шеважа. Услышав шум разгоравшейся битвы, он так поспешил, что позабыл о кольчуге, и в решительный момент это сыграло с ним злую шутку. Совсем еще молодой тогда Граки попытался помочь брату и избавить его хотя бы от одного из нападавших. Положившись на меткость своего верного лука, он выпустил подряд две стрелы с зазубренными наконечниками и оба раза промахнулся: первая лишь оцарапала рыжему дикарю небритую щеку, зато вторая впилась Кедику под лопатку, и он рухнул замертво, сопровождаемый яростными ударами двух вражеских дубинок.

Расплатой за чудовищную ошибку стала вся последующая жизнь Граки. Особенно по ночам, когда он оставался один на один с собой, неуемная совесть во всех красках рисовала перед ним страшные мгновения той кровавой бойни. Граки убеждал себя, что, если б знал об отсутствии кольчуги, стрелял бы куда осторожнее, а то и вообще не взялся бы за лук, хотя считал его своим лучшим оружием. Тем более горько было ему думать о гибели Кедика, что истинной ее причины так никто никогда и не узнал: в то время Граки пользовался стрелами, которые они с братом захватили в качестве трофеев при удачном набеге на соседнее поселение шеважа. Когда застава была наконец отбита и труп Кедика обнаружили вместе с рыдающим над ним Граки, все решили, что он героически пал от руки метких дикарей. Граки в честь брата даже предложили стать проповедником его культа,

который неминуемо должен был возникнуть, если учесть обстоятельства той злосчастной битвы и неравенство сил. Граки отказался, что было воспринято как проявление скорби и достойной скромности. Проповедником сделался давнишний друг Кедика, Шиган. Кроме того, с тех пор по всем заставам был разослан приказ Ракли, строго-настрого запрещавший женам и детям воинов селиться вместе с мужьями и отцами, чтобы не подвергать их жизни напрасному риску. Хотя при том ночном штурме погибла и мать Граки, сам он теперь, по прошествии многих зим, считал, что застава наверняка пала бы, не думай ее защитники о своих родных, судьба которых зависела от их мастерства и отваги. К счастью, проверить эту его догадку до сих пор не представлялось возможным, поскольку умелое расположение новых застав и активные действия войск Ракли, то и дело прочесывавших Пограничье, привели к тому, что силы шеважа оказались разрозненны и уже не представляли серьезной угрозы для хорошо укрепленных лесных крепостей вабонов. Вернее, пока не представляли.

Граки бросил последний взгляд вслед удаляющимся фигурам и направился к узкой деревянной лестнице, одной из трех, по которым защитники заставы, называемые здесь линт'эльгяр, поднимались на оборонительные галереи, или ранты. Отсюда через узкие бойницы открывался хороший вид на опушку окружавшего заставу со всех сторон леса. Раньше, когда отрядов шеважа в этих местах не водилось и первое укрепление строилось главным образом для защиты жителей от диких зверей, лес начинался от самой стены. Но человек оказался умнее и страшнее любых хищников. При отце Ракли, когда Граки еще не было на свете, тогдашняя застава пала при первом же штурме: дикари забирались на деревья и с них беспрепятственно спрыгивали на ранты. В результате на несколько долгих зим застава отошла во владение шеважа, которые, к счастью, не додумались ее переделать и хоть как-то укрепить. В конце концов молодой Ракли отбил ее и первым делом приказал на много шагов вокруг вырубить деревья, а вместо них выкопать глубокий ров.

С того места, где сейчас стоял Граки, рва видно не было, однако он легко мог представить себе припорошенный листвой частокол из врытых в дно заостренных кольев. Открытое пространство перед лесом, ров, колья, стена из толстых бревен, летящие через бойницы стрелы, вооруженные мечами воины на рантах — все это теперь предстояло преодолеть неприятелю, если бы он захотел помериться силами с бесстрашными эльгяр. Конечно, Граки предпочел бы, чтобы все на заставе было сложено из камня — и стены, и здания, и дома. Но камень у вабонов

всегда считался роскошью, а дерева было в достатке. К сожалению, дерево имело свойство гореть, и Граки опасался дожить до того дня, когда шеважа догадаются пускать в заставу огненные стрелы. На всякий случай вдоль рант стояли большие кадки с водой, однако в душе Граки сомневался, что в нужную минуту они действительно пригодятся: снопы соломы, которыми вабоны по традиции выкладывали крыши домов, в мгновение ока превращались в пылающие факелы.

— Все спокойно? — спросил Граки подошедшего к нему предводителя утренней смены эльгяр по имени Дайлет. Тот имел привычку хитро щуриться и смотреть с вызовом даже на старшего по званию. Сейчас он позевывал и всем своим видом давал понять, что считает занятие дозорного самым бестолковым на свете.

— Хид на заре подстрелил зайца, а тот возьми да и свались в ров. Теперь будем тянуть жребий, кому лезть за добычей. Победителю достанется шкурка и стрела.

— Ничего умнее вы, разумеется, придумать не могли! Еще только не хватало снимать кого-нибудь из вас с кольев. Совсем распустились! Дайлет, ты ведь знаешь, что я не люблю эти ваши игры. Люди забывают, что такое дисциплина.

— Зато без этих игр они забудут, как держать лук в руках и как далеко разят их стрелы, — спокойно ответил воин, поправляя продырявленный в двух местах камзол, надетый прямо поверх тяжелого металлического панциря. — К тому же, как я слышал, вчера к нам прибыл чужеземный посланец, причем прибыл с той стороны Пограничья. Не знаю, кому как, а мне сдается, что уже по одному этому можно судить: шеважа уходят восвояси.

— Уж больно ты скор на выводы, — оборвал его Граки, который терпеть не мог, когда его собственные мысли раньше него высказывал кто-нибудь другой. — Тебя послушать, так нам всем пора по домам.

— Я бы не отказался. — Дайлет снова прищурился и посмотрел на небо. — Сейчас самое время урожай собирать. Надеюсь, мои два обалдуя не сидят сложа руки и помогают жене и дочке в поле. А еще надеюсь, что им никогда не придется торчать на этой заставе после моей смерти.

— Думаю, это зависит и от нас с тобой, — примирительно заметил Граки, смягчавшийся всегда, когда речь заходила о делах семейных. Многие знали эту его особенность и умело пользовались ею, если видели, что командир вот-вот выйдет из себя. — Ладно, ступай. Пусть и дальше дежурство будет легким. А зайца оставьте в покое.

Дайлет по привычке приложил кулак к сердцу и, не говоря

больше ни слова, чтобы не спровоцировать новых нравоучений, направился по рантам в сторону главных ворот. Там он рассчитывал застать большую часть своей смены.

Обычно его люди несли дежурство в ночное время, когда более ценно умение видеть, чем слышать, поскольку каждый звук ночью раздается явственней, нежели днем, зато ночная темень скрывает многое из того, что происходит в округе. Однако в последнее время обстоятельства сложились таким образом, что Граки решил отпустить часть воинов на очередную побывку по домам, и оставшимся на заставе приходилось дежурить за двоих. Никто по этому поводу не роптал, зная: в следующий раз домой уйдут они, а заменить их предстоит тем, кто вернется. Отпуск мог сорваться лишь в том случае, если ситуация в Пограничье снова обострится и в боевую готовность будут вынуждены прийти все смены на всех заставах.

Самым зорким и опытным в отряде, не считая Дайлета, был Хид, простоватый малый, родившийся в одной с ним деревне, правда, зим на десять позже. По этой причине Хида считали любимчиком Дайлета, однако ни тот ни другой так не думали. Просто Шелта, единственная дочь Дайлета, избрала Хида своим мужем и теперь ждала от него ребенка, который должен был появиться на свет ближе к зиме. Слова Граки насчет дурацких игр и острых кольев смутили Дайлета, хотя он прекрасно понимал, что его воины, а тем более Хид, не большие дети, как считал, по своему обыкновению, Граки, а вполне взрослые люди, которые отвечают за свои поступки и думают не только о сиюминутном развлечении, но и о последствиях. Все они по меньшей мере дважды за последние пять зим смотрели в лицо смерти и видели, как на стенах заставы гибнут их товарищи, подставившись по неопытности под острые стрелы шеважа. Вместе с тем вот уже почти три года как ничего подобного не происходило. Судя по донесениям лазутчиков, шеважа никуда не исчезли. Вероятно, они просто копили силы для новых атак, однако возникшее затишье заметно расхолаживало воинов. Не зря даже Шиган распорядился, чтобы не реже раза в месяц на заставе проводились турниры на звание лучшего стрелка эльгяр. Если в состязаниях принимал участие Граки, основное соперничество разыгрывалось между ним и Хидом. Последние два раза Граки пропускал турниры и безоговорочным победителем выходил Хид. Предполагалось, что в этом месяце Граки все же выступит и докажет, кто здесь самый меткий лучник.

Ворота заставы представляли собой подобие хижины, поднятой на высоту стен. Бойницы здесь были такими же узкими, как и везде, но располагались чаще и позволяли простреливать не

только всю видимую опушку леса, но и ров с подъемным мостом. В отличие от того моста, путь через который вел на холм с главной башней и который поднимался обычным способом — веревками с тяжелым противовесом, тут опытные строители проявили недюжинную смекалку и сделали конструкцию, практически неуязвимую снаружи. Когда впервые было принято решение окружить заставу рвом и выкорчевать все близстоящие деревья, мост возвели по образу и подобию большого моста в фамильном замке Ракли. Но тогда строители не учли одно немаловажное различие: в замке все подъемные механизмы крепились калеными железными цепями, а лесная застава была ограничена в материалах. Использование прочных, но обыкновенных веревок привело к беде. Веревки со временем перетерлись, и в самый неподходящий момент мост рухнул, открыв путь обрадованным дикарям, которые как раз шли на приступ. Потом на заставе поговаривали, что на самом деле момент, напротив, был даже слишком подходящий — правда, не для эльгяр, — чтобы оказаться случайностью, но в предательстве так никого и не заподозрили. Зато мост с тех пор переделали основательно. Под воротами со стороны заставы была вырыта глубокая прямоугольная яма. Середина моста лежала ровно на краю обращенного ко рву края и крепилась к земле и боковинам ворот специальными шарнирами. Тот конец моста, что смотрел внутрь заставы, по-прежнему удерживали веревки. Но теперь при их обрыве происходило обратное действие: вместо того чтобы безвольно упасть на ров и открыть дорогу нападавшим, сорвавшийся мост под тяжестью противовеса вставал вертикально и превращался в непреодолимую преграду. Это простое решение настолько приглянулось на других заставах, что до Дайлета доходили слухи о чуть ли не повсеместной перестройке укреплений.

Пол в надвратной хижине был сложен из неплотно прилегающих друг к другу досок, благодаря чему находившиеся в ней воины могли наблюдать за тем, что происходит внизу, а при необходимости — лить на головы штурмующих кипяток или горячую смолу.

Сейчас здесь сидело четверо эльгяр, среди которых выделялся невысокий, но широкий в плечах и коренастый воин зим тридцати, облаченный в бурый камзол из дубленой шкуры ягненка с кольчугой в наиболее уязвимых местах и зеленые гамаши. На ногах у него была легкая кожаная обувь с подбитой войлоком подошвой и с ремнями, крест-накрест обвивавшими икры. Рыжую шевелюру воина, из-за которой он еще в детстве получил прозвище «шеважа», украшала зеленая шапочка-колпак:

на боевом дежурстве поверх нее следовало надевать шлем, однако день снова обещал быть жарким, так что даже Дайлет сквозь пальцы смотрел на это отступление от правил. Тем более что зеленый колпак живо напоминал ему о дочери, собственноручно его сшившей. Ибо носивший его рыжий воин и был Хидом.

Остальные стражники выглядели значительно старше своего соратника и походили друг на друга безупречностью доспехов: кругловерхий шлем с кольчужной пелериной, пластиночный панцирь, надежно закрывавший весь торс, ниже пояса — кольчужный передник, доходящий до середины подола длинной, как женское платье, рубахи, из-под которой выглядывали мыски таких же, как у Хида, кожаных ботинок. Эти воины немало повидали на своем веку и предпочитали томиться в латах, но зато в любой момент быть готовыми к обстрелу нежданного противника. Вот с кого Хиду не мешало бы брать пример, подумал Дайлет, а вслух сказал:

— Локлан забрал чужеземца к себе. Граки от этого стал только мрачней. Ругается, что мы тут по зайцам стреляем. Как будто может предложить цель получше.

При упоминании зайца Хид самодовольно улыбнулся, а один из стражников заметил:

— Теперь всем хочется быть поближе к парню, который раздобыл доспехи Дули. Пусть даже никто не знает толком, откуда он взялся и на каком языке говорит.

— Мне показалось, Локлан с ним разговаривает, — возразил другой стражник. — Да и вчера у костра, когда его кормили, он мычал чего-то такое, довольно понятное. Типа «я торговец, и зовут меня Вил». Все слышали.

— Нынче главное — кто услышит историю про то, как он нашел место гибели Дули на Мертвом болоте, — снова заговорил Дайлет. — Вы заметили, как ловко Локлан оттеснил Шигана?

— А при чем тут Шиган? — снова взял слово Хид. — Его дело — проповедовать культ Кедика.

— Проповедники все заодно, — согласился с Дайлетом молчавший до сих пор стражник по имени Саннак. Он устало снял шлем, и всем стало видно, что его шапочка промокла от пота.

— Интересно, у него ли сейчас принесенные чужестранцем трофеи?

— Или у Граки? — предположил Дайлет.

— Или уже у Локлана, — утвердительным тоном добавил Саннак. — Лишь бы они теперь не перегрызлись, кому везти их в замок. Вы не помните рассказ о том, что случилось, когда один

рыбак выловил в Бехеме лоскуток знамени Адана?

Адан был героем преданий не менее знаменитых, чем предания о Дули, хотя совершал он свои подвиги раньше последнего зим на сто. История, о которой говорил сейчас Саннак, произошла тоже достаточно давно, чтобы стать легендой, однако передавалась она из уст в уста лишь народной молвой. Проповедники о ней умалчивали. Вероятно, потому, что она служила примером алчности, свойственной даже тем, кому надлежало заботиться о чистоте людской совести. Хид признался, что не слышал этой истории. Специально для него Саннак, поглядывая на Дайлета, вкратце объяснил:

— Рыбак, который нашел знамя Адана, погибшего, как ты знаешь, при попытке перейти через Бехему, так обрадовался своей находке, что поспешил доставить ее прямиком в замок. На свою беду он совершенно забыл, что должен по традиции первым делом поставить в известность одного из проповедников. О том, что он нашел в реке, знал только его сын. Так вот, оставив сына за старшего, рыбак направляется в замок и первым, кого он там встречает, оказывается проповедник культа одного из героев, сегодня позабытого. По-видимому, позабытого не зря, потому что проповедник, вопреки Закону, искал славу себе, а не тому, кого избрал своим кумиром. Как бы то ни было, рыбака никто больше не видел, а лоскуток знамени выставлялся потом на всеобщее обозрение как реликвия, найденная проповедником Адана. А вовсе не пропавшим рыбаком. Проповедник же забытого героя доживал свои годы в достатке и процветании. Говорят, его могила до сих пор существует и приносит доход потомкам.

— Откуда нам знать, что сын того рыбака не соврал? — сказал Хид.

— Но отец-то его пропал!

Воцарилась тишина. До слуха воинов долетела перекличка птиц в залитом жарким солнцем лесу. Человеку неопытному могло бы даже показаться, что это вовсе не птицы, а прячущиеся за деревьями шеважа подают друг другу сигналы перед началом штурма.

Сейчас уже никто доподлинно не знал, каким образом в лесах на всем протяжении Пограничья появились первые шеважа. На этот счет у вабонов бытовало несколько мнений. Сторонники первого, коих было меньшинство, полагали, что шеважа, или «дикари», в незапамятные времена пришли из-за Мертвого болота и заняли лес чуть ли не раньше, чем здесь обосновались вабоны. По этой гипотезе получалось, что шеважа имели больше прав на здешние земли, и в роли захватчиков, следовательно, выступали не они, а сами вабоны. Гипотеза эта имела по меньшей мере два

уязвимых места, на которые всегда обращали внимание ее многочисленные критики. Во-первых, она не отвечала на вопрос, откуда же тогда пришли вабоны, если только они не испокон веков жили здесь, вдоль Пограничья, в долине реки Бехемы. Во-вторых, не объясняла, почему шеважа настолько отставали от вабонов в государственном развитии, оставаясь все это время довольно разрозненными племенами и к тому же обладая только самым примитивным оружием.

Сторонники второго мнения соглашались на определенный компромисс. Они допускали, что шеважа могли прийти из-за Мертвого болота, но считали, что произошло это относительно недавно, зим за триста до описываемых событий, когда летописцы впервые стали отмечать в своих записях кровавые стычки с полудикими обитателями лесов Пограничья. Веривших в правоту этой гипотезы среди вабонов было большинство.

Наконец еще одно мнение, разделяемое из-за своей смелости немногими, сводилось к тому, что шеважа и вабоны суть один и тот же народ, в какой-то момент разделившийся на собственно вабонов, то есть цивилизованных воинов, живущих по определенным законом чести и веры в героев прошлого, и изгоев, ставших таковыми в силу допущенных ими прегрешений и безверья. И если с тех пор развитие вабонов шло по восходящей — они совершенствовали оружие, научились строить из камня и укреплять свои здания, развивали торговлю — то прячущиеся по лесам шеважа день ото дня только и делали, что дичали.

Никто доподлинно не знал ни сколько их, ни даже где именно они обитают. Ходили слухи, что в лесу полным-полно укромных пещер, где могут таиться сотни, если не тысячи шеважа. Лазутчики то и дело докладывали, что обнаружили очередной лесной лагерь, состоящий из нескольких примитивных хижин и кострища, но как всегда пустой. Поговаривали также, что шеважа вообще живут на деревьях, приводя в доказательство найденные большие гнезда правильной формы и узкие мостки, сплетенные из лиан и веток, которыми эти гнезда соединялись.

Количество шеважа тоже всегда называлось разное. До наступившего в последнее время относительного затишья их отряды, нападавшие на заставы вабонов, исчислялись от нескольких десятков, когда весь штурм сводился к более или менее успешному обстрелу эльгяр из-за ближайших деревьев, до нескольких сотен, — и тогда исход сражения решали прочность стен и слаженность действий защитников. Не только летописи, но и старики рассказывали, что в былые времена шеважа могли собраться в многотысячную армию и нанести сокрушительный урон двум-трем заставам подряд, разметая их буквально в щепки

и уничтожая все и вся на своем пути. Эти рассказы порождали среди вабонов — особенно женщин и детей — не только страхи, что подобное может в любой момент повториться, но и предположения, будто на самом деле шеважа есть не что иное, как кочующая по Пограничью одна большая армия, поделенная на отряды, не имеющая постоянного пристанища и потому неуловимая и неистребимая.

В основе же всех этих разночтений и недомолвок было то простое обстоятельство, что никому из ныне живущих вабонов не доводилось пересекать Мертвое болото и никто не представлял, что находится за ним. Если оно вообще где-то заканчивалось.

Нельзя сказать, чтобы вабоны никогда не интересовались окружавшими их землями, а тем более Пограничьем, от которого во многом зависело само их существование. Во все времена находились смельчаки, которые с риском для жизни отправлялись вдоль берега бескрайней Бехемы то вниз, то вверх по течению, однако если оттуда и возвращались, то возвращались ни с чем. О том, чтобы переправиться на противоположный берег, они могли только мечтать, понятия не имея, как это сделать. И дело тут было не только в том, что Бехема нигде не сужалась больше чем на три полета стрелы. Легенды рассказывали, что были попытки преодолеть это расстояние верхом на бревне, но все они заканчивались тем, что бревно попадало в стремнину, и бездыханное чаще всего тело обнаруживали вдали от того места, где очередной безумец начал свой последний путь.

Таким образом, вабоны оказались буквально заперты на плодородных землях между рекой и Мертвым болотом, вынужденные делить с шеважа лес, такой же непреодолимый и бесконечный, как Бехема. Со временем жажда поиска новых земель прошла, многие из отважных первопроходцев вошли в летописи Культа Героев, еще больше имен было позабыто, и теперь вабоны предпочитали не помышлять о новых странствиях. Они научились избегать того, что не имело смысла. Главный же смысл их теперешнего существования заключался в стремлении обезопасить жизнь своих семей и уничтожить непрошеных соседей — шеважа.

— Клянусь отцом, с появлением этого чужеземца нашему покою пришел конец, — первым прервал молчание Хид. — И не только нашему, если Локлан действительно доставит его в Тронную залу и Ракли почтит его беседой при всем дворе. Обязательно найдутся умники, которым захочется вспомнить былые подвиги Героев и отправиться за тридевять земель искать новые земли и новых врагов. Как будто им не хватает лесных дикарей!

Дайлет промолчал, ожидая, что по этому поводу скажут остальные. Сам же он был приятно удивлен проницательностью своего всегда такого немногословного зятя. Хид словно читал его собственные невеселые мысли.

— Уж не намерен ли ты им помешать? — усмехнулся Саннак, водружая шлем обратно на мокрую шапочку. — Если бы Гейвен не был так глуп, он догадался бы сам допросить этого человека, а не тащить его к Граки. Тогда еще было бы время что-нибудь предпринять. А теперь молва побежит впереди них, и дураком окажется тот, кто попытается ей воспрепятствовать.

Стражники согласно закивали, не замечая сердитых взглядов, которыми обменялись Хид и Дайлет. Никому не хотелось новых треволнений для своих чад и домочадцев, но еще меньше — попасть в число неугодных Локлану и его царствующему отцу. При всей своей справедливости Ракли был строг и не допускал, чтобы ему перечили или мешали. Всем был памятен случай, когда младшего брата Локлана, Ломма, заподозрили в заговоре против наследника, и Ракли, вникнув в суть предложенных доказательств, распорядился казнить сына. Мальчишке было всего четырнадцать. С тех пор мнения о правителе вабонов разделились: большинство придворных упрекали его — разумеется, про себя — в жестокосердии и гордыне, тогда как люди простые приветствовали поступок своего правителя, не пожелавшего отступать от буквы закона даже ради самого близкого и любимого существа. Некоторые, правда, называли это решение поспешным и опрометчивым, а Ракли — наивным и близоруким, поскольку склонны были видеть в произошедшем коварный замысел Локлана, удалившего таким образом единственную возможную помеху на собственном пути к престолу.

— Так что будем делать с зайцем? — не то в шутку, не то всерьез поинтересовался, ни к кому не обращаясь, Хид. Про зайца все давно забыли, однако, если взглянуть через бойницы, его одинокая тушка отчетливо виднелась на склоне рва в нескольких шагах от опущенного моста. — Раз Граки против, чтобы мы по ним стреляли, то уж хоть этого нам нужно пристроить. Спущусь-ка я и заберу его.

Не дожидаясь разрешения Дайлета, он поднялся с низенькой скамейки, на которой все это время сидел, и вышел на ранты. Хиду хотелось не только сменить тему, но и побыть одному. Предшествующий разговор настроил его на невеселый лад, и теперь он думал, чем все это может закончиться.

Шелта, его жена и дочь Дайлета, была любовницей Локлана. Именно от Локлана, а вовсе не от него, как думали окружающие,

она ждала ребенка, своего первенца. Даже сам Локлан не догадывался об этом. Собственно, у них была лишь мимолетная связь, никого ни к чему не обязывающая, настолько мимолетная, что спроси сейчас Локлана, помнит ли он кареглазую девушку с соломенными волосами, которая уступила ему на веселом празднике прихода весны, он едва ли понял бы о ком речь. В определенные дни вабоны позволяли себе полную свободу нравов, когда даже прелюбодеяние не считалось греховным, и Хид сам мог похвастаться не одной легкой победой над подругами Шелты. К тому моменту они были женаты уже несколько месяцев. Однако больше всего самолюбие Хида уязвило то, что Шелта не призналась ему в содеянном, хотя уклад жизни вабонов требовал от нее откровенности с мужем во всем. О произошедшем между ней и Локланом он узнал случайно. Если говорить начистоту, просто-напросто подслушал разговор Шелты и Мев, ее близкой подруги, когда женщины думали, что Хид спит, устав от любовных подвигов.

К тому времени Шелта уже знала, что беременна, и пригласила Мев заменить ее на мужнином ложе. Муж Мев погиб на той самой заставе, где теперь служил Хид, детей они нажить не успели, так что связь между ними, да еще под приглядом законной жены, считалась у вабонов делом почти будничным. Девочки в семьях преобладали, и мужчинам, если они могли это себе позволить, разрешалось помимо жены жить еще с одной или даже несколькими женщинами, если те уже вступали в брак, но затем овдовели. При этом, если б у Мев от первого мужа остались дети, причем любого пола, от Хида она имела бы право родить только мальчика. Появись на свет девочка, ее в лучшем случае отдали бы в Айтен’гард, Обитель Матерей. О том, что с ней могло произойти в худшем случае, Хид предпочитал не думать. Да и вообще о Мев он вспомнил сейчас исключительно потому, что она была единственным посторонним человеком, знавшим о его позоре. Вопросы деторождения его не слишком заботили. Кто бы ни родился у Шелты, мальчик или девочка, ребенка не тронут. Как не тронут и второго, даже если это снова будет девочка. Но до этого еще далеко! Шелте только девятнадцать, у них все впереди! В роду Хида часто рождались мальчики. Чем он хуже своего отца! Разве тем, что отцу не изменяла ни одна из трех женщин, с которыми он жил после смерти матери Хида? Но кто может сказать наверняка?

Еще в детстве Хид слышал от одного старого воина и на всю жизнь запомнил поговорку: «Правда — есть нераскрытая ложь». Как же сделать так, чтобы ложь Шелты осталась нераскрытой? Хотя лжи-то как раз и не было. Хид корил себя за то, что ему так

и не хватило мужества вызвать Шелту на откровенный разговор. Она по-прежнему думала, будто он ничего не знает. Почему он промолчал тогда? Испугался упасть в глазах Мев? Но она и так знала правду. Или посчитал, что выяснение отношений приведет к неминуемому разрыву и Шелта уйдет к Локлану? Чушь! Приревновал к этому мальчишке, к этому выскочке, занимавшему свое место исключительно в силу происхождения. Тот ведь даже ни разу не вступал в схватку с настоящими шеважа. Нет, нужно гнать прочь все эти никчемные мысли. Вот бы еще вспомнить, какой была в постели эта самая Мев…

Спускаясь по ступеням, Хид почувствовал, что за ним наблюдают. Такое бывало с ним, когда во время боя он интуитивно уклонялся в сторону, а там, где только что была его голова, проносилась смертоносная стрела. На сей раз вместо стрелы он увидел стоявшего в отдалении Граки. «Вот привязался», — зло подумал Хид и сплюнул себе под ноги. — «Ведет себя так, будто кто-то сомневается, что он здесь главный. А главный — ну и занимайся своими делами. Нет же, ему обязательно нужно все разнюхать, самому пальцем в дерьме поковыряться, а потом придумать какую-нибудь причину, чтобы отчитать по первое число».

Делая вид, что не замечает Граки, Хид невозмутимо направился к воротам. Когда мост через ров был опущен, выходить за пределы заставы никому из эльгяр не возбранялось, однако существовало неписаное правило, по которому этой свободой пользовались лишь в крайних случаях. Только специально обученные лазутчики постоянно покидали заставу и рано или поздно возвращались обратно с новыми сведениями о перемещениях неприятеля. Судя по последним донесениям из леса, основные силы шеважа отступили далеко *фюль'сан*[2] и там затаились. Скорее всего, на время, как обычно бывало перед особенно яростными атаками, однако за их действиями неусыпно следили опытные воины, и эльгяр знали, что будут заранее предупреждены о надвигающихся переменах. Хиду даже приходилось слышать о том, что несколько лазутчиков настолько хорошо освоили язык и повадки шеважа, что живут вместе с ними, успешно выдавая себя за дикарей. Хид этим слухам не верил, как не верил ничему, чего не видел собственными глазами. Он даже представить себе не мог, какими нужно обладать талантами, чтобы шеважа приняли тебя за своего. По крайней мере, родиться рыжим. Среди вабонов рыжие, конечно, попадались, однако, кроме себя самого, Хид встречал за всю жизнь лишь двоих.

Одним из них был его отец, могучий кузнец Хоуэн, умевший

двумя ударами превращать раскаленную заготовку в плоскую пластинку, вторым — странный незнакомец, зашедший как-то давным-давно, в далеком детстве Хида, к ним в деревню, схваченный и убитый местными жителями как раз за подозрительное сходство с шеважа. В то время противостояние между вабонами и обитателями леса было наиболее яростным, и в народе ходило немало слухов о лазутчиках, вынюхивающих слабые места в обороне равнинных деревень. По рассказам отца, незнакомца просто-напросто оклеветали, хотя говорил он чисто, вел себя как обыкновенный путник и не просил ничего, кроме ночлега и возможности на него заработать. Единственным его недостатком оказалась огненно-рыжая шевелюра, которую он, как показалось односельчанам, пытается скрыть под платком, какие в холодное время обычно носили мужчины, не имевшие лишних денег, чтобы купить шапку. Кто убил его, тоже навсегда осталось загадкой, поскольку уже остывший труп зарезанного во сне незнакомца нашли под утро в кукурузном поле, вдали от хижины Хоуэна, который накануне согласился-таки дать ему скромный приют.

С тех пор Хида занимал вопрос: а что, если и среди шеважа встречаются изгои с волосами не рыжего, а просто светлого или даже темного цвета? Как терпят их соплеменники? Оставляют жить как ни в чем не бывало или прогоняют с глаз долой? И если их прогоняют, то куда они идут? Может быть, обращая столь пристальное внимание на собственных рыжих соплеменников, они упускают из виду тех шеважа, которые были изгнаны собратьями и поселились… среди них, вабонов? Своими сомнениями Хид не делился ни с кем. Даже отец поднял его на смех, сказав, что распознать шеважа, будь тот разодет хоть виггером,[3] хоть аолом,[4] сможет и малый ребенок. С тех пор прошло немало зим, Хид сам за это время неоднократно сталкивался с шеважа и теперь понимал, что и отец, и его односельчане были слишком наивны и прямолинейны: чем больше оказывались отряды нападавших на заставу дикарей, тем заметнее на фоне их рыжих голов выделялись — как правило, закрытые меховыми шапками — светлые или почти черные шевелюры. Шеважа были разными. Не понимать этого или слепо отрицать очевидное значило, по мнению Хида, подвергать опасности всех вабонов.

В тени ворот дул приятно освежающий бриз. Лето в этом году выдалось особенно жарким. Прошедший два дня назад сильный ливень, испарившийся без следа, оказался единственным за много недель изнурительной засухи. На далекое синее небо лишь изредка наплывали разрозненные белые стайки облаков, но

солнце сразу же гнало их прочь, и они таяли и исчезали, как сугробы снега после короткой и мягкой зимы.

Ступив на мост, Хид невольно насторожился. Тушка зайца лежала поблизости, но, чтобы добраться до нее, нужно было перейти на другую сторону рва. *Лес* ободряюще шелестел, призывая Хида не медлить. Однако он не стал спешить и по привычке внимательно осмотрел опушку. Все выглядело так же спокойно, как и с высоты ворот. Только ощущение, что за ним наблюдают, не исчезало. Оглянувшись, Хид обнаружил, что Граки ушел.

Доски моста мелодично поскрипывали под его легкими шагами. Товарищи, следившие сейчас за ним со стены, не должны были подумать, будто он волнуется. Да он и не волновался. Всего-то делов — зайца подобрать! Вон он валяется белым пятнышком на зеленом склоне. Стрела пригвоздила его к земле во время прыжка. Успел ли он понять, что умирает? Или смерть наступила раньше, чем он осознал свой конец?

Хид быстро перешел мост, спрыгнул в ров и осторожно, чтобы не оступиться и не напороться на торчавшие повсюду острые колья, наклонился над своей жертвой.

В это мгновение его больно ужалило в шею. Хид попытался отмахнуться, но рука задела что-то твердое, и это причинило ему еще большую боль. Удивившись непривычному ощущению в горле и услышав позади себя крики, показавшиеся ему знакомыми — кто-то как будто окликал его по имени, — он покосился в сторону и увидел оперение стрелы. Оперение было черным, какое обычно применяют шеважа, а стрела торчала из шеи. Только не зайца, а его собственной.

Хид хотел позвать на помощь, но зашатался, потерял равновесие и опрокинулся навзничь. Остро заточенный кол вошел ему в бок между ребрами и замедлил падение ровно настолько, чтобы Хид успел различить сквозь застилающую глаза кровавую пелену бегущих по мосту и размахивающих топорами людей.

Шеважа атаковали заставу в полном молчании. Так приказал Нодж, а он всегда знал, что нужно делать. Потому он и стал тем, кем стал: вождем клана Лопи. Весь клан гордился им. А тем более Сана, его дочь, припавшая сейчас щекой к натянутой тетиве и ожидавшая, когда прорезь бойницы на высокой стене загородит изнутри чье-нибудь тело. Уж она-то не промахнется. Разве не ее меткий выстрел стал сигналом к наступлению? Гадкий илюли даже не понял, что его убили.

Рядом с Саной замерли еще несколько девушек. Опустившись на одно колено и уперев длинные луки в землю, они безостановочно пускали над головами штурмующих визгливые

стрелы. Она так не умела. Вернее, ее всегда учили беречь стрелы и посылать их в противника только тогда, когда была полная уверенность в попадании. Хотя Сана понимала, что сегодня другой день, особенный. И не только потому, что вчера к ним присоединился клан Олди. Она впервые участвовала в штурме Дома илюли. До сих пор она охотилась на илюли в лесу, прячась в кустах или среди ветвей, а сегодня ее могли видеть, и она понимала, что это опасно. Потому Нодж и велел ей с ее новыми сестрами оставаться сзади и стрелять во все, что движется. Сам же он был сейчас далеко впереди, там, где в проеме под странной хижиной, водруженной прямо на стену, начиналась битва. Его тяжелый топор, уже окровавленный, взлетал над головами сражающихся и разил во все стороны.

Сана так увлеклась этим страшным зрелищем, что чуть не пропустила заветный момент. Рука сама спустила тетиву, и стрела бесшумно упорхнула туда, где в узкой бойнице мелькнул чей-то силуэт. Ее стрелы не жужжали и не издавали визга. Это были настоящие стрелы Лопи. Стрелы Олди повизгивали. Стрелы Фраки свистели. Сана знала, что ее отец очень хотел бы сейчас слышать над головой их свист. Но Фраки почему-то не пришли к месту сбора. Их прождали два дня. Потом решили, что больше медлить нельзя. Илюли могли спохватиться, не получив вовремя донесения от лазутчиков. Лазутчиков, трупы которых Лопи наспех зарыли в не успевшей высохнуть после ливня земле.

Стоявшая рядом с Саной девушка выронила лук и упала. Вражеская стрела угодила ей прямо в лоб. Илюли тоже умели стрелять. Не успела Сана заметить, откуда ведется стрельба, как вторая лучница поймала обеими руками стрелу, уже вонзившуюся ей в живот. Ее еще можно было спасти, но сейчас никому не было до нее дела: атака на ворота постепенно захлебывалась, и слишком многое зависело от того, сколько Лопи и Олди будут принимать участие в продолжение штурма.

Перестав видеть топор отца, Сана не пала духом. Каждый воин в их клане знал, что рано или поздно погибнет. Все знали. Потому что все были воинами. И страшились лишь одного: умереть, не захватив с собой ни одного илюли. Сана за свою жизнь убила столько, что для счета теперь не хватало пальцев на руках и ногах. Больше, чем прожитых зим.

Туго набитый стрелами колчан лежал у колена. Обычно колчаны держали на спине, чтобы быстрее выхватывать стрелы. Сана никуда не спешила. Лучницы больше не падали замертво, и это могло означать, что угроза для уцелевших миновала. Мелькавшие в бойницах силуэты больше не предвещали опасности: бой перекинулся на стены. Но теперь длинные луки

были ни к чему: пущенные наугад стрелы могли сразить как врага, так и своего.

Сана с неохотой положила лук на землю и, выхватив меч, когда-то принадлежавший илюли, зарубленному на охоте отцом, бросилась вслед за мужчинами. Большинство девушек, как она заметила, последовали ее примеру. Все-таки она была дочерью вождя!

На мосту творилось невообразимое. Сане никогда еще не приходилось видеть такое количество людей, безжалостно уничтожающих друг друга. Полагаясь на внезапность атаки, сегодня Лопи предвкушали легкую победу. Так говорил Нодж. Но илюли как будто ждали нападения и нарочно оставили мост опущенным. Их воины, с головы до ног закованные в блестящее железо, пугали своей неуязвимостью.

Сана заметила, как пущенные с близкого расстояния стрелы буквально отскочили от груди одного из илюли, который не обратил на них ни малейшего внимания, занятый рубкой с двумя наседавшими на него противниками. Отступая, он споткнулся о лежащий под ногами труп и упал, сопровождаемый ударами топоров.

Сана радостно вскрикнула и бросилась в обход основной массы сражавшихся.

От лязга железа закладывало уши. Сопровождаемая сестрами, она вбежала на территорию Дома илюли и в первый момент растерялась, не зная, куда броситься. Кажется, отец говорил, что важно захватить стены, чтобы получить преимущество в высоте. Она увидела, что Олди уже почти выполнили его указание: на обеих лестницах слева и справа от ворот происходили ожесточенные стычки, но в роли штурмующих теперь оказывались илюли. Могучие Олди сбрасывали их со ступеней ударами топоров и дубин. Те же, кто не принимал участия в битве, рассредоточились вдоль стен и натянули короткие охотничьи луки. Сана пожалела, что оставила свой лук на той стороне рва и теперь не могла присоединиться к ним. Потому что с противоположной стороны дома, оттуда, где за хижинами виднелись точно такие же ворота, бежала толпа страшно орущих что-то на своем языке илюли. Они спешили на помощь защитникам главных ворот и наверняка подоспели бы вовремя, если бы не были встречены градом стрел с захваченных стен. Опешив, они рассеялись между хижинами и начали отстреливаться.

Сана судорожно думала, чем бы помочь соплеменникам. Потери были велики с обеих сторон, однако илюли по-прежнему превосходили числом.

Захрипев, упала стоявшая рядом с Саной девушка: стрела, вдвое короче обычной, пронзила ей плечо. «Мы все погибнем», — подумала Сана, и, подав остальным знак следовать за ней, устремилась к ближайшим хижинам, за которыми сверкали латами прячущиеся от стрел илюли.

Сана летела как на крыльях. Своей первой целью она выбрала воина не в доспехах, а в буром плаще, зеленые лоскутки на котором могли бы сделать его почти невидимым в лесу. Но только не здесь, на открытом пространстве, где поднявшееся в зенит палящее солнце уничтожило все тени.

Поначалу их маневр остался незамеченным. Бой у ворот продолжался, смертоносные стрелы летели со стен, остальное казалось не таким важным. И лишь когда до хижин оставалось несколько шагов, человек в плаще оглянулся.

Глаза их встретились.

Гейвен пришел в восхищение. Прекрасная огненногривая воительница с раскрытым в немом крике ртом бежала прямо на него, размахивая над головой не по росту длинным мечом. Еще две-три подобные ей мчались следом.

Гейвен никогда не думал, что среди воинов шеважа попадаются женщины. В лесных лагерях, за которыми он часто наблюдал из надежных укрытий, женщины производили впечатление обыкновенных дикарок, способных разве что готовить еду да ухаживать за детьми. И вот откуда ни возьмись сразу несколько зашли ему в тыл и представляют теперь более чем реальную угрозу.

Гейвен стряхнул оцепенение, вызванное красотой этого внезапного зрелища, и метнулся за угол хижины. В стену позади него впились одна за другой две стрелы. С этой стороны пространство между стенами простреливалось. Как же случилось, что этих ублюдков пустили на стены?

Краем глаза он заметил, как спешащие на подмогу осажденным силы с дозорного холма, минуя ворота, сразу же взбегают на пока не занятые противником ранты с дальней от главных ворот стороны. Еще не хватало, чтобы шеважа взяли их в кольцо и перестреляли из луков, как щенков!

Но что же делать с этой девушкой и ее подругами? А вот и она, напряженная как кошка, готовая к броску, выставив вперед меч, медленно выходит из-за угла и с ненавистью смотрит на него! Красивая, бестия!

Гейвен только сейчас заметил, что сжимает в руках приклад арбалета, в который вложена одна-единственная стрела. Из этого оружия он обычно стрелял без промаха. Тем более с такого

расстояния. Но не в женщину. Даже вооруженную мечом. Даже неотвратимо приближающуюся, невзирая на направленную ей в грудь стрелу.

Девушка прыгнула на него. Гейвен выстрелил и выронил арбалет. Над ухом провизжали стрелы: шеважа на стенах, похоже, настолько ненавидели вабонов, что не боялись попасть в своих. Что и произошло. Отпрянув назад, Гейвен увидел, как еще одна из нападавших повалилась замертво, оказавшись на пути предназначавшейся вовсе не ей стрелы. Но хуже всего было то, что двое оставшихся девушек, не обращая внимания на павших подруг, выскочили из-за угла хижины и набросились на него.

В подобных случаях Гейвен прибегал к излюбленному оружию: метательным ножам. Луки не всегда годились в лесной чаще — и он уже давно перешел на удобный арбалет. Мечом среди деревьев тоже много не намашешь — и он заказал себе несколько пар одинаковых ножей с утяжеленными рукоятками, которые наловчился кидать в цель из любого положения, причем с обеих рук.

Одной из противниц лезвие угодило точно в горло. Вторая оказалась проворнее и отбила нож мечом. Судя по всему, она была совсем юная и, остановившись, понятия не имела, что делать дальше. Чувствуя, что больше в его сторону стрелы не летят, Гейвен несколько приободрился.

— Бросай оружие, и я тебя пощажу! — крикнул он.

Едва ли девушка его поняла, да ей и не дали ответить: воин, который откуда ни возьмись вырос позади нее, одним ударом топора раскроил ей череп.

Это был Граки.

— Что тут разлегся? — прорычал он. — В прятки играешь? А ну вставай — и за мной! Наша берет! Осталось только поднажать!

Не дожидаясь, чтобы его распоряжение выполнили буквально, Граки сорвался с места и скрылся за углом хижины. Гейвен, сам не заметивший, когда упал, поднялся и увидел, что тот несется, потрясая окровавленным топором, к главным воротам, где уже затихает битва. Оглядевшись, Гейвен с облегчением перевел дух: по рантам бежали тяжело вооруженные эльгяр, а дикари, вяло отстреливаясь из луков, поспешно отступали к воротам. Граки оказался прав: штурм был отбит.

Теперь крики доносились отовсюду: крики ликующих вабонов и потерявших надежду на победу шеважа.

В этом всеобщем оре Гейвен едва различил жалобное повизгивание. Осмотрелся. Прислонившись плечом к стене хижине, в двух шагах от него сидела рыжеволосая воительница, появление которой так смутило его в первый момент. Девушка,

зажмурившись, плакала от боли и не видела никого и ничего вокруг. Стрела, выпущенная Гейвеном, торчала у нее из залитого кровью бедра. От верной гибели ее спас прыжок.

Гейвен растерялся по-настоящему.

У вабонов не было обыкновения брать пленных. Пленные оставались врагами. К тому же они требовали особого внимания и были лишними ртами. Предшественники Ракли пробовали приспособить их в хозяйстве, однако это никогда не доводило до добра. С первого же дня вступления во власть Ракли издал указ, запрещавший оставлять пленников в живых. Были уничтожены даже те, кто худо-бедно прижился у вабонов и не вызывал беспокойства. Однако, насколько знал Гейвен, все это касалось только мужчин. Женщины в плен не сдавались. Застигнутые врасплох в своих лесных стойбищах, они гибли вместе с мужьями, а в штурмах застав до сих пор не принимала участия ни одна женщина. Во всяком случае, Гейвен ни о чем подобном не слышал. И вот теперь перед ним сидела раненая девушка, судьба которой зависела всецело от его решения. Решения, с принятием которого он медлил.

Полученная ею рана определенно не была смертельной. Однажды в юности Гейвену самому случайно прострелили ногу из арбалета, и он смог ходить без посторонней помощи уже через десять дней. Нужно было только вовремя принять все необходимые меры.

Присев на корточки, он с отвращением осмотрел стрелу. Нога девушки дергалась, и из раны хлестала густая кровь. Гейвен одной рукой взял стрелу за древко. Когда он потянул ее на себя, девушка зашлась воплем. Он перехватил стрелу с одной стороны обеими руками, благо бедро у девушки было худенькое. Оставалось самое сложное.

Напрягая все силы, Гейвен отломил оперение. Теперь стрела должна была без хлопот выйти с противоположной стороны. Он заставил девушку согнуть ногу в колене. Зная, что сейчас последует, покрепче ухватил за острый четырехгранный наконечник и резко потянул вниз. Крик прервался: от боли девушка потеряла сознание. «Может, и к лучшему», — подумал Гейвен, отбрасывая никчемный обломок стрелы и озираясь в поисках того, чем бы остановить кровь и перевязать рану.

— Вот платок, — послышался сзади чей-то голос. — Только я бы сначала приложил дубовых листьев. Они хорошо вытягивают всякую заразу.

Это был не кто иной, как Локлан, весь измазанный явно чужой кровью и чуть насмешливо улыбающийся. Протянутый им платок выглядел чистым и достаточно длинным.

Гейвен молча кивнул и стал тщательно перевязывать рану. С дубовыми листьями, конечно, лучше, Локлан прав, но для начала сгодится и так. Для начала, у которого могло и не быть продолжения. Затягивая концы платка, Гейвен заглянул в лицо девушки. Сейчас казалось, будто она просто спит. Пусть даже сын Ракли пожалел несчастную, главный здесь все-таки не он, а Граки. И Граки слепо блюдет закон, утвержденный отцом Локлана.

Шум битвы стихал. Вабоны добивали раненых врагов, которым удалось прорваться на территорию заставы не дальше первых хижин. Трупы убитых на рантах сбрасывали со стен копьями и крюками: считалось, что прикосновение к мертвому шеважа может навести порчу.

— Странно, никто из них не обратился в бегство, — пробормотал Фокдан, подходя к Локлану и вытирая рукавицей лезвие топора. Лук вместе с колчаном висели на его широком плече. — У нас все равно не осталось сил, чтобы их преследовать. Неужели они пришли для того, чтобы погибнуть?

— Об этом ты еще успеешь спросить. — Локлан указал на распростертую возле хижины огненно-рыжую девушку, рядом с которой стоял на коленях Гейвен и перевязывал ей ногу. — Если только она не умрет от заражения крови. Ваши люди, похоже, не умеют даже как следует наложить бинты.

Фокдан мгновение смотрел на девушку, потом отвернулся. При виде ее он вспомнил, что вот уже много дней не знал женщин. На заставе об этом не принято было говорить, и каждый переносил тоску по-своему.

— Как они могли подкрасться так незаметно? — Фокдан потер кулаком подбородок. — Их же было не меньше сотни.

— Думаю, тебе показалось, — ответил Локлан, продолжая рассматривать девушку. — Они дрались как сотня, но было их раза в два меньше. Дай им наше оружие — и нам бы пришлось худо.

— Эй, — крикнул он, заметив, что начали поднимать мост, — подождите, еще не всех убитых собрали!

И быстрым шагом направился к воротам.

Фокдан и Гейвен переглянулись.

— Всюду хочет поспеть и всюду быть главным, — заметил лазутчик.

— Поспеть — да, главным — не думаю. Не слышал, чтобы у Граки были с ним разногласия.

— Теперь будут. — Гейвен кивнул на раненую.

— Кто это? — Фокдан заставил себя смотреть в сторону. — Ты ее подбил?

— Их было четыре или пять, — словно оправдываясь, ответил Гейвен. — Эта легко отделалась. Стрелы у меня все каленые, думаю, заражения не будет. Локлан велел ее перевязать.

Фокдан чувствовал, что лазутчик хитрит, но не стал выводить его на чистую воду. В сущности, какая разница, почему эта девушка жива? Пока жива. Едва ли Граки или кто-нибудь на заставе посмеет ослушаться Ракли. Разве что Локлан. Так вот что имеет в виду Гейвен, говоря о разногласиях!

Тут внимание его привлекла одинокая фигура, уныло бредущая между хижинами. Фокдан узнал Вила, ночного гостя, пришедшего из Мертвого болота и ставшего невольным предвестником чудом сорвавшегося штурма. Последний раз Фокдан видел его жадно поедающим ужин в хижине Граки. Сейчас чужеземец показался ему еще более жалким и брошенным. Глядя на тряпье, заменяющее ему одежду, трудно было представить себе, что совсем недавно, скитаясь по лесу, он нес сокровища, о которых Фокдан с детства слышал от отца, но которые считал, как и большинство вабонов, давным-давно и безвозвратно утерянными. Если бы не его худоба и чересчур бледная кожа, Вила легко можно было принять за соплеменника. Даже его причудливая речь, поначалу непонятная, была речью вабона, много зим прожившего вдали от родных мест. Во всяком случае, так сказал после ночного собрания Шиган. А мнению отца Фокдан не мог не доверять.

Переживший тридцать зим, Фокдан был младшим в роду. Остальные братья погибли в разное время и на разных заставах. Старшему из них, Кинвелу, когда родился Фокдан, было почти столько же зим, сколько ему сейчас. Именно его сменил Гейвен на посту командира лазутчиков после того, как тот пропал без вести прошлой весной. И именно от него, а не от отца, Фокдан в свое время узнал, что в молодости Шиган испытывал неуемную тягу к странствиям и много скитался по землям вабонов и не только. Иногда он брал первенца с собой, и Кинвел рассказывал потрясенно внимавшему брату о странных людях, с которыми им приходилось сталкиваться во время этих путешествий. Повзрослев, Фокдан решил, что все эти истории — обыкновенные выдумки, которыми родители потчуют своих чад, чтобы те лучше себя вели, а Кинвел не пытался его в этом разубедить и ничего больше не рассказывал. Шиган же на вопросы сына отвечал улыбкой и только пожимал плечами. У вабонов считалось малодушием надолго покидать родной очаг. Исключение делалось лишь для эльгяр как вынужденная мера, да и то защитникам застав предписывалось время от времени сменяться и возвращаться на побывку в семьи. Родные и близкие должны

были постоянно ощущать, что их защищают от кровожадных шеважа.

И только вчерашнее замечание Шигана насчет произношения Вила заставило Фокдана снова задуматься о прошлом и о том, что могло скрываться за историями Кинвела.

Чужеземец приблизился.

Уилу показалось, что его приближение заставило обоих воинов замолчать, будто они полагали, что он может ненароком их подслушать. Если б он даже хотел, едва ли ему бы удалось. Правда, недавний разговор с приветливым юношей по имени Локлан убедил Уила в том, что при желании он может найти с этими людьми общий язык. Локлан нарочно говорил медленно и всякий раз делал паузы, проверяя, что из сказанного непонятно Уилу. Еще задолго до того, как с улицы раздались тревожные крики, Уил сделал вывод, что его собеседник говорит на разновидности английского языка, отличной от уинчестерского говора в основном интонацией и произношением, но отнюдь не набором слов, и что Уилу понять Локлана проще, чем Локлану — его. Он попытался произнести несколько фраз так, как они звучали из уст собеседника, однако Локлан в ответ лишь рассмеялся и попросил говорить «по-нормальному».

— Не надо говорить плохо, говори хорошо. Я стараюсь и понимаю тебя. — Он поднял к губам чашу и знаком предложил Уилу последовать его примеру. Разговаривая, они пили душистое вино, которое подливал молчаливый слуга, стоявший на некотором отдалении в почтительной позе. — Где твой дом?

Они сидели за массивным столом в прохладном полумраке небольшого, но уютного помещения, занавешенного коврами. Узор на коврах в точности повторял узор найденного им в гробу пледа: окружности, переплетающиеся между собой, разные по размеру и цвету. Хорошо бы воспользоваться случаем и узнать, что они обозначают. Правда, сперва следовало ответить на заданный вопрос.

— Уинчестер, Уэссекс. Знаешь?

Локлан отрицательно мотнул головой, продолжая дружелюбно улыбаться.

— Англия, — добавил Уил.

Та же реакция. Но ведь не может же человек, говоря по-английски, не знать страны, в которой живет! Если только он не варвар, прибывший издалека и называющий ее по-своему. Но тогда почему их языки так похожи?

— А где я? — поинтересовался в свою очередь Уил.

Локлан наморщил лоб, и ответ его больше походил на

вопрос, нежели на утверждение:

— Торлон.

— Тауэрлэнд?[5] — переспросил Уил. Он не был до конца уверен в том, что правильно понял название, но по аналогии с другими словами в устах его новых знакомых, где несколько звуков то и дело сливались в один, такая версия вполне могла оказаться верной.

Да, Торлон, — охотно подтвердил Локлан, довольный понятливостью собеседника.

«Значит, я не так уж далеко от Лондона», — подумал Уил, посчитав, что речь идет о недавно выстроенной высоченной крепости на берегу Темзы, получившей, как он слышал, название Тауэр. Это открытие успокаивало, однако никоим образом не проливало свет на то, каким образом он очутился в такой дали от родного Уинчестера. Еще больше его озадачил сам Локлан, с улыбкой добавивший:

— Торлон — большая страна.

— Лондон — не страна, — попытался вразумить собеседника Уил. — Это столица нашей Англии. А я живу тоже в большом городе — Уинчестере. Не бывал там?

Локлан ответил ему внимательным взглядом. Впервые стало заметно, что он не слишком расположен удовлетворять любопытство Уила. Слуга в легкой кольчуге и с длинным кинжалом за поясом приблизился, предлагая долить вина из глиняной бутыли с длинным горлышком. Локлан упреждающе поднял руку. Слуга с поклоном отошел.

— Что ты делал на Мертвом болоте?

— Я умер, — брякнул Уил первое, что пришло ему в голову.

Юноша широко открыл глаза, расхохотался и, сделав большой глоток, поставил пустую чашу на стол. Даже слуга, казалось, утратил на время суровый вид и вопросительно посмотрел на говорившего.

— Я не знаю, что произошло со мной, но меня зачем-то положили в гроб и зарыли. Когда я очнулся и выбрался наружу, вокруг был сухой лес, который вы называете Мертвым болотом. Я искал дорогу по звездам, но они вывели меня к глубокому провалу, в который я чудом не упал. Там костей не соберешь, такая высотища. А потом я пошел обратно и чуть не умер от жажды. Меня спас дождь. Еще была страшная гроза. Лес вокруг начал гореть. Утром я нашел скелет в доспехах и решил прихватить кое-что с собой. Вот и все, что я могу сказать. Ваши люди напали на меня, когда я уже выходил из болота, но если бы не они, думаю, я наверняка бы погиб. Так я правильно сделал, что принес меч и шлем?

Едва ли Локлан понял треть из того, что услышал. Он продолжал недоверчиво смотреть на собеседника, явно не зная, что делать дальше. Только последняя фраза вывела его из этого странного оцепенения. Он встал из-за стола и отошел в угол комнаты, где, как поначалу решил Уил, лежала просто груда одежды. Запустив в нее руку, Локлан вынул из-под тряпок меч с раздвоенным лезвием и повернул так, чтобы по коврам пробежали солнечные зайчики.

— Да, ты правильно сделал. Очень правильно, — сказал он и добавил, обращаясь к слуге: — Олак, что это за шум?

Действительно, теперь и Уил отчетливо услышал доносившиеся с улицы крики. Слуга метнулся к окну, выглянул наружу и тоже что-то закричал. Сунув меч обратно под тряпье и не говоря больше ни слова, Локлан бросился к двери. Олак последовал за ним, оставив гостя недоуменно озираться и прислушиваться.

Уил уже успел сориентироваться и понять, что находится в наиболее укрепленном здании крепости, по всей видимости, служившем Локлану жилищем. Собственно, донжоны для того и предназначались, чтобы оберегать самое ценное, что есть в замке или крепости, — их хозяев. Насколько позволяли видеть ковры, изнутри помещение тоже производило более солидное впечатление, нежели та хижина, в которой Уил проснулся сегодня утром: нижняя часть стен была выложена камнем, а все остальное, включая высокий потолок, — толстыми балками. Ни малейшего намека на солому, которой, как заметил Уил, были покрыты остальные здешние постройки, да и вообще помещение было многоэтажное: наверх вела расположенная сбоку деревянная лестница. Под лестницей виднелся край накрытого крышкой колодца. Уил знал, что в замках первый этаж донжона отдается, как правило, под склад. Однако никаких мешков с припасами он не заметил. Вероятно, хозяева по той или иной причине решили изменить издавна заведенный и проверенный временем порядок вещей.

Оставшийся без присмотра, Уил решил воспользоваться свободой и осмотреть башню изнутри, а заодно выяснить, что же творится на улице. Тем более что шум за окнами только усиливался.

Он взбежал по скрипучим ступеням на второй этаж, где обычно размещаются часовня и зал для стражи. Вместо них увидел стеллажи из деревянных ящиков и ровные ряды пузатых мешков. Вот и склад. Чтобы добраться до следующей лестницы, нужно было пройти через все помещение. Мудрое решение, поскольку обычно лестница в донжоне делалась одна, правда,

винтовая.

Преодолев следующий пролет, Уил лицом к лицу столкнулся с крайне возбужденным воином в круглой каске и длинной кольчужной рубахе до колен. Воин как будто поджидал его, держа на изготовку короткую алебарду, но пока не решив, пускать ее в ход в качестве копья или топора. Воспользовавшись мгновением заминки, Уил поднял обе руки, показывая, что безоружен, и попытался изобразить приветливую улыбку. Воин с досадой выругался, однако алебарду опустил. Встав рядом с ним, Уил понял, что добрался до так называемого оборонительного этажа, имевшего выход на открытую галерею вокруг башни. Несколько воинов с луками и арбалетами сновали по ней не то в поисках наиболее удобного места для обстрела, не то прячась от стрел противника.

Увидев еще одну лестницу в дальнем конце комнаты, Уил двинулся было к ней, однако воин с алебардой бесцеремонно схватил его за рукав и сказал что-то угрожающим тоном. Скорее всего, главная традиция постройки донжонов соблюдалась и здесь: в верхнем этаже располагалась спальня, и посторонним вход туда был заказан.

Уил понимающе кивнул и облегченно перевел дух, когда пальцы воина разжались. Ему совершенно не хотелось рисковать жизнью из-за обычного любопытства. Между тем галерея и видневшееся в проемах голубое небо манили к себе несмотря на вполне реальную опасность.

Из услышанного Уил сделал определенные выводы и теперь не сомневался, что на крепость напали. Стоило ему появиться на галерее, как последние его сомнения развеялись.

Донжон стоял на природном холме, и с высоты третьего этажа открывался просто превосходный вид не только на внутреннее пространство всей крепости, но и на окружающий лес, самые высокие деревья которого были ниже галереи на добрый десяток футов.

У дальних ворот с подозрительно опущенным мостом бушевала нешуточная битва. На таком расстоянии трудно было различить, кто и с кем сражается: толпа представляла собой однородную массу размахивающих мечами и топорами людей, и только сверкающие то здесь, то там в лучах палящего солнца шлемы выделяли защитников крепости. Часть из них уже лежала без движения на протянувшихся вдоль стен галереях, по которым во все стороны разбегались одетые в бурые шкуры воины с короткими луками. Найдя подходящее место, они останавливались, разворачивались внутрь крепостного пространства, застроенного отдельно стоящими хижинами, и

начинали с удивительной быстротой одну за другой выпускать стрелы в спины окруженных таким образом защитников.

Стоявшие рядом с Уилом немногочисленные воины скрежетали зубами, видя, что творится с их товарищами, и будучи не в состоянии прийти на помощь. Вероятно, их задача состояла в том, чтобы служить последним оплотом обороны крепости, и они не имели права ни под каким предлогом покидать свой пост. Некоторые пытались стрелять во врага из арбалетов, однако тщетные попытки только усиливали их ярость.

На Уила они обращали внимания столько же, сколько на стоящее в зените солнце. Поскольку их было не более десяти человек и все они толпились теперь на той стороне галереи, откуда открывался наилучший вид на происходящее, Уил получил возможность беспрепятственно осмотреть округу.

Выстроенный на холме донжон и расположенную отдельно основную площадь крепости защищал, как и предполагал Уил, единственный ров в форме восьмерки. С внутренней стороны по всей длине тянулась стена, больше похожая с такой высоты на забор из кольев. Верхний круг занимала башня, в которой он сейчас находился, нижний — жилища гарнизона и подсобные постройки, отличавшиеся от жилых хижин разве что размерами. Оба круга соединялись между собой одним-единственным деревянным помостом, по которому в этот момент стремительно бежало вниз неведомо откуда появившееся подкрепление. С внешней стороны рва укрепление отделяла от леса обширная прогалина. Только оставленные местами пни свидетельствовали, что когда-то и здесь росли деревья.

Глядя во все стороны, сколько хватало зрения, Уил видел один лишь зеленый ковер выжидательно застывшего леса.

Неужели вся эта часть Англии, которую местные жители называют Торлон, сплошь покрыта лесами? Уилу приходилось слышать о почти непроходимых чащах, которыми поросли земли севернее Лондона, однако он никогда не представлял, что значит выражение «бескрайний лес». Теперь он видел его воочию, и ему сделалось не по себе. Оставалось только выяснить, с какой стати эту местность прозвали «страной башен».

Присмотревшись повнимательнее, Уил разглядел почти возле самого горизонта что-то вроде крохотной палочки, выступавшей над линией зеленых волн. Очевидно, это был донжон соседней крепости. Да нет, пожалуй, не соседней. Судя по расстоянию, до нее не меньше дня пути. А то и больше. Странно, что люди могут жить среди леса на таком отдалении друг от друга. Если собрать всех участников продолжавшегося на главной площади и окружавших ее стенах сражения вместе, вышло бы меньше, чем

жителей в средней деревушке. Правда, Уил до сих пор не видел в крепости ни женщин, ни детей. В таком случае его первое предположение все-таки верно, и эта крепость не более чем охранное сооружение. Но тогда что же здесь охраняют?

Уил впервые задумался о том, что ему самому сейчас угрожает реальная опасность. Снова вспомнилось полное ужасов войны детство. Если неведомым нападавшим удастся взять верх над защитниками крепости, отнесутся ли они к нему с таким же гостеприимством? Кто они? Саксы? Неизвестно каким образом оказавшиеся в этих местах шотландцы? Кстати, все-таки в каких местах? Может, это и есть Шотландия, и он, Уил, находится среди оккупантов, расставивших на чужой территории свои боевые посты, свои «башни»? Тогда ему точно несдобровать.

Взглянув на солнце, Уил попытался определить, с какой стороны пришел накануне. Все то же зеленое море. Ему вспомнились набатные удары колокола, донесшиеся до него в первую ночь его плутаний. Подобный гул мог издавать разве что соборный колокол, однако, сколько Уил ни вглядывался, никаких шпилей, крестов или даже флагов он разглядеть так и не сумел. Как ни странно, не было видно даже следов Мертвого болота, хотя Уил предполагал, что с такой высоты наверняка увидит серую проплешину сухостоя. Видимо, в той стороне вздымался склон холма, а выжженный лес остался за его вершиной.

Из раздумий Уила вывел один из арбалетчиков. Выскочив из-за стены башни, он с громкими криками набросился на оторопевшего гостя. Решивший дорого продать свою изломанную жизнь, Уил приготовился оказать посильный отпор и был немало озадачен, когда воин с разбегу заключил его в объятия и принялся распевать незнакомый мотивчик. Они закружились по галерее в неуклюжем танце, сопровождаемом поскрипыванием балок.

— Сигора! Сигора! — восторженно повторял воин, тяжело дыша и обдавая Уила сильным запахом лука.

Призвав на помощь уже не раз выручавшую в последнее время интуицию, Уил сообразил, что «сигора» означает не что иное, как «победа». Правильность догадки подтвердили остальные воины, тоже отплясывавшие на своем пятачке и указывавшие луками и стрелами в сторону нижней площадки, где в воротах и на стенах значительно прибавилось блестящих шлемов. Штурм был остановлен. Раненых врагов безжалостно добивали. Кое-где возле убитых вспыхивали яркие огоньки пламени. Однажды вспыхнув, они почему-то больше не разгорались. На таком расстоянии Уил не сразу определил, что это никакое не пламя, а просто цвет волос нападавших.

Большинство были рыжими. Ирландцы — первое, что пришло ему в голову. В Уинчестере их обитало не так уж много, однако почти любого можно было узнать не только по говору, но и по медным волосам. У его Мэри, ирландки по матери, из трех братьев рыжими были двое. Значит, все-таки не Шотландия…

— Сигора! Сигора! — соглашался он, постепенно отступая с галереи внутрь башни.

Лестницу уже никто не сторожил, и Уил недолго думая поспешил вниз. Он еще не знал наверняка, что предпримет в следующую минуту. С одной стороны, слишком велик был соблазн воспользоваться всеобщей суматохой и потихоньку улизнуть из крепости, где он все-таки продолжал ощущать себя пленником, пусть и не связанным по рукам и ногам. Но зато здесь было вдоволь еды и много благодушно настроенных воинов, а окружающий лес пугал безбрежностью и риском столкнуться лицом к лицу с шайкой тех же головорезов, что отважились на штурм даже хорошо охраняемого укрепления.

Когда Уил снова оказался в завешенной коврами зале, он уже твердо решил не совершать безрассудных поступков и действовать по ситуации. На груду тряпья, под которым прятался меч и, возможно, остальные из принесенных им трофеев, он не взглянул. Не будучи человеком военным, он мало интересовался оружием и амуницией. Во время торговых поездок его обычно сопровождало несколько пеших солдат, бравших на себя охрану обоза. Иногда к ним примыкали закованные в железные латы рыцари, но даже их истории у костра о лютых побоищах и славных турнирах при дворе того или иного знатного лорда клонили Уила в сон. Когда он раздевал скелет и забирал все, что мог унести, ему в голову приходили мысли не столько о том, что меч острый, а шлем — прочный, сколько о той цене, которую удастся при случае заломить за инкрустированную драгоценными камнями рукоять и тонкую филигрань. Теперь такого случая уже явно не представится, однако Уил осознавал, что во многом снискал расположение гарнизона крепости именно за счет своих случайных находок.

Если они им так дороги, думал он, ступая на доски спускавшегося к внутренним воротам помоста, — быть может, они не откажутся помочь добраться до Уинчестера. Или, на худой конец, выкарабкаться из этой утопающей в лесах и прожаренной солнцем Ирландии, которая, по его скудным представлениям о географии и рассказам более сведущих в этих вопросах торговцев, была островом.

С этими мыслями он прошел через сторожку и вышел, никем не замеченный, в главный двор крепости. Хижины здесь были

расположены таким образом, чтобы служить добавочным укреплением. Находившийся в любом месте между ними человек видел лишь часть стены и чувствовал себя запертым в искусственном лабиринте. На время Уилу показалось, что он здесь один. Если бы не по-прежнему громкие крики и лязг металла, он бы решил, что защитники крепости с его приближением разбежались. Утром, когда он только проснулся и вышел на улицу, ничего подобного он не заметил. Вероятно, было немаловажно, откуда и в какую сторону ты направляешься.

Обойдя несколько строений, в одном из которых призывно ржали лошади, Уил оказался на открытом пространстве. Защитники крепости были здесь в большом количестве и с остервенением добивали поверженных врагов.

Подняв взгляд на стены, Уил увидел, как несколько воинов в длинных кольчугах ногами сбрасывают с галереи трупы.

Только сейчас Уил понял, почему издалека ему показалось, будто у нападавших, когда они падали замертво, вспыхивали волосы. Их рыжие головы закрывали глубокие кожаные шапки с причудливыми отверстиями для ушей. Перед тем как добить противника, воины срывали с них шапки, словно удостоверяясь по цвету волос в том, что перед ними действительно враг. Со стороны это выглядело более чем странно. Тем более что вблизи в глаза бросалось еще одно различие: если защитники крепости в большинстве своем были чисто выбриты, как подобало настоящим англичанам, их противники носили короткие, почти квадратные бороды. Причем все поголовно. Хотя нет, за незначительным исключением. И это исключение составляли рыжеволосые женщины. Женщины-воины? Уилу приходилось слышать истории о народах, у которых женщины владеют оружием наравне с мужчинами, однако он всегда предполагал, что речь идет о тех случаях, когда им приходится обороняться. Что ж, Уилу самому не раз приходилось видеть, как англичанки хватаются за вилы и бросаются на защиту своих жилищ и детей. Но сейчас его взгляд то и дело падал на пронзенных стрелами или разрубленных женщин, которые отважились сопровождать своих мужчин в боевом походе и отчаянно гибли, штурмуя неприступные бастионы.

Одна из них, с залитой кровью ногой, лежала под стеной хижины и пыталась сделать вдох. Очень красивая, совсем юная, с высокими скулами, полными, искривленными болью губами и большими раскосыми глазами с длинными ресницами. Только хищный разлет бровей придавал лицу этого полуребенка выражение озлобленной решимости. Стоявшие рядом воины — один, среднего роста, в буром плаще с зелеными нашивками,

другой, высоченный детина с выбритой головой и длинной, испачканной кровью бородой, — о чем-то переговаривались, вероятно решая незавидную судьбу раненой.

Уил неуверенной походкой направился к ним, хотя понятия не имел, зачем он это делает и что его ожидает.

Оба воина были разгорячены боем. Появление чужака явно их не обрадовало. Тот, что кутался в защитный плащ, отступил к поверженной девушке, намереваясь не то прикончить ее ударом подозрительно чистого кинжала, не то этим же кинжалом ее защищать. Второй, наоборот, сделал шаг навстречу Уилу и поднял руку раскрытой ладонью вверх, как бы делая знак остановиться. Несмотря на лысый череп и окровавленную бороду, он сразу же произвел на Уила впечатление человека спокойного, осознающего свою недюжинную силу. Вопросительный взгляд его серых глаз говорил об уме и желании во всем разобраться, прежде чем принимать решение.

Уил остановился и инстинктивно показал пустые ладони. Бородатый удовлетворенно кивнул, что-то сказав напарнику. В этот момент раненая девушка застонала, и тот, склонившись к ней, словно вмиг позабыл обо всем на свете. Опираясь на топор, бородатый стал наблюдать, как зеленый корпит над ее окровавленной ногой.

— А дубовые листья точно не помешали бы, — заметил, оглядываясь через плечо, Гейвен. — Жалко, если она ногу потеряет.

— Смотри, чтобы ты сам из-за нее ничего не потерял, — хмыкнул Фокдан, подмигивая удивленно застывшему на некотором отдалении безоружному чужаку. — Например голову.

Девушка попыталась сесть и помешать Гейвену потуже затянуть концы платка, однако новый приступ боли заставил ее вскрикнуть и откинуться навзничь.

— Похоже, если она выкарабкается, то перекусает половину заставы и нам все равно придется ее убить, — усмехнулся Фокдан. — Посмотри, какие у нее зубы. Как у дикой лесной кошки.

— Она и есть лесная кошка, — неохотно отозвался Гейвен, осознавая комичность своего теперешнего положения и надеясь со временем подобрать для себя надлежащее оправдание. — Кстати, эта кошка знает о лесе и его обитателях все. Так что не помешает ее как следует порасспросить. Но сперва ее нужно привести в порядок.

— Ты же знаешь, что Граки все равно не позволит оставить ее в живых. Расспросит, может быть, а потом велит посадить на кол.

Или в лучшем случае повесить. — Фокдан снова покосился на молча наблюдающего за этой сценой Вила и добавил со вздохом: — Если только он сам еще жив. Наших сегодня полегло много. Слишком много.

Гейвен оставил в покое ногу девушки и выпрямился. Одного внимательного взгляда на бывшее поле брани хватило, чтобы признать правоту Фокдана. В воротах лежала гора трупов: рыжие шевелюры вперемешку с блестящими на солнце шлемами. Только что небрежно сбрасывавшие со стен тела врагов вабоны теперь бережно поднимали павших на рантах собратьев и медленно сносили их по ступеням вниз, туда, где расхаживал Шиган, с нарочитой деловитостью указывая, что делать с ними дальше. Погибших воинов укладывали в ряд вдоль стены, переворачивали на живот, чтобы их сердце оказывалось ближе к земле, и шли за следующими. В ряду уже лежало восемь тел.

То же самое происходило и по другую сторону от ворот. Там руководил Дайлет, предводитель утренней смены эльгяр. Гейвен недолюбливал Дайлета за его вечно хитрый прищур и вызов чуть ли не в каждом слове, однако сейчас тот производил впечатление человека, заставившего себя собраться и отбросить всякую рисовку. Кроме того, похоже, Дайлет был серьезно ранен: левая рука висела плетью, а сам он сильно хромал. Его люди уже сняли с рант троих убитых.

— Да, победа далась нам слишком дорого, — сказал Гейвен.

Проходивший в этот момент мимо них человек без каски, но в легкой кольчуге и с длинным кинжалом за поясом, остановился, бросил недобрый взгляд на раненую и, обращаясь к Гейвену, заметил:

— Цену, о которой ты говоришь, мы вынуждены были заплатить из-за твоих лазутчиков. Почему так произошло, еще предстоит выяснить, так что ты готовься к ответу.

И с этими словами незнакомец быстрым шагом продолжил свой путь к воротам.

Гейвен и Фокдан переглянулись. Первый почувствовал неизвестно откуда подкативший к горлу страх, второй — изумление и тревогу. Стоявший по-прежнему поодаль Вил смотрел на них во все глаза.

— Кто это был? — сглотнул Гейвен. — Кажется, я где-то уже видел этого малого.

— Не удивлюсь, если тебя с ним никто пока не познакомил, — медленно, словно размышляя вслух, ответил Фокдан. — Это ведь Олак, слуга Локлана. Признаться, не думал, что у него есть право вести подобные речи. Раньше он вообще казался мне немым. Видать, что-то и в самом деле произошло. Я

имею в виду — с Граки. Крыса чувствует дохлятину.

— Выходит, я и есть дохлятина?! — Голос Гейвена прозвучал не столько вызывающе, сколько жалобно. — Не хочешь же ты сказать, что все эти трупы повесят на меня, на меня одного?

— Я ничего не хочу сказать. — Фокдан смотрел вслед удалявшемуся Олаку. — Это он сказал.

— Но ведь я был вместе со всеми здесь, на заставе! В чем он хочет меня обвинить? В трусости? Да я сам сейчас прикончу эту девицу! — Он схватился за рукоять висевшего на боку меча.

— Не горячись, — остановил его Фокдан. — Похоже, у него вопрос к твоим лазутчикам, допустившим, что враг напал на нас без их предупреждения и застал врасплох. Пленница здесь пока ни при чем. И если это его собственный вопрос, кто сказал, что Локлан того же мнения?

— Нет, ты прав! — Гейвен не отпускал меч и возбужденно озирался. — Раз даже слуга настолько осмелел, что задает мне подобным тоном подобные вопросы, значит, Граки погиб в бою, и он знает, что власть теперь на стороне его молодого хозяина. — Гейвен выдержал паузу. — Если мои люди виноваты в том, что нас застали врасплох, выходит, их тоже нужно прибавить к тем, что лежат теперь вдоль стены и у ворот. Смерть — единственная причина их молчания!

Он выхватил меч и со всей силы рубанул по подпорке хижины. Удар пришелся над самой головой девушки. Подпорка треснула, но хижина устояла. Сидевшая на краю черная птица только негодующе хлопнула крыльями и снова застыла, нахохлившись.

— Смерть — единственная причина их молчания, — тихо повторил Гейвен, так тихо, будто только что мечом размахивала чужая рука, а не его. — Знаешь, Фокдан, что я думаю? Мы все расслабились. Слишком давно на заставе ничего не происходило. Никто не погибал. Мы почти не сражались. Разве что со своими страхами. А когда погиб хоть кто-нибудь из лазутчиков — я и не припомню вовсе. И вот на нас разом обрушились все напасти. Стоило этому парню явиться к нам среди ночи, как все вдруг переменилось. — Он ткнул острием меча в сторону прислушивающегося к его словам Вила. Вил отшатнулся. — Чего он здесь околачивается? Уж не он ли привел с собой весь этот сброд!

— Вообще-то, если мне не изменяет память, его привели сюда твои люди, Гейвен, — заметил Фокдан, на всякий случай делая шаг и вставая между разгоряченным соплеменником и сохранявшим внешнее спокойствие чужаком. — Посмотри на него внимательно. Ты когда-нибудь видел таких шеважа? Даже Граки в

свое время сразу смекнул, что он не из них. Иначе ему бы не стоять сейчас здесь. Между прочим, обрати внимание, что он безоружен. Спрячь-ка и ты свой меч, пока никого им не поцарапал.

Уил едва держался на ногах от страха.

Этих двоих он почему-то понимал гораздо лучше, чем кого бы то ни было в крепости, и последнее замечание воина в буром плаще по имени Гейвен, какой бы жалкий ни был у него вид в этот момент, заставило Уила напрячь последние силы, чтобы не рухнуть в обморок или в лучшем случае не обратиться в бегство.

Он с напряжением ждал, пока Гейвен, понурив голову, уберет меч обратно в ножны. Второй воин продолжал как ни в чем не бывало опираться на топор и лукаво щуриться. Только его присутствие позволило Уилу собрать все мужество и сделать вид, будто он ничего не разобрал из сказанного.

— Так-то лучше, — кивнул бритоголовый бородач и добавил, покосившись на Уила: — Ты его не бойся, малый. Он сам так перетрусил, что теперь не знает, на кого кидаться. Вабоны с безоружными не сражаются.

— Вабоны? — Уил уже слышал это слово, но в тот раз ему показалось, что речь идет о каком-то оружии.[6] — Вы — вабоны? Не шотландцы?

— Кто?!

— Простите, я, наверное, обознался, — забормотал Уил, стараясь не смотреть на собеседника. — Ваш начальник говорил, что это — Тауэрлэнд, то есть я хотел сказать Торлон. Вот мне и показалось, что башнями вы называете горы. Значит, решил я, мы в Шотландии. А напали на вас — ирландцы. Я поднимался вон на ту башню и с нее осматривал окрестности. Сплошной лес кругом. Так, выходит, вы вабоны?

Уил видел, что его почти не понимают, и оттого говорил первое, что приходило на ум, лишь бы не останавливаться. Он уже пожалел, что вообще подошел сюда и невольно ввязался в эту историю с раненой девушкой и двумя странными вояками, один из которых то храбрился, то пугался, а другой все посмеивался в бороду и вообще вел себя так, будто стоит на паперти, а не на поле брани. Правда, сейчас улыбка медленно сошла с его лица, уступив место недоумению.

— Ты не знаешь, о чем это он? — повернулся он к Гейвену.

— Ты за него заступаешься, тебе виднее, — огрызнулся тот, машинально поднимая воротник плаща и делая несколько шагов в сторону.

— Постой, а как же твоя пленница?

Гейвен с неохотой оглянулся через плечо.

— Она не моя пленница.

— Разве не ты собирался ее допросить и узнать, как поживают шеважа и почему им вздумалось напасть на нас именно сегодня?

— Мне нет до нее дела.

Гейвен взвалил арбалет на плечо и, больше не оглядываясь, направился туда, откуда недавно пришел Уил.

— Вот так история! — присвистнул Фокдан. — Что ж мне теперь, за него, что ли, ответ перед всеми держать из-за этой рыжей? Одно дело, если Граки помер. А если нет?

— Ты не можешь ее убить, — не веря своим ушам, проговорил Уил. Уж чего-чего, а вмешиваться в здешние обычаи он не собирался. Тем более заступаться за поверженного врага, пусть даже враг этот ранен, безоружен и очень даже симпатичен. — За нее заплатят выкуп.

— Выкуп? — Как ни странно, воин понял его. — Кто заплатит? Ты?

— Не я. — Уил подумал, что денег действительно у него нет, а значит, возвращение в родную Англию будет долгим и тяжелым: главным образом на своих двоих. Если, конечно, его вообще выпустят. — Родичи. У нее же должны быть родичи.

— Вон ее родичи, — Фокдан показал на груду рыжеволосых трупов и добавил: — Сам-то откуда будешь?

Уилу помешала ответить черная ворона со странно загнутым книзу клювом. Сидевшая до сих пор неподвижно на краю крыши, она пронзительно каркнула, показав маленький, как у змеи, язычок, взмахнула крыльями и стала подниматься ввысь по невидимой спирали. Задрав головы, за ее полетом наблюдали снизу двое мужчин и рыжеволосая девушка.

Рассекая пропахший кровью и смолой воздух, ворона неторопливо взмыла на такую высоту, где ее не смог бы достать ни один из этих грозных воинов, даже те, что были вооружены острыми летающими палками, и откуда открывался удивительный вид на безбрежные просторы зеленого леса.

Ворона обогнула башню, под крышей которой радостно кричали и обнимали друг друга люди в железных шлемах, и заскользила прочь, отдыхая в волнах теплого бриза.

Она летела навстречу солнцу, зная, что оставляет позади не только давно разоренное гнездо с погибшими, не успев вылупиться, птенцами, но и смертельно опасную сухую проплешину гиблого безлесья, где не было ни воды, ни насекомых, ни даже листьев, чтобы свить новое пристанище.

Впереди же ее ждало укрытие под сенью могучих каменных стен и целая река вкусной воды, в которой так приятно купаться жаркими днями, поднимая перьями мириады брызг.

Вороне было много лет, и она не раз преодолевала этот путь от деревянной заставы до каменной крепости, но всегда возвращалась обратно, притягиваемая воспоминаниями и ароматным пламенем ночных костров. Сегодня, однако, ей подумалось, что в мире произошло слишком много перемен и дороги назад уже не будет.

Поднявшись над лесом настолько высоко, что стало не хватать воздуха, ворона увидела вдали заветные башни каменной крепости и со спокойным сердцем начала снижаться, уверенная в правильности выбранного маршрута. Распластав упругие крылья и вглядываясь в одну точку, она на бреющем полете промчалась над острыми пиками частокола из елей.

В тот момент, когда внезапный порыв встречного ветра почти остановил ее затяжное скольжение и ворона готова была вновь взмахнуть крыльями, что-то тяжелое с резким свистом пробило ей перья на груди, и нестерпимая боль камнем потянула вниз.

Теряя последние силы, ворона в отчаянии раскинула крылья и попыталась вырваться, но тяжесть была уже в ней, стала ее частью и не хотела отпускать. Полет сменился неуклюжим падением прямо на ели. Сложив крылья, ничего не видя вокруг и лишь краешком пощаженного болью сознания дивясь верности своего утреннего предчувствия, подбитая птица бессильно пикировала сквозь ветки навстречу мягкой земле — такой мягкой, что удара о корни она уже не почувствовала.

— Хороший выстрел, Чим, — похвалил меткость сына старый охотник Зорк, наблюдая единственным глазом, как мальчишка с нескрываемой гордостью поднимает за конец стрелу с насаженной на нее черной тушкой вороны. — Узнаю меткость деда. Он тоже умел бить птиц так, чтобы они падали прямо к его ногам.

Чим ничего не ответил и побежал с добычей к стойбищу клана. Он был обижен на отца. Обижен за то же, за что с Зорком вот уже третий день не разговаривали почти все Фраки: он не пустил их на встречу с Олди и Лопи и не позволил сразиться в открытом бою с ненавистными илюли.

Зорк не стал окликать сына, как делал прежде, когда хотел поставить на место и указать на допущенную ошибку. «Подрастет — сам поймет, — подумал он, отворачиваясь и ухмыляясь в длинную бороду. А не поймет — не быть ему моим наследником. Только и всего. Титул вождя клана должен передаваться не по наследию, а по уму». Судя же по всеобщему возмущению, до сих

пор царившему в стойбище Фраки, даже среди старейшин не оказалось никого, кто бы мог по праву стать его преемником. Настоять на своем ему удалось исключительно за счет твердости духа и предыдущих заслуг перед кланом. Хотя нет, не совсем так: не последнюю роль сыграло довольно грубое, но своевременное вмешательство Кепта и его трех могучих братьев. Они вчетвером заставили умолкнуть тех, кто особенно живо спорил с решением Зорка не ввязываться в предстоящую битву, пригрозили расправой тем, кто вслух обвинял его в трусости и отступничестве. Что и говорить, на Кепта можно было положиться. Во всяком случае, при крайней необходимости. Потому что умом этот отчаянный храбрец и заводила никогда не отличался. Зато отличался преданностью и верой в то, что решение Зорка — единственно правильное. Вот и сейчас они с братьями, отложив все прочие дела по хозяйству и даже не вспоминая про возмущенных такой несправедливостью жен, усердно трудились вдали от посторонних глаз над его поручением.

Зорк обнаружил их там, где и оставил, когда отлучился взглянуть на охотничьи успехи сына. Все четверо сидели под навесом из душистых сосновых веток и угрюмо толкли в маленьких деревянных ступках несъедобные зерна флакса, дикого растения, у которого обычно использовались только длинные листья: умельцы Фраки умудрялись размачивать их и скручивать в прочные веревки. Мясистые зерна, упрятанные в твердые коробочки цветков, обычно только мешали, и их выбрасывали.

Однако мудрый Зорк нашел им применение. Правда, случайно, сам того не желая, но все-таки нашел. Теперь он рассчитывал, что это открытие не только оправдает его в глазах сородичей, но и изменит соотношение сил в Лесу, сделав его, Зорка, величайшим вождем всех кланов. Всех уцелевших кланов, мысленно прибавил он и положил ладонь на плечо Кепта.

— Получается?

Вместо ответа Кепт забрал у брата ступку, осторожно наклонил над своей и дождался того момента, когда на краешке повисла маслянистая капля.

— Хорошо, — сказал Зорк, усаживаясь рядом на бревно. — Только зря не проливайте. Не забывайте, нам нужно заполнить хотя бы то ведро. Хотя бы до половины. — Он кивнул на сшитую из бересты лохань, на донце которой уже собралась неглубокая пока лужица. — Чем скорее вы закончите, тем скорее мы выступим против илюли.

Братья переглянулись и, явно вдохновленные его словами, принялись еще яростнее молотить по ступкам.

О том, что победить илюли можно, если приручить огонь, догадывался не один только Зорк. Он слишком хорошо помнил рассказы о том, как отважные воины других кланов совершали вылазки в стан врага и пытались поджечь деревянные дома. Но лишь в одном рассказе смельчакам удалось подобраться настолько близко, чтобы подпалить бревна забора. Дым во мгновение ока привлек стражей, и попытка закончилась, как всегда, гибелью лучших сынов клана. Фраки умели добывать огонь, но для победы этого было недостаточно.

Несколько дней назад, когда Нодж из клана Лопи бросил клич идти на Дом илюли штурмом, Зорк поначалу решил послушаться охотно согласившихся на участие в битве старейшин, однако во время ночной стоянки накануне сбора с ним произошло то, что побудило его отменить собственный приказ и выждать более подходящего момента.

Дети бросали в костер коробочки флакса, и Зорк, подобрав одну из них и надорвав, стал задумчиво разминать податливые зерна. В это время жарившееся на огне мясо предательски зашипело и стало на глазах обугливаться. Зорк бросился спасать ужин. Выхватывая мясо из пламени, он не сразу заметил, что у него горят пальцы. Точнее не пальцы, а масло, выдавленное из зерен. Не замечая боли, Зорк едва сдержал смех. Почему дети, да и сам он, когда был таким же малышом, любили бросать флакс в костер? Да потому что коробочки громко лопались и вспыхивали. Флакс прекрасно горел! А маслом, полученным из него, можно было пропитать что угодно. Из случайного наблюдения в голове Зорка стал рождаться план, воплощение которого в жизнь сулило теперь поразительные перемены. И чем больше Зорк думал о том, какое этому открытию можно найти применение, тем очевиднее делалась для него необходимость до поры до времени держать все в тайне от родичей.

Клан Фраки насчитывал эму-нош человек — иначе говоря, столько, сколько пальцев было на мускулистых руках Кента и его братьев.

Счета, превышающего десять пальцев, обитатели Леса не знали. Зато у каждого пальца было свое имя, и самым большим числом оказывалось, таким образом, нош-нош, то есть «мизинец мизинцев» или «десять десятков». Считали слева направо, от мизинца до мизинца: ниш, гиш, эку, эму, герч, горч, ому, оку, гош, нош.

Из сорока человек половину составляли женщины, дети и старики. Последних принято было называть «старейшинами» и почитать как мудрых советчиков. Но что могли противопоставить они, чья мудрость измерялась белизной седин и глубиной

морщин, ему, приручившему огонь? Придет час, и он вообще перестанет замечать их. Клану понадобятся сильные воины, способные натягивать тугую тетиву луков. И женщины, которые бы этих воинов рожали и вскармливали. Чтобы победить илюли один раз, достаточно его, Зорка, знаний. Однако чтобы уничтожить их без следа, стереть с лица земли вместе с деревянными и каменными домами, понадобятся воины, много воинов.

От этой мысли у Зорка заныл живот. Так происходило с ним всякий раз, когда он вспоминал прекрасную дочь своего старого боевого товарища Ноджа, вождя клана Лопи — рыжеволосую Сану. С тех пор как погибла мать Чима, Зорк одним своим уцелевшим глазом присматривал себе новую жену среди незамужних женщин других кланов. Вождю не годилось жить одному. Когда старейшины иногда заводили об этом разговор, он хмурился, но отшучивался, что «женат на войне с илюли». С ним не могли не соглашаться, зная, что он всю свою теперешнюю жизнь посвятил мести подлому врагу, и потому не слишком настаивали на строгом соблюдении традиций. Боевая ярость вождя придавала сил всему клану. А тем временем у Зорка не шла из головы Сана, которую он помнил совсем еще маленькой девочкой и которая при их недавней встрече на совете кланов предстала перед ним дикой и неуловимой женщиной, какой была когда-то и мать Чима. Можно даже сказать, что отчаянно смелое предложение Ноджа участвовать в налете на лесной Дом илюли Зорк принял из-за нее. Особенно поразили его ее брови, хищный разлет которых придавал ее красивому, почти детскому лицу выражение далеко не детской ненависти. Ее взгляд исподлобья полоснул его словно ножом, когда Зорк после совета попытался заговорить с ней наедине. Взглянула, хмыкнула и пошла прочь, дерзкая и независимая. А он смотрел вслед, на ее сильные бедра и думал, что нашел лучшую мать для будущих воинов Фраки.

И все-таки новый замысел оказался настолько впечатляющ, что Зорк, хотя и с неохотой, после долгого размышления предал ее. Он догадывался о том, что такая дочь непременно последует за своим отцом в самую гущу предстоящего сражения. И не опустит лука до тех пор, пока не кончатся стрелы. Где-то она теперь? Вероятно, по-прежнему подле отца, мертвая и прекрасная. Не знавшая страха и презиравшая боль. Интересно, ждала ли она прихода его, Зорка, во главе столь нужного подкрепления там, у стен Дома илюли? Стен, которые он намерен превратить в угли в память о ее гибели и о гибели всех тех, кому не суждено дожить до его, Зорка, великой победы.

Зорк сам удивился глухому рыку, вырвавшемуся из его груди.

Ему нужна была Сана. Нужна сейчас. Нужна до боли в яростно сжатых кулаках. Сильная и непокорная. Пропахшая лесом и солнцем. Умеющая ненавидеть. И еще не научившаяся любить.

Зорк оставил Кепта с братьями трудиться в предвкушении неотвратимо приближающегося часа возмездия, а сам направился обратно к стойбищу. Урчание в животе напомнило ему, что с самого рассвета он ничего не ел.

Стойбищем лагерь назывался потому, что Фраки, в отличие от многих других кланов обитателей Леса, предпочитали не задерживаться подолгу на одном месте. Старики рассказывали, что когда-то, когда их было такое множество, что для перечета не хватило бы пальцев на руках всех нынешних членов клана, Фраки могли себе позволить постоянно жить в одних и тех же гнездах, свитых из прочных веток в кронах могучих уков. Это было задолго до того, как первые илюли пришли в Лес и принесли с собой Великую Засуху, погубившую и их бесхитростных предков, и сами уки, и память о жизни без войны. Новый опыт научил Фраки не сидеть сложа руки, как по-прежнему делали даже сейчас некоторые наиболее отдаленные и почти незатронутые войной кланы, а находиться в постоянном движении, то уходя таким образом от врага, то напротив — угрожая ему в самом неожиданном месте. Ветки перестали служить им материалом для гнезд. Их заменили дубленые шкуры животных, позволяющие разбивать лагерь быстрее, чем варится на костре подбитая по пути дичь. Или сниматься с места и исчезать в чаще раньше, чем появятся предупрежденные лазутчиками первые отряды илюли.

Зорк вышел на залитую солнцем поляну и сразу уловил соблазнительный запах жаркого, исходивший от единственного костра, вокруг которого уже чинно восседали старики и суетилось несколько женщин. Стоявший чуть поодаль Чим всем своим видом говорил, что сегодня имеет к трапезе не последнее отношение. Заметив отца, он посерьезнел и присел на корточки.

Зорк убедился, что его увидел не только сын, но и все собравшиеся, и молча прошел мимо к наспех сплетенной накануне, по прочной лестнице, ведущей к гнезду вождя. Лестница свисала с толстой нижней ветви, расположенной на высоте в добрых три человеческих роста от земли. Поднявшись по ней, человек оказывался на искусственной площадке, образованной туго натянутой между соседними ветвями шкурой. В гнезде Зорка эту роль выполняла шкура гигантского пещерного медведя, убитого им самим еще тогда, когда он имел возможность смотреть на мир обоими глазами. Обычно для большей долговечности шкура подвязывалась к веткам мехом вниз, однако Зорк, во всем остальном чтивший традиции, любил

на отдыхе понежиться на длинной бурой шерсти, вспоминая то утро, когда разбуженный охотниками зверь вышел наконец из своей берлоги и встал на задние лапы, угрожающе рыча и скаля пожелтевшие от крови клыки. Зорк поразил его выстрелом в глаз, а некоторое время спустя и сам лишился глаза. Убивая медведя, он испытал невольное ощущение связи с ним, но долг охотника и желание утвердиться в роли вождя заставили его довершить начатое, чтобы теперь, спустя столько зим, лежать на подвешенной высоко в воздухе шкуре и думать о том, как бы все могло обернуться в жизни, не будь того утра и той злосчастной встречи с хозяином Леса.

Прямо над шкурой, заслоняя ее от солнца и дождя, располагалось собственно гнездо. Оно было сшито из таких же шкур и представляло собой замкнутое пространство из пола, стен и потолка. Прочное и долговечное, гнездо обычно шилось женщинами клана и могло иметь различные формы — от ровного прямоугольника до почти шара. В последнее время Фраки шили в основном прямоугольные гнезда, поскольку для их растягивания требовалось меньшее количество завязок, чем для более сложных конструкций, а это в свою очередь означало, что стойбище можно быстро свернуть в случае внезапной опасности.

Гнездо Зорка шила ему жена, мать Чима, синеглазая красавица Рагона, та, кого теперь ему больше всего не хватало в жизни. Рагона погибла, когда Зорк, получив донесение разведчиков о приближении илюли, во главе тогда еще многочисленного отряда отправился вперед с надеждой застать врага врасплох. То ли он сам просчитался, то ли разведчики ошиблись в направлении, то ли илюли, заподозрив неладное, совершили хитрый маневр — неизвестно. Однако, когда Зорк, так никого и не повстречав, возвратился с отрядом к стойбищу, все уже было кончено. Самое страшное, что тело Рагоны найти не удалось. Чудом уцелевшие женщины впоследствии рассказывали, что видели, как она, стоя в гнезде, пыталась обрубить лестницу, по которой взбирались свирепые илюли, а Зорк обнаружил на шкуре — этой самой, на которой он сейчас лежал, вспоминая свой тогдашний ужас и не замечая слезы, катившейся из единственного глаза, — целую лужу свежей крови. Крови было так много, что казалось, будто здесь готовили пир для всего клана. Кровавый пир, оставивший Зорка голодным на все последующие годы. Медведь мстил ему, а он мстил тем, из-за кого даже не увидел Рагону мертвой…

— Почему ты не ешь, та? — послышался рядом долгожданный голос.

Зорк повернулся на бок и встретился лицом к лицу с

насупленным сыном. Возвышаясь над шкурой по пояс, мальчишка покачивался на лестнице и старался избегать насмешливого взгляда отца. Судя по всему, он явился сюда не по велению сердца, а потому, что его послали старшие. Никто не хотел бесповоротно рассориться с вождем.

— Забирайся, садись, — примирительно сказал Зорк. Взяв сына за тонкое запястье, он подумал, что дух воина и талант охотника переплелись в Чиме с изяществом Рагоны.

Чим позволил втащить себя на шкуру и с неохотой улегся рядом с отцом.

— Что говорят старейшины?

— Зовут тебя к костру, та. Еда готова…

— Это я уже понял. Как и то, что ты почему-то решил дуться на меня пуще остальных.

Чим молча покосился на него и снова поднял глаза к небу, перечеркнутому паутиной веток.

— Обычно принято жалеть сыновей, у которых нет отца, — продолжал Зорк. — Мне же грустно, что тебя не видит сейчас твоя мать. Она бы тебе наверняка сказала, чтобы ты во всем доверял своему отцу, а не занимал противную сторону только потому, что не знаешь его планов. Я уже давно не требую от тебя, чтобы ты меня слушался, но я еще ни разу не давал тебе повода не верить мне.

— Мне тоже грустно, что у меня нет матери, та. — В голосе Чима задрожали металлические нотки. — И что мой отец не дает мне за нее отомстить…

«Так вот что его беспокоит…»:

— У тебя будет возможность, Чим. И гораздо раньше, чем ты думаешь. Просто я не хочу, чтобы ценой за месть илюли стала наша смерть.

— Но другие-то кланы пошли!

— И где они теперь? — Зорк недобро усмехнулся. — Что об этом говорят старейшины? Или они так увлечены моим «предательством», что забыли о разуме? Наши братья совершили храбрый, но необдуманный поступок. И пусть мое поведение покажется кому-то трусливым, зато сейчас я могу позволить себе разговаривать со своим сыном, и мы оба живы и помним ту, кто… — Он не договорил. — Ладно, давай о другом. Ответь мне, что бы ты предпочел: отомстить сейчас и погибнуть в бою с илюли как настоящий воин или подождать, пока я брошу клич, чтобы увидеть самому, как гибнут наши враги? Ну, отвечай.

По голосу отца Чим понял, что тот не шутит, и едва сдержал радостное восклицание:

— Когда ты бросишь клич, та?

— Если ты поел, то ступай к Кенту. Скажи ему, что я послал тебя в помощь, и делай то, что он тебе скажет. Когда вы закончите, я поведу вас на илюли. Обещаю.

Чима как ветром сдуло. «Славный малый, — подумал Зорк. — Надеюсь, я просто недооцениваю его».

Он спустился с дерева и снова подошел к костру. На сей раз не все соплеменники делали вид, будто не замечают его. Только самый дряхлый из старейшин, сухой и тощий как жердь Савдаким продолжал неподвижно сидеть боком к нему, не поворачивая головы с высоким лбом и резко очерченным орлиным носом. Даже если не знать предыстории, по его позе сразу можно было понять, кто зачинщик недовольства.

Зорк обошел костер и сел напротив старика. Тонкий рот Савдакима превратился в узенькую щелку. Он смотрел не моргая поверх пламени, поверх головы вождя и всем своим видом давая понять, что занят важными размышлениями.

Зорк улыбнулся.

Чьи-то заботливые руки поставили перед ним металлическую миску с жирными кусками дымящегося мяса и вареными кореньями. Миска была древнее самого Савдакима. Она досталась Зорку от отца, тоже великого воина и вождя Фраки, а тот рассказывал, что получил ее в подарок от деда. Никто из обитателей Леса не умел обрабатывать металл. Зато это испокон веков умели делать илюли, и Фраки, в случае успешного нападения на их дома, всегда обогащались всевозможной утварью и столь необходимым оружием. Если бы он захотел, Зорк мог бы раздобыть миску и поновее, не такую битую и мятую. Несколько раз он просил подавать себе еду в другой посуде, однако всякий раз замечал, что вкуснее и сытнее получается есть именно из отцовской.

— О чем думаешь, Савдаким?

Пережевывая мясо, он щурился одним глазом на старика и терпеливо ждал, что тот ответит. Не ответить Савдаким не мог: молчание в ответ на вопрос у Фраки считалось верхом неприличия.

— Я оплакиваю наших братьев, — через силу заговорил старик, медленно опуская веки, словно и в самом деле ожидал, что из-под них выкатится хотя бы одна слеза. — И наших сестер. Мне ведомо, что сегодня они все погибли сражаясь.

Сидевшие здесь же старейшины утвердительно закивали, искоса поглядывая на Зорка, который как ни в чем не бывало продолжал запускать пальцы в миску и отправлять в рот кусок за куском. Вытерев рукой подбородок, он облизал пальцы и откашлялся.

— Ты хочешь сказать, Савдаким, что не рад этой возможности? Может, ты хотел бы, чтобы оплакивать нас было вообще некому?

— Я только знаю, что оплакивать воинов — дело женщин и детей. А мы созданы для того, чтобы сражаться…

— …и погибать? — уточнил Зорк.

Старик поднял веки и впервые посмотрел прямо на собеседника.

— Да, если это необходимо…

— Необходимо? Кому? Илюли? Надеюсь, ты не заодно с ними? Пока вождь я, моей главной заботой будет оставаться жизнь, а не смерть всех Фраки.

— Не начинайте ваш вчерашний спор! — вмешался сидевший справа от Савдакима толстенький старичок. — По крайней мере до тех пор, пока не появится Кепт с братьями, чтобы вас разнять. Кстати, я что-то давно их не видел. Ты не знаешь, где они, Зорк?

— Готовят нашу победу, Крори, — ответил тот, довольный произведенным впечатлением, и повторил: — Готовят нашу победу.

Савдаким усмехнулся и снова закрыл глаза, давая понять, что дальше разговаривать бесполезно. Зорк представил себе это строгое, обтянутое сухой кожей лицо в тот момент, когда его план принесет свои плоды и Фраки воочию убедятся, чье решение было единственно правильным. А до тех пор он готов сносить недоверие и насмешки этих глупцов, кичащихся своей старостью.

Опустошив миску и запив ее содержимое травяной настойкой, Зорк окликнул двух стряпух и велел собрать еды на четверых и следовать за ним.

Кепт с братьями восприняли паузу в работе даже с некоторой неохотой. Пока они ели, Зорк наблюдал за сыном. Чим, ни на кого не обращая внимания, упоенно возился с доверенной ему ступкой. Между тем Зорк не мог не отметить, что спасительной жидкости в берестяной лохани значительно прибавилось.

К вечеру лохань наполнилась целиком, и жидкость пришлось осторожно разлить по нескольким железным ведеркам и накрыть крышками, чтобы она не испарилась. Кепт, его братья и Чим валились с ног от усталости, однако отказывались расходиться. Они ждали, когда Зорк отдаст приказ выступать.

Однако он не спешил, снова передумав и изменив свой план буквально в последнее мгновение. Шестое чувство, не раз выручавшее его в самых трудных ситуациях, подсказывало, что нужно повременить. Ночью, в черноте леса любой огонек привлечет внимание бдительных стражей илюли. Лучше дождаться утра и нападать днем. А чтобы не тратить время зря, можно заняться подготовкой стрел. Их понадобится никак не меньше гиш-нош. Дом илюли нужно запалить сразу с нескольких сторон, чтобы его защитники не успели загасить пламя.

Он отчетливо представлял себе, как засевшие в лесном укрытии воины поливают деревянные стены и постройки огненным дождем, а обезумевшие от ужаса и беспомощности илюли мечутся среди пожарища и падают замертво, сраженные меткими стрелками Фраки…

Что-то по-прежнему не сходилось…

Зорк почувствовал, как по спине, несмотря на вечернюю жару, бежит холодный пот. Конечно, он упустил главное: у него не хватит воинов, чтобы в одиночку перебить всех илюли, пусть даже лишенных укрытия из-за его хитрого плана. А уничтожить их надлежит во что бы то ни стало всех и сразу, поскольку в противном случае, придя в себя и изготовившись к отпору, они не только смогут уравнять силы, но и окажутся грозными

противниками, которым к тому же нечего будет терять.

Злясь на себя, Зорк саданул кулаком по дереву и не ощутил боли.

Что же делать? Он мог позволить себе промедлить еще одну ночь, но не более. Иначе даже братья Кепта решат, что им морочат головы, и обратят свой справедливый гнев против него. А тогда все его мечтания о главенстве в Лесу — да что там в Лесу, хотя бы над кланом — можно будет забыть, как укус комара. Воины ценят в вожде осмотрительность, но не прощают нерешительности.

Зорк выбрался из гнезда и тихо, чтобы никого не разбудить, спустился на землю. Костер был предусмотрительно прикрыт железной крышкой. Дозорных нигде не было видно, чего и следовало ожидать: они прятались где-то неподалеку от стойбища и сейчас наверняка наблюдали за ним.

Зорк послал в темноту Леса знак, что все в порядке, а сам отправился на поиски того дерева, в густую крону которого сам накануне отдал приказ спрятать клетки с ичуйчу. Ичуйчу назывались маленькие, ничем внешне не примечательные птички, которых лесные кланы издавна использовали для передачи важных посланий на большие расстояния. Взращенные тем или иным кланом и увезенные потом хоть за тридевять земель, они, будучи снова выпущены на свободу, каким-то замечательным способом умудрялись безошибочно находить своих бывших хозяев, куда бы те ни переместились и сколько бы времени ни прошло с момента расставания.

Найдя дерево и подобравшись к клеткам, в которых мирно спали ичуйчу, Зорк несколько мгновений рассматривал птиц. Метины на лапках, почти незаметные постороннему глазу, указывали на их принадлежность различным кланам. Вот две пичуги Фраки, что прилетели от Лопи и Олди с известием о готовящемся нападении на Дом илюли и призывом принять в нем участие. Зорк подумал, что они последние из живых, кто видел в добром здравии простака Ноджа и красавицу Сану. А вот ичуйчу Олди, выпущенная этим утром старейшинами и еще до полудня успевшая вернуться ни с чем — верный знак того, что в живых из клана никого не осталось. Как странно… Олди больше нет. Отпущенная вместе с ней ичуйчу Лопи до сих пор не вернулась, но кто знает, что могло с ней приключиться по дороге или в пылу сражения? Сумел же Чим подбить ворону почти на недосягаемой для стрел высоте.

Зорк отыскал клетку, в которой сидели две ичуйчу некогда далеких Тикали, которые не так давно переместились поближе к своим прямым родственникам — Фраки.

Зорк получил эту парочку из рук молодого Гела, нового вождя Тикали, возглавившего клан после гибели Того, У Кого Нет Имени, брата Зорка по матери. Тот, У Кого Нет Имени, был старшим братом и увел клан подальше от родных мест, когда Зорку было столько же зим, сколько сейчас Чиму. Тогда его все звали Немирдом. Это имя он потерял за одну ночь, потерял из-за того, что убил мать и смертельно ранил отца. Тогда он еще принадлежал к клану Фраки, а Фраки не прощают убийства родственников. Тем более что никто так и не узнал, почему Немирд взялся за топор. После его ухода в клане говорили всякое, но это были домыслы и каждый верил в свою правду. Потеряв мать, Зорк возненавидел брата и, когда сам стал вождем, велел всем раз и навсегда забыть его настоящее имя. До Фраки доходили слухи, что Немирд несколько зим выживал в Лесу один, пока не примкнул к известному своей независимостью и жестокостью клану Тикали. Никто не предполагал, что в конце концов Немирду удастся сделаться его вождем и пробыть в этом качестве долгих гиш-нош зим. Даже Зорк был вынужден сменить гнев на милость и признать, что брат — великий воин. А великому воину можно простить многое. Тот, У Кого Нет Имени, сокрушил не один Дом илюли и снискал в Лесу славу отважного и безжалостного вождя. Со временем Зорк стал невольно искать встречи с ним. Он не знал, что за этим последует — братание или поединок до смерти, — а когда пути двух их кланов в один прекрасный день пересеклись, оказалось, что место Того, У Кого Нет Имени, уже по заслугам занял юный Гел, сын погибшего. Вожди обменялись птицами-вестниками и снова расстались, пообещав друг другу помощь в нужную минуту. Встреча их осталась в тайне от многих соплеменников, не говоря уж о вождях других кланов. Вот почему Гел до сих пор не догадывался о вчерашнем выступлении Олди и Лопи против илюли, если только ни оказался вблизи места битвы по собственному почину. Теперь ему предстояло узнать, что от его решимости и храбрости зависит судьба этой бесконечной войны.

Зорк сунул руку под воротник кожаной рубахи и извлек кисет на длинной тесемке, подвешенный на шею. Подобные кисеты имели только вожди кланов и некоторые из старейшин. Ведь только они умели пользоваться их содержимым: тоненькими, короткими веревочками из длинной шерсти лесных барсуков. Язык веревочек и узелков хранили старейшины клана на тот случай, если вождь-отец не успеет передать всех его тайн сыну. Зорка в свое время научил премудрости сочинения таких посланий толстяк Крори.

Отделив самую длинную нить, Зорк привязал к тому ее

концу, где был узелок, другую, бурую, с тремя желтыми полосками. По этой метке поймавший ичуйчу сразу поймет, что птица прилетела из стана Фраки.

Зорк задумался. Гел мог оказаться слишком молод, чтобы знать все правила и читать длинные послания. В таком случае ему понадобится помощь кого-нибудь из старейших. Которому вовсе не стоит открывать всю правду. Правильнее будет ограничиться кратким предложением скорейшей встречи.

Зорк выбрал красную веревочку с одним узелком посередине. Поскольку выпущенные на волю птицы сразу же отправлялись в путь и не останавливались до тех пор, пока не находили своих хозяев, то есть доставляли послание очень быстро, один узелок означал один день после его получения, а красный цвет — встречу.

Самым сложным было указать точное место, где она должна произойти. У всех жителей Леса были определенные ориентиры, часто невидимые для постороннего глаза. Их сочетание и указывало посвященному необходимую точку.

Зорк долго размышлял, прежде чем закончил вязать последние узелки. Получилось нечто вроде виноградной грозди, с которой сорвали все ягоды. Послание сводилось к тому, что вождь клана Фраки приглашает вождя Тикали встретиться завтра с глазу на глаз у Холма, что под Дубом. При этом кланы должны быть достаточно близко, чтобы при согласии обеих сторон незамедлительно соединиться и выступить одним войском.

Зорк остался доволен сочиненным текстом. С одной стороны, коротко и ясно. С другой — никаких подробностей. Гел узнает его план только при личной встрече. Он аккуратно привязал главную веревочку к лапке разволновавшейся от предвкушения скорой свободы ичуйчу и вынул пичугу из клетки. Стоило ему разжать руку, и маленькие крылья вознесли пернатого посланца ввысь, к залитому сиянием звезд черному небу.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — послышалось из темноты.

— Крори?!

Придерживая обеими руками брюшко, толстяк шагнул в полосу света. Вопреки обыкновению, он имел озабоченный вид и не скрывал этого. Седая бородка нервно подрагивала. Лысая голова блестела от пота, несмотря на ночную прохладу.

— Ты очень изменился с тех пор, как стал вождем нашего клана, Зорк. Иногда мне кажется, что я не узнаю тебя, не узнаю того любознательного юношу, который учился у меня разным лесным хитростям. Ты стал независим. Слишком независим. Почему ты не желаешь говорить с теми, кто старше тебя и многое

понимают лучше, чем ты?

Зорк нахмурился:

Изменился не я, Крори. И вся беда в том, что вы, старейшины, никак не хотите с этим согласиться. Изменился Лес. Изменились правила, по которым нам предстоит выживать. Если, конечно, ты не хочешь последовать за Ноджем и простаками вроде него. Савдаким тоже думает, будто знает, что делает. Ступай за ним. Только не толкай на гибель всех Фраки.

— Кому ты отправил послание? — Крори дергал себя левой рукой за бородку, выдавая крайнее волнение. На собеседника он смотрел снизу вверх, насупившись и широко расставив ноги, будто готовясь к защите. В правой руке он сжимал сучковатую палку, которой владел мастерски. В детстве Зорк сам не раз испытывал на себе ее убеждающее воздействие. — Отвечай, или я тоже назову тебя предателем.

— Предателем ты меня не назовешь, — как можно тише и спокойнее ответил Зорк. — На завтра я назначил встречу вождю Тикали.

— Это хуже, чем предательство! — воскликнул толстяк, округляя глаза. — Немирд…

— Забудь о Немирде, — отрезал Зорк. — Он давно погиб, так что я сейчас говорю о его сыне. Нам понадобятся воины. Много воинов, Крори. И воины Тикали — лучшие из всех, кто может нам помочь. Ну что, теперь ты все знаешь? Ступай спать и не мешай мне.

— Хорошо, я уйду. Но только помяни мое слово, Зорк. Кто вступает в сговор с Тикали, тот гибнет от их бесшумных стрел.

— Мне нечего тебе возразить, Крори. Завтра же ты поймешь, что был неправ. И не рассказывай никому о том, что сейчас услышал. Ты ведь доверяешь мне, старик?

Толстяк грустно усмехнулся.

— Я доверяю только своим инстинктам. А они подсказывают мне, что у тебя дурная голова, Зорк. Ты храбр, но глуп. Прошу тебя как старейшина, не предпринимай ничего, не спросив нашего совета. Чтобы потом не жалеть. Иначе ты погубишь Фраки.

— Если старейшины такие умные, Крори, пусть они расскажут мне, как сжечь Дом илюли.

Оставив озадаченного старика возле клеток, Зорк отправился проверять дозорных.

До утра ему не спалось. Ворочаясь на шкуре, он сквозь полудрему мучился видениями, в которых весь его план оказывался придуман вовсе не им, а Савдакимом, в результате чего Фраки попадали во вражескую западню, и илюли забирали

раненых воинов в плен. В какой-то момент он понял, что это именно сон, поскольку на самом деле ему ни разу не приходилось слышать, чтобы илюли брали пленных. Однако он скоро позабыл о своей догадке, поскольку в плену его встретила прекрасная Сана. Девушка тоже была ранена, и это объясняло, почему посланная в стан Лопи ичуйчу не возвратилась обратно. Во сне Сана оказалась еще соблазнительнее, чем в жизни, и притом много сговорчивей и нежней. Зорк уже сжимал ее в объятиях, когда откуда ни возьмись появился Савдаким в сопровождении Крори, и толстяк со смехом заявил, что отныне их судьба зависит от Гела.

Который был вовсе не Гелом, сыном Того, У Кого Нет Имени, а не менее жестоким предводителем илюли.

Проснувшись на рассвете, Зорк не сразу сообразил, где находится. Сон подействовал на него удручающе. Обитатели Леса верили, что сны снисходят на них не просто так, а предвещают грядущее. Правда, вещих снов Зорк за собой до сих пор не замечал. Обычно он предчувствовал беду как воин, не во сне, но наяву. И умел противостоять ей.

Когда он спустился с дерева, первым, кто его приветствовал, был Кепт. Во взгляде своего верного помощника Зорк безошибочно угадал немой вопрос и решительно кивнул. Кепт едва сдержал радостную улыбку и побежал к остальным передать приказ вождя сниматься с места. Стойбище в мгновение ока ожило. Воспользовавшись суетой, Зорк украдкой лишний раз проведал клетки. Посланец до сих пор не вернулся. Значит, Гел получил его весточку и будет ждать в условленном месте. Путей к отступлению не осталось.

Передвижение клана по Лесу подчинялось правилам, установленным традицией. Сначала с места снимались лазутчики. Они налегке устремлялись вперед, проверяя, нет ли по пути следов врага. Один из них потом возвращался и становился проводником для женщин и детей, которых сопровождали наиболее сильные воины, несшие всю основную поклажу. За ними следовали старейшины, многие из которых, несмотря на преклонный возраст, при необходимости могли, как Крори, постоять за себя. Наконец, последними покидали стойбище остальные воины во главе с вождем. В их задачу входило следить за тем, чтобы враг не подобрался с тыла.

Сегодня Зорк поступил по-своему и возглавил отряд лазутчиков. Это было его право, и никто не стал ему перечить, даже Савдаким, понимавший, что опасность похода, как всегда, сплачивает людей вокруг того, кто их ведет, пусть и навстречу неизвестности. А тем более когда они идут той самой тропой,

которой должны были следовать накануне к месту встречи с Олди и Лопи.

Пробивавшиеся сквозь густую листву лучи солнца обещали горячий день. В тени Леса было пока что прохладно, однако после полудня кроны деревьев будут уже не столько защищать путников от солнца, сколько задерживать жаркий воздух, поднимающийся от земли.

Кепт держался все время поблизости от вождя, и у Зорка возникло ощущение, будто помощник не то опекает его, не то следит за ним. Собственно, отряд лазутчиков и состоял из четверых братьев. Все четверо — худые, жилистые, похожие друг на друга разве что длинными рыжими косами, хмурые и немногословные. Кепт был старшим. Остальные слушались его беспрекословно, хотя никто в клане не помнил, чтобы он когда-нибудь повышал на них голос или отчитывал за проступки. Правда, жить они предпочитали несколько особняком от остальных, так что едва ли кто знал наверняка, какие они заводят между собой разговоры, когда рядом нет посторонних. Вероятно, причиной подобной обособленности было то, что они не принадлежали собственно клану. Раньше, еще до начала изнурительных войн с илюли, в кланы могли входить только кровные родственники. Впоследствии, когда под градом вражеских стрел обитатели Леса стали гибнуть целыми стойбищами, чтобы выжить, кланам пришлось объединяться. Клан, потерявший вождя, вынужден был принимать условия жизни новых «родственников». Таким образом, сегодня в клане могли собираться представители двух, трех, а то и более семей, и единственным определяющим символом оставался сам вождь и его род.

Размышляя на эту тему, Зорк подумал, не захочет ли Гел, чтобы Фраки примкнули к Тикали при условии полного объединения. Основания для этого имелись: Тикали были одним из немногих кланов, численность которых в последнее время только росла за счет притока новых союзников. Числом Тикали превосходили Фраки во много раз. Сила порождает силу: громя илюли, они без зазрения совести забирали оружие врага и постепенно превращались в могучую армию. Знакомство с Гелом и их предстоящая встреча должны были вселять в Зорка чувство гордости. Любой другой вождь счел бы за честь присоединиться к сильнейшему. Зорк думал об этой вынужденной мере с отвращением. Он готов был воспользоваться помощью Гела, если тот все же решит ее предоставить, но потом… Нет, у него на этот счет были свои планы. Мальчишка Гел их даже не поймет. Он всего лишь сын своего отца, получивший власть над кланом по

праву наследия, а вовсе не по заслугам, потом и кровью. А то, что добыто без боя, труднее сохранить, чем потерять. Когда произойдет то, что задумал Зорк, все поймут, кто должен стоять во главе объединенных кланов.

— Впереди, — положил ему руку на плечо Кепт.

Разведчики застыли на месте, присев на корточки и вглядываясь вперед.

— Движение, — уточнил младший из братьев, хотя Зорк уже и сам заметил присутствие постороннего шагах в двадцати от себя, за густыми кустами орешника. — Я — назад. — И он, не дожидаясь одобрения Кепта, бесшумно лег в траву и пополз обратно: предупреждать остальных о возможной опасности.

Обмениваясь условными сигналами, оставшиеся лазутчики стали медленно растягиваться в линию. Зорк оказался с левого края. Поглядывая на братьев, он на какое-то мгновение выпустил из поля зрения кусты, а когда вновь поискал мелькнувшую за пышной зеленью тень, чуть не вскрикнул от изумления.

Нагло, не прячась, напротив, будто специально выставляя себя напоказ и бравируя своей открытостью, из кустов прямо им навстречу выехал на гарцующем коне странного вида всадник.

Собранные в две косы длинные волосы черными змеями спускались по плечам на широкую грудь. Грудь эта, кроме обычной для обитателей Леса меховой безрукавки, была прикрыта чешуйчатым панцирем, составленным из тонких металлических пластин, тоже выкрашенных в черный цвет. Мускулистые руки, свидетельствовавшие о недюжинной силе, пересекали черные линии боевой раскраски, которой больше не пользовались в здешних местах и язык которой был позабыт еще предками Фраки. В правой руке всадник сжимал короткий топор, удобный как для ближнего боя в условиях Леса, так и для метания. Левую кисть закрывала странного вида металлическая рукавица, тоже черпая, словно поглощающая солнечный свет. Загорелые ноги всадника оставались голыми, если не считать кожаных наколенников да туго перетянутых жилами коротких кожаных сапог, пятками которых он успокаивающе постукивал в крутые бока своего каурого жеребца. Из-за спины выглядывал необычным образом изогнутый лук со снятой как будто за ненадобностью тетивой, и красные крылышки оперения стрел. Голову незнакомца венчала совершенно неуместная широкополая соломенная шляпа, подвязанная под подбородком двумя — опять же черными — тесемками. Устремленный из-под нее на лазутчиков взгляд был спокоен и холоден, как если бы на их месте сейчас сидела семейка лесных кроликов, а не вооруженные до зубов воины с натянутыми луками.

Не будь коня, делавшего его похожим на неприспособленных к лесной жизни илюли, и черных волос, по одежде и вооружению незнакомца можно было бы принять за представителя одного из дальних кланов обитателей Леса, о существовании которых Фраки знали только понаслышке. Но какой обитатель Леса окажется настолько глуп, чтобы в полном вооружении взбираться на лошадь да еще напяливать на голову дурацкую соломенную шляпу? Ветки коварны, а между деревьями можно пробираться быстро только пешком, пригибаясь то и дело к земле и уж конечно не восседая в полный рост на спине неповоротливого животного.

Видя, что незнакомец не спешит нападать первым, Зорк окликнул его на кен'шо — этот язык в той или иной степени понимали все обитатели Леса, хоть ни один клан и не использовал в повседневной жизни: все предпочитали говорить на его многочисленных диалектах, иногда совершенно не схожих друг с другом:

— Черра са дан?[7]

— Дан имма чер?[8] — не меняя вызывающей позы, ответил всадник хрипловатым, будто простуженным голосом и натянул поводья, заставив коня запрокинуть оскаленную морду.

Зорк невольно покосился на своих спутников. Все трое не ослабляли натяжения луков, готовые в любой момент отпустить тетиву. Незнакомец вел себя слишком нагло, чтобы это сошло ему с рук. Первым вопрос задали они, их было больше, и, по правилам Лева, ему надлежало ответить, прежде чем спрашивать самому. Поступать иначе считалось оскорблением — поступком, за который следовало отвечать по всей строгости лесной жизни. Или, может быть, за его спиной в орешнике прячется невидимый отряд таких же сумасшедших всадников?

— Анза ме ира гинч![9] — громко, чтобы все слышали, приказал Зорк, следя за топором незнакомца. Ему совершенно не хотелось распрощаться с жизнью раньше, чем сбудутся его дерзкие мечты.

— Тра,[10] — качнулась соломенная шляпа, и всадник упредительно поднял руку в железной перчатке.

Зорку ничего не оставалось, как исполнить угрозу. В противном случае спутники имели полное право уличить его в трусости. Простой воин еще мог бы взять свои слова обратно, но вождь клана — никогда.

Зорка опередил Кент. Тетива его могучего лука одиноко задрожала, послав стрелу точно в цель. С такого расстояния не промахнулся бы даже ребенок. Однако незнакомец лишь покачнулся на потертой кожаной попоне, служившей ему седлом,

и снова выпрямился. Ледяное выражение его глаз не изменилось, когда он вытянул вперед левую руку и показал опешившим воинам стрелу, зажатую в рукавице. В следующее мгновение он легко переломил ее пополам и брезгливо отшвырнул в сторону.

Но это было еще не все.

Рядом с Зорком послышался сдавленный хрип, и все увидели, что Кепт медленно заваливается на спину, силясь обеими руками вытащить из горла неизвестно как и когда пронзивший его кинжал с черной рукояткой.

Три стрелы одновременно вылетели из луков и устремились в одну точку. Их встретила пустота. Всадник пропал. Словно растворился в сгущающемся влажном воздухе, и только топот удаляющихся копыт свидетельствовал о том, что это был не призрак.

— В погоню! — крикнул Зорк и крепко выругался, потому что оба брата, не слушая его, склонились над умирающим Кептом и пытались дрожащими пальцами извлечь смертоносный кинжал.

Махнув на них рукой, Зорк бросился следом за затихающим топотом. Не помня себя от ярости, он пробежал несколько сотен шагов, когда осознал, что в Лесу снова стоит тишина. Таинственный воин, покрывший его, вождя Фраки, несмываемым позором, улизнул от возмездия и теперь, вероятно, отсиживался где-нибудь в овраге или под прикрытием кустов и посмеивался, радуясь своему нечеловеческому проворству.

Обратно он брел понуро, зная, что предстоит нелицеприятный разговор с соплеменниками. Однако то, что он увидел, вернувшись к месту встречи с черным всадником, заставило его остолбенеть и потерять дар речи.

Незнакомец, тот же самый, в соломенной шляпе, только уже без коня, как ни в чем не бывало стоял над поверженными телами Кепта и его братьев и вытирал о неподвижное плечо одного из них окровавленное лезвие топора. Появление Зорка он встретил ухмылкой, не предвещавшей ничего хорошего. Только сейчас Зорк заметил, что глаза у воина — две узкие щелки, хитрые и раскосые, каких ему не приходилось видеть ни у илюли, ни у обитателей Леса.

Он представил себе, как сейчас повернется и обратится в трусливое бегство. В незнакомце чувствовалась страшная сила и решимость, а то, что он сумел только что проделать с тремя лучшими воинами Фраки, доказывало его бесспорное превосходство над любым из них в отдельности. Зорк уже понял, что, как мальчишка, попался на простенькую уловку: соскочив с коня и позволив тому ускакать сквозь чащу налегке, увлекая за собой незадачливого преследователя, незнакомец ловко

расправился с потерявшими бдительность противниками и теперь был готов покончить с последним свидетелем своего жестокого мастерства.

Зорк чуть не упал на колени, готовый позорно молить о пощаде, но вовремя осознал, что любое унижение сейчас будет напрасно: настоящему воину легче взмахнуть лишний раз топором, чем утруждать себя судом над безвольной жертвой.

— Ком ви номана?[11] — долетел до его слуха неожиданный вопрос, и Зорк заметил, что незнакомец поменял позу: теперь топор чуть ли не миролюбиво лежал у него на плече, а рука в железной перчатке покоилась на поясе.

— Чим, — зачем-то смалодушничал Зорк.

— Передай вождю этого клана, Чим, — продолжал незнакомец на кен'шо, и в речи его теперь слышался явный акцент, несвойственный обитателям Леса, — что его люди погибли в схватке, как подобает всем тем, кто поднимет оружие на Токи Сину, прозванного в здешних землях Незваным Гостем С Края Мира. Я не питал и не питаю к ним никаких чувств и сожалею только о том, что вы позволяете вашему оружию говорить раньше вас. Надеюсь, когда наши пути пересекутся вновь, ты либо станешь умнее, чем они, либо вообще не увидишь меня, потому что потеряешь последний глаз. А теперь ступай прочь и даже не думай о том, чтобы пустить остальных по моему следу. Всякого, кто отважится на это, ждет мой топор. Иди!

Когда через некоторое время Зорк столкнулся с двигавшимся ему навстречу подкреплением во главе с единственным уцелевшим из четверых братьев, его била совсем не наигранная дрожь, а ноги подкашивались от слабости. Ему не составило особого труда убедительно рассказать соплеменникам душераздирающую историю о том, как на них из укрытия напали подлые враги, вероятно, илюли. И как Кепт и остальные приняли героическую смерть под роем вражеских стрел, а самому ему удалось скрыться, чтобы предупредить остальных Фраки о необходимости затаиться на время и изготовиться к обороне. Не мог же он позволить своим людям собственными глазами увидеть место воображаемой битвы и раны на трупах, нанесенные в рукопашном бою одним и тем же оружием, равно как и колчаны, по-прежнему полные неиспользованных стрел…

Смеркалось, когда Зорк, оставив весь клан на должном отдалении, поднялся на Холм и подошел к раскидистому Дубу.

Гел ждал его, сидя на земле и затачивая кривой кинжал. Зорку показалось, что он читает в устремленном на себя взгляде вождя Тикали затаенную усмешку, как будто тот уже знал о постигшем его позоре. Однако в голосе Гела, когда он встал и

протянул Зорку руку ладонью вверх, не прозвучало ничего, кроме искреннего радушия:

— Надеюсь, вождь, я правильно истолковал твое послание, и мы здесь для того, чтобы объединиться против общего врага.

— Давно меня ждешь, вождь? — в тон ему ответил Зорк, вкладывая в его ладонь свою.

— С полудня. Но мой отец ждал этого всю жизнь.

Они обнялись, и Зорк, сдерживая слезы, почувствовал, как вместе с ними из глубин его естества с новой силой рвется наружу загнанная туда животным страхом ненависть. К оставленным у подножия Холма соплеменникам, посмевшим заподозрить его в предательстве, к путешествующему где-то по Лесу всаднику в соломенной шляпе, надругавшемуся над его честью воина и вождя. К Гелу, крепко сжимавшему его в объятиях и наивно полагавшему, будто кровные узы сильнее жажды единоличной власти.

— Я тоже ждал этой встречи, — сказал он, отстраняясь и поспешно отворачиваясь в сторону заходящего солнца, чтобы собеседник не увидел его перекошенного лица с дергающейся верхней губой. — А теперь садись и выслушай мой план…

Когда он закончил говорить, наступила тишина, прерываемая разве что пением невидимых пичуг в кроне Дуба. Где-то внизу, под Холмом, оба клана терпеливо ждали их решения. Неотвратимо наступала ночь.

— Я согласен, — ответил наконец Гел, и у Зорка отлегло от сердца.

Он нисколько не сомневался, что его замысел произведет должное впечатление, а рассказ о том, как он изобрел способ изготовить огненные стрелы, повергнет неискушенного слушателя в трепет, однако все это было лишь прологом в главном для Зорка вопросе — кто будет руководить штурмом Дома илюли? И уж тем более — кто станет вождем объединенных кланов? Оставлять это решение до того момента, когда будет одержана победа, не имело смысла: Тикали во много крат превосходили численностью Фраки, и таким образом главенство само собой перешло бы к Гелу. Другое дело, когда решение остается не за кланом, а за вождем. Что и произошло благодаря удачно выбранному времени разговора и тону, которым Зорк «снизошел» до посвящения племянника в свои планы.

Они вместе спустились с Холма и разошлись по кланам, договорившись сразу же приступить к подготовке решительной атаки на илюли. Женщины, дети и старики должны были оставаться под прикрытием не более нош, то есть десятка воинов. Остальные немедленно отправлялись в путь, чтобы к полуночи

добраться до стен Дома, где накануне сложили рыжие головы их товарищи. Только бы удалось под прикрытием ночи незаметно окружить всю постройку и до последнего момента прятать в ведрах горящие угли.

Относительно углей, масла и стрел Зорк и Гел условились хранить молчание. Зорк взял эту часть предприятия полностью на себя. Чим с радостью помогал отцу готовить для углей специальные ведра. Точнее, это были глиняные горшки с толстыми стенками, не пропускавшие ни света, ни тепла. Правда, стоило Чиму накрыть их плотными крышками, как угли в них погасли, и их пришлось высыпать обратно в костер. Наблюдавший за его неудачными попытками Крори поманил паренька к себе и что-то шепнул ему на ухо. Вернувшись к отцу, Чим сообщил, что, по мнению Крори, в крышках нужно сперва проделать дырки, чтобы угли могли «дышать». Зорк пренебрежительно фыркнул, однако внял совету и скоро убедился, что старейшины тоже могут быть полезны: угольки мерцали сквозь дырки и не гасли.

Поручив сыну дырявить остальные крышки, Зорк отправился проверять, каковы успехи у Малика, младшего, а теперь единственного из братьев Кепта.

Малик сидел в одиночестве и остервенело скручивал из размоченных листьев флакса нечто похожее на веревки. Ему помогала Кора, его молоденькая жена, больше похожая на младшую сестру или даже ребенка, чем на женщину, которой самой скоро предстояло рожать. Она брала конец получавшейся веревки и туго завязывала его в несколько оборотов вокруг наконечника стрелы. Сложность заключалась в том, чтобы в результате стрела не стала чересчур тяжелой, а узлы не мешали правильности полета. На земле перед Корой уже лежало никак не меньше эку-нош стрел.

Зорк посидел у их костра, подбадривая и давая необходимые советы, и двинулся дальше.

Специальная группа из нескольких наиболее доверенных воинов сторожила ведра с маслом. Зорк собственноручно приподнял каждую крышку и убедился, что драгоценная жидкость не выдыхается и лишь немного густеет. Последнее было только на руку.

Гел ждал Зорка в своей палатке, сотканной из шкур и ставившейся прямо на земле (Тикали относились к тем немногим обитателям Леса, которые не жаловали деревья и предпочитали ощущать под собой твердую почву).

Твои люди готовы? — с порога поинтересовался Зорк, нагибаясь, чтобы не задеть низкий потолок, и подходя к горячим камням, разложенным вокруг бездымного костра.

— Мы будем готовы тогда же, когда и вы, — поднял на него усталый взгляд Гел и потер руки. — Садись. Выпей с нами. — Он сделал знак одной из находившихся рядом девушек, и та поспешно протянула гостю пахучую чашу. Зорк согласно кивнул и с охотой пригубил горячий напиток. Отвар из диких лесных трав прогонял сонливость и приятно пьянил.

— Давай еще раз договоримся, как действовать, Гел. Потом будет поздно. У меня гораздо меньше воинов, и каждый из них уже знает, что и когда ему делать. Ты говорил со своими?

Вместо ответа Гел издал негромкий условный свист, похожий на свист сойки. В палатку, согнувшись чуть ли не пополам, вошли четверо. Судя по сосредоточенным лицам, изрезанным шрамами, и тяжелому вооружению, это были военачальники. Гел велел им по очереди ответить на вопросы Зорка. Военачальники говорили коротко и ясно: незаметно подкрасться к стенам Дома илюли на полполета стрелы, вытянуться в цепь, постаравшись замкнуть ее в кольцо, занять наиболее выгодные положения на соседних деревьях и ждать сигнала. Сигналом будет «огонь», хотя никто из них точно не знал, что под этим подразумевается. После сигнала все открывали прицельную стрельбу по защитникам Дома. Стрельба велась до последней стрелы. После этого все брались за топоры, ножи и дубинки и бросались в рукопашную.

— Если к тому времени останется, с кем сражаться, — заметил один из военачальников и усмехнулся в бороду.

— Важно, чтобы было кому сражаться, — одобрительно кивнул Зорк, довольный всеобщей осведомленностью. — У тебя хорошие люди, Гел, — добавил он, когда воины покинули палатку. — Похоже, они знают свое дело и не подведут.

— Хотел бы я, чтобы и твои стрелки нас не подвели.

— За это можешь не беспокоиться. — Зорку стало даже обидно. — Их мало, но они помнят то время, когда их было гораздо больше, и знают, почему наши ряды поредели. Если бы твои воины ненавидели илюли так, как ненавидят их Фраки, не думаю, что нам пришлось бы сегодня готовиться к штурму: твои лучники давно опустошили бы все их дома. Ну а пока я жду от тебя и твоих людей обещанного подчинения моим приказам.

— Я уже дал тебе слово. — Гел встал. — Выступаем?

— Да, пора. — Зорк пожал ему руку. — И да помогут нам души наших павших отцов и братьев!

Оба стойбища пришли в движение. Женщины с детьми сходились в центре воображаемого круга у подножия Холма, убеленные сединами старцы, сжимая тяжелые посохи, неспешно располагались вокруг них, и, наконец, молодые, полные сил воины рассредоточивались между ними, недоумевая, почему

сегодня начальники не захотели послать их в бой. Небольшая часть воинов поднялась на Холм, чтобы оттуда следить за предстоящим сражением. Расходившийся во все стороны Лес был тих и черен, однако противоречивые слухи о «неугасимом огне» давали остававшимся при стойбищах повод надеяться, что хотя бы отсветы битвы их не минуют.

Между тем живая река молчаливых, хотя и ликующих в душе воинов медленно потекла сквозь ночную чащу, прочь от Холма, в сторону безмятежно спящей заставы илюли. Зорк и Гел шли впереди, как подобало вождям не обремененного скарбом войска. Они тихо переговаривались, в последний раз согласуя свои дальнейшие действия. Оба надеялись, что недавний разгром сразу двух кланов притупит бдительность защитников Дома, и появление среди ночи нового противника застигнет их врасплох. Зорк про себя посмеивался, слушая рассуждения Гела о том, что, когда кончатся стрелы, его воины будут сражаться до последнего вздоха и не отступят, пока не перебьют всех илюли либо не погибнут сами, но только внутри вражеских стен. Подобные настроения были Зорку хорошо знакомы. Вступив в бой, обитатели Леса, как правило, считали ниже своего достоинства обращаться в бегство даже перед лицом неотвратимого поражения. Слова Гела красноречиво свидетельствовали о том, что он не до конца верит в успех замысла Зорка. Интересно, что он запоет, когда увидит собственными глазами, как вражеские укрепления превращаются в пепел, а их некогда храбрые защитники в панике бегут навстречу верной гибели? Оценит ли он предложенную Зорком возможность уничтожить врага, самому оставаясь в безопасной недосягаемости?

— Только не забудь, Гел, что твои лучники не стреляют до моего сигнала. Важно, чтобы пламя как следует занялось, а потом можно будет и позабавиться в свое удовольствие. Едва ли у илюли хватит воды, чтобы залить пожар. Для начала пусть убивают только тех, кто попытается сбить огонь.

— Соответствующие приказы уже отданы. Ты сам видел моих военачальников. Они никогда не говорят дважды. Все будет так, как мы решили, Зорк.

Уверенность обоих вождей поколебалась, лишь когда Лес внезапно кончился и они оказались на краю широкой просеки, отделявшей их от высоких стен долгожданного Дома. Стены, увешанные гирляндами фонарей, окружал глубокий ров. За стенами то тут, то там прохаживались тени часовых. Далекая деревянная башня, на бревнах которой плясали отсветы разведенных у ее подножия костров, казалась вообще недосягаемой.

Сглотнув предательский комок отчаяния, Зорк переглянулся с Гелом. Тот оставался внешне холодным и решительным. «Весь в отца», — подумал Зорк, отступая обратно в чащу и собирая вокруг себя своих людей. Чим слушал его так внимательно, будто слышал впервые.

— Разбивайтесь эку-ка, по трое. Один охраняет угли. Проверьте, у всех ли они по-прежнему горят. Так, хорошо. Второй отвечает за ведро. Если прольете хоть одну каплю впустую, ответите головой перед всем кланом, обещаю. Третий несет стрелы. Проверьте, чтобы пакля была прикручена туго и не отвязалась в полете. Сейчас, когда Тикали возьмут весь Дом в кольцо, ваше дело разбиться на герч, пять групп и выбрать цели для первого выстрела. Три группы должны находиться в пределах полета стрелы вон от той башни, а оставшиеся две — вблизи вон тех главных ворот. Повторяю: заняв исходное положение, все трое достают луки, берут по стреле, сначала макают наконечники в ведра, потом поджигают паклю от углей и ждут моего сигнала. Первый выстрел все делают в стены. Если стены загорятся, считайте, что нам повезло. Второй выстрел поэтому — тоже в стены. До тех пор илюли не должны догадываться о том, что происходит. Когда они увидят огонь и поймут, что их атакуют, начинайте стрелять в башню. Те, кто будет ближе к воротам, — в ворота. Говорите находящимся рядом с вами Тикали, чтобы ждали моего сигнала и не тратили стрелы зря. Пусть стреляют только в тех, кто появится на стенах с ведрами воды. И помните — сегодня победит не доблесть, а терпение и меткость. Как ваш вождь, я хочу, чтобы вы все вернулись к своим очагам.

Воины ответили ему довольным гулом.

Чим остался с отцом. Он отвечал за стрелы. Зорк никому не доверял драгоценное ведро. Горшок с углями нес хранящий сосредоточенное молчание Малик. На всем пути вдоль опушки Леса они видели спрятавшихся в кустах лучников Тикали. Те по очереди оглядывались на них и провожали недоверчивыми взглядами. С Гелом, занявшим место прямо напротив ворот с негостеприимно поднятым мостом, Зорк обменялся быстрым рукопожатием. Он физически ощущал, как напряжены нервы у всех воинов. И переполнялся гордостью, сознавая свою ответственность за сегодняшнюю победу, и радовался от ее предвкушения. О противнике, скрытом за неприступными стенами, он не думал. О нем достаточно будет вспомнить тогда, когда стены обратятся в никчемный пепел. Скорее бы.

Наконец он дотронулся до плеча Чима, приказывая остановиться. Малик открыл крышку горшка и на всякий случай подул на угли. В темноте его лицо озарилось оранжевым жаром.

Зорк поставил ведро рядом с горшком и выхватил из рук сына несколько стрел. Накануне он втайне от всех испытал новое оружие и убедился в его действенности, однако сейчас ему не терпелось приступить к исполнению своего страшного замысла. Чим смотрел, как отец макает конец стрелы в ведро, поднимает, дает каплям упасть обратно, осторожно, чтобы не залить угли, опускает острие в горшок и вынимает обратно грозно потрескивающий факел. Спохватившись, он поспешил проделать то же самое и уступил место Малику. Все трое приложили огненные стрелы к тетивам и натянули луки.

Зорк с улыбкой набрал воздух в легкие и протяжно завыл. Илюли, конечно, услышат этот вой, но, скорее всего, поначалу примут его за волчий. Зато для Тикали, а тем более для Фраки он означал конец дороги войны и начало пляски смерти.

Со всех сторон просеки из-за деревьев один за другим стали вылетать огненные светлячки и с тихим стуком вонзаться в беззащитные бревна. За первым залпом последовал второй. Некоторые стрелы сразу погасли. Зато другие разгорались, и пламя медленно, но верно переползало с них на толстые стены. Начинался пожар.

Стряхивая капли с третьей стрелы, Зорк поймал на себе восторженный взгляд сына.

— Теперь целься в башню, — нарочито спокойно сказал он, опуская наконечник в разгоревшиеся угли. — Пусть этот погребальный костер запылает в честь наших погибших братьев.

Натягивая лук, Зорк подумал о Нодже и его дочери Сане. Они пали в бою, потому что всецело полагались на бесстрашие и красоту. Они были по-своему правы. Но где они теперь? Хитрость и ненависть — вот что будет отныне определять судьбу обитателей Леса. Его Леса.

Стрела взмыла сквозь ветви застывших в ужасе деревьев и понеслась в шлейфе огня навстречу деревянному боку башни.

Сколько впоследствии Хейзит ни вспоминал ту страшную ночь, он не мог понять, что именно заставило его нагнуться.

Скорее всего, очередная шутка стражника, имени которого он так и не узнал. Все стражники праздновали победу, были в хорошем расположении духа и сыпали всякими сальностями напропалую, вовсе не собираясь ложиться спать. Хейзит тоже не спешил желать им счастливых сновидений, поскольку впервые почувствовал себя принятым в компанию этих отчаянных молодцов, которые до сих пор видели в нем лишь мальчишку-подмастерье, неизвестно кем и за какие заслуги направленного к ним на заставу. То, что он сносно знал строительное дело и уже

успел кое-где внести необходимые улучшения в оборонительные редуты, мало о чем им говорило. Они верили разве что в силу своих клинков да меткость стрел, а улучшать стены и башни, полагали они, можно до бесконечности. Вот если бы он добился того, чтобы их деревянные укрепления заменили на каменные! Тогда бы ему цены не было. Но разве Ракли пойдет на то, чтобы поставить где-то в лесу подобие его родового замка? Да ни за что на свете! Однако сегодня, как и накануне, всех обитателей этой уединенной заставы переполняло благодушие, и Хейзиту по случаю всеобщего веселья даже налили крепкой горчичной настойки, от которой горело горло и приятно кружилась голова.

Итак, в очередной раз Хейзит схватился за живот и согнулся от хохота, а когда выпрямился, то чуть не спалил волосы на голове: в стене торчала невесть откуда залетевшая стрела. И эта стрела горела.

Решив, что это продолжение шутки, Хейзит оторопело покосился на собеседников, но те уже даже не улыбались. А тем временем в окна их комнаты под самой крышей башни со свистом и завыванием влетали новые стрелы — и горящие, от которых в мгновение ока вспыхивали сухие шкуры, обтягивавшие стены, и обычные, без разбору впивающиеся во все наконечниками, не только железными, но и примитивными, каменными.

— Шеважа! — донесся откуда-то снизу душераздирающий крик, и в комнате все полетело вверх тормашками.

Стражники вскочили в поисках разбросанного в беспорядке оружия. Двое сразу же рухнули на пол, прошитые стрелами. Еще одному огненная стрела угодила точно в глаз, и он катался по полу, обжигая руки и пытаясь ее вырвать.

Хейзит ошалело посмотрел на стену над головой. Стена занималась пламенем. Сгоревшие шкуры падали на него из-под потолка и рассыпались в пепел.

Не вставая с четверенек, Хейзит бросился к лестнице. Кто-то толкал его сзади, норовя обогнать, кто-то выскакивал на улицу и пытался отстреливаться, кого-то разобрал сумасшедший хохот, и он катался в углу пылающей комнаты, не то смеясь, не то рыдая. И никто, ни один из воинов не боролся с огнем. Башня была обречена.

Страшное подозрение Хейзита подтвердилось на следующем этаже, куда он скатился по лестнице кубарем, так как с ходу обжег руку о горящие перила. Здесь тоже хозяйничал огонь.

Хейзит устремился по ступеням вниз и услышал, как лестница за его спиной громко треснула. Его обдало облаком горящих щепок. Оставшиеся наверху оказались отрезаны и были обречены, как и сам донжон.

На нижних уровнях огня не было, если не считать падающих сверху головешек, но зато здесь царило не менее пугающее запустение: весь гарнизон донжона, едва услышав тревожные крики со стен и осознав, что происходит, высыпал на улицу. Почувствовав наконец под ногами твердую землю, усыпанную уже тлеющими кое-где опилками, Хейзит, не задумываясь, последовал всеобщему примеру и выскочил наружу.

Справа и слева, спереди и сзади — отовсюду летели смертоносные стрелы. Казалось, ни им, ни посылавшему их противнику нет числа. Хейзит нерешительно попятился было обратно, в укрытие донжона, но за спиной его уже падали не отдельные головешки, а целые пылающие балки. Башня грозила вот-вот рухнуть.

Заставив себя снова выйти на открытое пространство и прикрываясь двумя подобранными тут же, при входе, длинными щитами арбалетчиков, Хейзит устремился вниз по помосту к внутренним воротам.

Краем глаза он с отчаянием замечал, что стены во многих местах тоже объяты пламенем. Самое страшное, о чем только в ночном кошмаре могли подумать защитники лесных застав, свершилось: шеважа научились управлять огнем. Отныне их нельзя будет остановить ни высоким частоколом, ни глубокими рвами, ни вырубкой просек. Сквозь охватившую его панику Хейзит понимал главное — он видит начало конца.

Наиболее храбрые из эльгяр пытались отстреливаться, прячась на рантах, однако в воцарившемся хаосе они едва ли метили наверняка. Град летящих во все стороны стрел, и обычных, и огненных, не иссякал. Стрелы сеяли смерть среди вабонов, не имеющих даже возможности защититься, кроме как внутри ставших совершенно никчемными домов и хозяйственных построек, которые с удивительной легкостью вспыхивали и выгоняли своих недавних хозяев обратно, навстречу верной гибели.

Нигде не находя ни спасения, ни врага, воины озверели от бессильного бешенства.

Хейзит увидел впереди себя фигуру воина, в котором по зеленой повязке на окровавленной голове узнал Граки, предводителя заставы. После недавнего нападения шеважа многие думали, что Граки погиб, и уже строили планы относительно нового распределения власти, проча на его место кто сына Ракли — Локлана, кто — хитрого командира лазутчиков Гейвена, кто — могучего Фокдана, однако в последний момент Граки объявился жив и здоров и снова взял бразды правления на заставе в свои железные руки. Первым делом он отослал юного

Локлана восвояси, к отцу, под предлогом, что надо в целости и сохранности доставить в замок чудом найденные в Пограничье доспехи легендарного Дули. Вместе с Локланом ушел и странный человек по имени Вил, эти доспехи нашедший. Хейзит с интересом присутствовал на допросах этого чужеземца, говорившего на языке вабонов так, что его с трудом можно было понять. Граки удивил всех еще и тем, что отпустил вместе с ними единственную уцелевшую после штурма пленницу — рыжеволосую девицу с простреленной ногой. Хейзит готов был признать, что в душе вовсе не желал ей смерти от руки палача, однако злые языки утверждали, что подобное происходит с Граки впервые. Сам Хейзит считал глупым убивать пленников только потому, что они враги. Привыкший больше думать, чем говорить, и оттого производивший впечатление тихони-школяра, Хейзит, если бы мог, оставлял бы в живых всех пленных шеважа, но поступал бы с ними по-своему: сперва как следует изучил бы их смешной язык, порасспросил о жизни в лесу, а потом часть, наверное, и вовсе отпустил бы на свободу, чтобы бывшие пленники разнесли по Пограничью молву о великодушии вабонов. Быть может, тогда схватки с шеважа стали бы не таким частым явлением, как рассказывали бывалые воины.

Словно почувствовав на себе взгляд, Граки резко оглянулся. Увидев Хейзита, он скривил губы в дикой усмешке и, разведя руками в стороны, крикнул:

— Вот, смотри, как убивают верных защитников Торлона! Где же твои камни, парень? — с горечью добавил он и уронил руки.

Хейзит вспомнил, как с самого первого дня своего пребывания здесь убеждал новых товарищей, что мудрый Ракли внемлет его просьбам и разрешит начать строительство каменных укреплений. И вот чем обернулись промедление и нерешительность.

— Я хотел…

Он не договорил, потому что в левый щит со стуком впились сразу две стрелы.

— Здесь вас убьют! — воскликнул Хейзит, машинально пригибаясь и прячась между щитами. — Бегите за мной! Я знаю, как спастись. Мы еще можем успеть!

Граки хотел было что-то ему ответить, скорее всего, что-то грубое и нелицеприятное, судя по насмешливому выражению испачканного кровью и грязью лица, но третья стрела засела у него в ухе, и все было кончено раньше, чем окаменевшее тело упало в пустоту с деревянного помоста.

Хейзит наивно полагал, что привык к виду трупов. После недавнего удачно отбитого штурма он по всей территории

заставы собирал останки вабонов и шеважа и насмотрелся, казалось, самых невообразимых ликов смерти: расколотые пополам черепа, перерубленные шеи, вспоротые животы, людиежи, ощетинившиеся десятками пронзивших их стрел, и кровь, лужи крови. И все-таки то, что происходило на его глазах сейчас, это побоище, в котором не было противников, а были только беспомощные жертвы, тщетно пытавшиеся отыскать хоть какое-нибудь укрытие, заставило его содрогнуться от страха перед собственным бессилием и неизбежностью гибели.

Стараясь не обращать внимания на тяжелеющие от все новых стрел щиты, Хейзит из последних сил бросился через внутренние ворота туда, где, как он рассчитывал, оставался единственный путь к спасению. При этом он чувствовал себя последним предателем. Далеко не все эльгяр знали о существовании подземного хода, который начинался в одном из амбаров, а заканчивался далеко за пределами заставы. Но Хейзит в свои двадцать зим стал подмастерьем строителя и был знаком со многими хитростями возведения укреплений. Да, предводители на заставах не обязаны были рассказывать своим подчиненным о возможности спастись бегством, в их задачи входило поддержание боевого духа воинов, однако в случаях крайней необходимости им разрешалось воспользоваться подземным ходом и увести с собой остатки гибнущего гарнизона. Разумеется, если на то было время. Сам Хейзит не слышал ни об одном подобном случае. Вабоны сражались до конца и почти всегда одерживали победы. До сих пор шеважа если и побеждали, то числом, а не хитростью, против которой у растерянных защитников, как выяснилось, не было иных средств, кроме храбрости и отчаяния.

Хейзит провел на заставе недостаточно времени, чтобы знать по именам всех ее защитников. Тех троих, что увязались за ним сейчас, он видел несколько раз среди арбалетчиков донжона.

Вероятно, они каким-то образом услышали их разговор с Граки, потому что один все не унимался:

— Куда, куда ты идешь? Где мы можем спастись? Ты уверен? Нас наверняка убьют! Скажи, куда мы идем!

Остальные двое молча бежали следом, прикрываясь, как и Хейзит, щитами с обеих сторон. Одному из них стрела угодила в ногу, но он будто не чувствовал боли, твердо решив выжить любой ценой. Третий был слишком толст и высок, чтобы укрыться за круглыми щитами, больше смахивавшими в его случае на налокотники. Его безмерный живот колыхался под короткой кольчугой, щеки и шея лоснились от пота, но он только морщился, слыша шорох пролетающих мимо стрел, и даже не

пригибался, словно сознавая всю тщетность попыток увернуться от них.

Путь от ворот до заветного амбара показался Хейзиту бесконечным. Амбар был на месте, однако крыша его в двух местах уже занялась и грозила в скором времени рухнуть на голову любого, кто осмелится войти внутрь.

— Нет, я не пойду туда! — взревел паникер. — Уж лучше пусть меня убьют здесь, чем я сгорю заживо.

Тем не менее он первый юркнул вслед за Хейзитом в задымленное помещение амбара и даже догадался упасть на четвереньки, чтобы дым не так сильно ел глаза.

Хейзит не сразу нашел то, что искал. По всей видимости, до них здесь уже побывал кто-то из эльгяр. Амбары нередко использовались как склад оружия. Ящики с провиантом были перевернуты, мешки с зерном вспороты, из опрокинутой бочки, как кровь, хлестало вино.

— Ищите подпол! — крикнул Хейзит, а сам бросился сдирать со стены потушенный факел.

Как странно, думал он, тыча факелом в дымящиеся балки крыши, горит все, кроме того, что должно гореть.

— Кажется, здесь, — закашлялся дымом раненный в ногу. Он лежал на полу и пытался просунуть руку под доски, придавленные пузатым бочонком. — Под ними пустота. Помогите же мне, тугодумы!

Паникер и толстяк дружно навалились на бочонок и откатили его в сторону. Под слоем соломы оказались не просто доски, а деревянная крышка люка. К счастью, никто не удосужился запереть ее на замок, и теперь беглецам не составило большого труда ее поднять.

На глазах потрясенного Хейзита крыша стала проседать.

Столб огня, обернувшийся бревном, саданул толстяка по затылку. Тот только крякнул и потер пятерней опаленные волосы.

— Сюда, быстрее! — донеслось уже из-под земли. — Я ничего не вижу! Я не ослеп? Огня, дайте огня!

— Тэвил! — выругался раненый. — Нужен огонь — лезь обратно! Откуда только такие болваны берутся…

Ему никто не ответил. Хейзит с горящим факелом в руке соскочил в приятную прохладу подпола и уперся в спину неизвестно как обогнавшего его толстяка. Тот, раскинув руки, ощупывал стены, словно до сих пор сомневался в возможности двигаться между ними и не застревать. Позади застонал приземлившийся на больную ногу раненый:

— Эй, впереди, пошевеливайтесь, а то у меня тут уже темечко дымится! — И добавил с невеселым смешком: — Надеюсь,

закрывать за собой дверь мы не будем? В такой костер ни один шеважа не сунется.

Все четверо тронулись вперед по широкому, по низкому проходу, выкопанному первыми строителями заставы прямо в земле. Путь шел под уклон, и Хейзит сообразил, что таким образом они в какой-то момент должны будут оказаться ниже рва. А значит, на самом деле ход прорыли относительно недавно, поскольку сначала на этом месте возводились постройки и оборонительная стена, а уж ров появился примерно тогда же, когда и просека, отделявшая стены от леса. Хейзит размышлял об этом непроизвольно, как будущий строитель, хотя, наверное, в действительности он просто избегал мучительных мыслей о творившейся вокруг катастрофе. Крахе всего того, во что он верил, что и ему, и его спутникам еще вчера представлялось незыблемым.

Движение сзади замерло. Хейзит поднял чадящий факел над головой и оглянулся. Раненый сидел, ссутулившись, у стены и сосредоточенно пытался вытащить из ноги стрелу.

— Эй, не останавливайтесь! — донеслось из темноты впереди. — Дайте света!

Оказывается, толстяк тоже остановился и насупленно наблюдал за происходящим.

— Да погоди ты, Мадлох! — буркнул он, по-прежнему упираясь в противоположные стены руками. — Негоже человека вот так бросать.

— Идите, я сам справлюсь, — чуть не со злостью прервал его раненый. — Стрелу подцепить угораздило, мне и выкручиваться. Ступайте, не ждите.

Не обращая ни на кого внимания, Хейзит присел возле него на корточки и внимательно осмотрел стрелу, что вызывающе торчала прямо из ноги. Она вошла в плоть немного выше щиколотки, да так глубоко, что наконечника не было даже видно. Обыкновенная деревянная стрела с продольными красными полосками, какие отчего-то любят делать шеважа.

— Как тебя зовут? — спросил он раненого.

— Фейли. — Тот морщился, упорно дергая обеими руками за древко и причиняя себе лишнюю боль. — Я вас догоню.

— Так ты ее не вынешь, Фейли.

— Выну.

— Нет. Ее нужно не вынимать, а вырезать. И радоваться, если стрела окажется не отравленной.

— Что ты в этом смыслишь?

— Думаешь, раз ты умеешь с арбалетом обращаться, а я — подмастерье, то ты про стрелы больше моего знаешь? У меня мать

еще не такие раны умеет выхаживать. Я видел, как она это делает. Нужно вырезать.

— Ножик дать? — поинтересовался толстяк.

— Нет, здесь мы только хуже можем сделать, — отмахнулся Хейзит. — Если грязь занесешь, потом всю ногу отрезать придется. Уж лучше потерпеть до замка.

— До замка я концы отдам, — закатил глаза Фейли. — Нет, идите, я ее как-нибудь все-таки выдерну.

— Не трогай! — повысил на него голос Хейзит, удивляясь собственной решимости помочь этому совершенно чужому человеку. — Хуже будет. Идти можешь?

— Да не знаю я! По земле вроде бы ничего шел, а тут эта гадина за стену цепляется, шагнуть не дает.

— Все понятно. — Хейзит с силой отвел дрожащую руку Фейли от стрелы. — Есть веревка или на худой конец тряпка подлиннее?

Тот отрицательно мотнул головой.

— Вот держи, — снова вмешался толстяк и протянул кожаный ремешок. Обрадовавшись такому подспорью, Хейзит не сразу сообразил, что это перемычка одного из щитов: силач просто взял и оторвал ее, как будто то была не кожа, а тонкая марля. — Еще дать?

— Должно хватить.

— Что вы тут затеяли, Исли? — В отсветах факела появилась недовольная физиономия.

— Да вот, стрелы вынимаем. Ты бы, Мадлох, пока суд да дело, сходил, проверил, все ли впереди чисто.

— Вот еще, буду я по подземельям один шататься! Без света никуда не пойду.

— Чем болтать языками, лучше нож дайте, — прервал приятелей Хейзит.

— Все-таки будешь резать? — обреченно вздохнул раненый.

— Нет. — Хейзит оценивающе взглянул на факел. — Вообще-то мог бы, но ты потом совсем идти не сможешь. Так что поступим проще. — Он крест-накрест туго перетянул кожаным ремнем щиколотку, осторожно подрезал древко и одним резким движением переломил стрелу. — Ну вот, теперь хотя бы о стены цепляться не будешь. Встать можешь?

Фейли попробовал. Бледное лицо его озарило подобие улыбки.

— Постараюсь до замка дотянуть. Видно, мать тебя и правда кое-чему научила. Ладно, пошли, чего уставились?

Исли посторонился, пропуская обоих вперед. Хейзит подставил Фейли плечо. Предложение было нехотя принято.

Мадлох не без удовольствия завладел факелом и теперь шел во главе маленького отряда, то и дело останавливаясь и недоверчиво оглядываясь. У Хейзита возникло подозрение, что они все трое, хотя и каждый по-своему, с такой неожиданной для себя готовностью взялись выручать нового товарища лишь затем, чтобы отвлечься от происходящего наверху. Счастье еще, подумал он, что воины отправляются служить на заставы без семей. Если бы он не знал, что сейчас его мать и сестра находятся под надежной защитой в замке доблестного военачальника Ракли, он бы вел и чувствовал себя совершенно по-иному. То, что где-то там, над головой, идет бой, вернее, избиение, кто-то с криком отчаяния гибнет под градом стрел, кто-то не менее громко радуется точному выстрелу — чудовищно и ужасно, однако эльгяр знали об опасности, на которую шли, когда давали присягу и отправлялись служить на лесную заставу вдали от дома и домочадцев…

Хейзит утешал себя. Он уговаривал свою запятнанную совесть не принимать происходящее близко к сердцу, не воспринимать побег как предательство — да, он спасает свою жизнь, но ведь он бежит не один, и вообще, кто мешал и другим вабонам последовать за ним в горящий амбар. И Граки наверняка последовал бы, если бы не шальная стрела…

— Постойте, — громким шепотом сказал Исли. — Кажется, я слышу погоню. За нами кто-то идет.

Они замерли прислушиваясь. Мадлох машинально попытался спрятать факел, однако скоро понял, что избавиться от него можно, только потушив огонь ударом о стену. Но на это безрассудство он не готов был пойти даже перед лицом вернейшей опасности, хотя Хейзит, вероятно, так бы и поступил, если бы не был занят раненым: он знал, что подземелье представляет собой один-единственный коридор, в котором при самом большом желании просто невозможно заблудиться.

Теперь все четверо отчетливо услышали шаги. Они быстро приближались. На всякий случай беглецы вооружились, кто чем мог. В руках у Хейзита был только нож, которым он недавно перепиливал стрелу. Исли снял с пояса увесистую дубинку. Мадлох сжимал в руках факел, намереваясь при необходимости пустить его в ход. Оружия не оказалось лишь у Фейли, но и тот, судя по выражению лица, готовился дорого продать свою жизнь.

В проходе обрисовалась высокая фигура. Фигура не бежала, а торопливо шла прямо навстречу затаившейся четверке. Незнакомец не мог не заметить их на небольшом расстоянии, которое с каждым мгновением сокращалось, и тем не менее не думал замедлять шаг.

— Эй, назови себя! — предупредительно крикнул Исли.

Ответа не последовало. Остановился незнакомец, только поравнявшись с угрожающе поднятой дубинкой, да и то явно не от страха, а потому что должен был перевести дух. Бритая голова великана — а он оказался одного роста с Исли, если не выше — была вымазана сажей, длинная борода спуталась и местами заметно обгорела, на прикрывавших широкую грудь доспехах виднелись свежие вмятины и глубокие царапины.

Теперь даже Хейзит, хоть и с трудом, узнал этого человека, неустрашимого Фокдана, сына проповедника Шигана. Фокдан не имел громких званий, но на заставе его знали все, знали как храброго и искусного бойца, быть может, несколько медлительного в мирной жизни, зато неудержимого в битве.

Исли опустил дубинку и уважительно попятился, не решаясь больше приставать к новому попутчику с вопросами.

Фокдан вытер кулаком рот, еще больше размазав грязь, выругался и спросил, куда это они собрались. Надо ли говорить, что беглецы не сразу решились ему ответить. В руке Фокдан все еще сжимал рукоятку широкого меча, похоже, так до сих пор и не обагренного вражеской кровью, и кто знает, как бы он отреагировал, услышав правду.

— Этот подземный ход выводит в лес, — осторожно начал Хейзит, надеясь, что Фокдан заметит присутствие среди них раненого. — А вы разве здесь не за тем же?

Фокдан ошпарил его гневным взглядом.

— Тэвил! Я здесь потому, что сдуру угодил в яму, а выбраться обратно мне помешал пожар. Нам нужно срочно возвращаться и показать этим шеважа, кто здесь хозяин. Где ваше оружие?

— Нам не возвращаться нужно, а ноги отсюда делать, — подал голос Мадлох.

Хейзит почувствовал, что сейчас кому-то несдобровать. Меч в руке Фокдана предостерегающе задрожал. Но тут вмешался Фейли.

— При всем моем уважении, Фокдан, — тихо и как будто устало сказал он, — ты сейчас рассуждаешь как мальчишка. Мы уже проиграли бой. После драки кулаками не машут. Раз уж ты тоже здесь, присоединяйся к нам, и постараемся добраться до замка, чтобы предупредить Ракли об опасности.

— Заставу мы все равно потеряли, — добавил Исли, опасливо косясь на меч.

Ко всеобщему удивлению, Фокдан в ответ встретился с каждым из говоривших взглядом и молча потупился. Хейзит попытался, но так и не смог представить себе, что творится сейчас в душе этого бесстрашного воина. Пауза затягивалась.

— Хорошо. Сначала надо выбраться отсюда, а там посмотрим.

Беглецы украдкой переглянулись. Они молча двинулись по коридору дальше, только теперь группу замыкал Фокдан. Исли заметно подтянулся и нес дубинку на плече. Хейзит поймал себя на мысли, что внезапная сговорчивость Фокдана кажется ему подозрительной. С какой стати человек лезет в горящий амбар, чтобы там случайно провалиться в подпол? Почему он не старается выбраться обратно, а устремляется прочь, следом за ними? Уж ни слукавил ли великий воин, осознавший там, наверху, зажатый между пожаром и смертью, что от его отваги мало проку? Отчего храбрецы стесняются здравого смысла и инстинкта самосохранения? Неужели думают, будто остальные смертные их не поймут?

Коридор заканчивался крутым подъемом. Ожидавшихся веревок или лестницы здесь не было, однако при свете факела в земле проступили уходящие вверх глубокие ямки.

Мадлох оставил факел Хейзиту и первым полез вверх.

— Тут опять деревянный люк, — крикнул он через некоторое время. — Только он чем-то завален. Я не могу его поднять.

— Придется попробовать мне, — вздохнул Исли, засовывая дубинку за пояс и плюя на ладони. — Эй, спускайся!

— Поищи там замок, — Хейзит вспомнил основной принцип устройства подземных ходов: защитники укреплений должны иметь возможность воспользоваться ими всегда, тогда как проникнуть внутрь можно только с их ведома.

— Погодите-ка, — снова донеслось сверху. — Тут, кажется, есть засов. Да, все в порядке! Он открывается.

Потянуло свежим лесным воздухом. При этом светлее в подземелье не стало: на улице стояла непроглядная ночь.

— Сможешь взобраться сам? — поинтересовался Хейзит у Фейли.

— Руки меня пока слушаются. Спасибо. На всякий случай отойдите в сторону, если вдруг свалюсь.

Исли хмыкнул, оценив нежданный юмор.

Беглецы по очереди воспользовались ямками в склоне и благополучно выбрались наружу. Последним был Фокдан. Проследив, куда смотрят его товарищи по несчастью, он увидел высокое зарево пожара. В ночи стоял только треск горящего дерева да завывало предоставленное самому себе пламя. Ни лязга металла о металл, ни воплей сражающихся, ни стонов раненых. На заставе все было кончено.

Не сговариваясь, все пятеро побрели прочь, сначала медленно, будто неохотно, но постепенно ускоряя шаг. Никто не оглядывался. В этом не было смысла: как только зарево осталось

позади, путников обступил кромешный мрак. Факел же пришлось бросить догорать в подземелье. Сейчас он мог разве что навредить.

— Не понимаю, почему так темно, — ни к кому не обращаясь, шепнул Исли.

— Дым от пожара, — предположил Хейзит. — Он стелется по небу и закрывает звезды.

Через некоторое время их глаза все-таки постепенно привыкли к мраку, и вокруг стали проступать кое-какие очертания.

— Вы уверены, что мы правильно идем? — поинтересовался Мадлох.

— А кто нас ведет? — спохватился Хейзит.

— Разве не ты?

— Скажите спасибо, что я вывел вас из подземелья. Здесь я ничего не знаю.

— Замечательно! — чуть не взвизгнул Мадлох. — Избежать одной верной смерти, чтобы встретиться с ее подружкой! Тэвил! Кто-нибудь видит, куда нам идти?

— Да прекрати ты причитать, храбрец! — снова зашептал Исли. — Во всяком случае, не так громко. Кстати, какие будут соображения?

Они остановились и стали тщетно озираться по сторонам.

— Если появятся звезды, я всех выведу, куда надо, — сказал Фокдан.

— А если нет? — Мадлох все же перешел на шепот.

— Тогда мы останемся здесь и будем ждать утра.

— Чтобы нас сцапали шеважа?

— Едва ли они догадаются, что кому-то удалось сбежать. — Последнее слово далось Фокдану не без труда.

— Может, нам стоит разделиться? — предположил Исли.

Красноречивое молчание было ему ответом.

— Одно мы знаем наверняка — застава находится вон там, позади нас, — сказал Хейзит. — Если пойдем дальше прямо, то уйдем от шеважа на безопасное расстояние. А на рассвете решим, что делать.

За неимением лучшего предложение было принято. Возразил только Мадлох, которому шеважа мерещились теперь повсюду. В конечном счете он тоже оказался прав: не прошли они по лесу и тысячи шагов, как казавшиеся издали светлячками огоньки превратились в многочисленные костры. Они приближались к стойбищу шеважа. Вероятно, здесь остались те, кто не принимал участия в огненном штурме. Фокдан немедленно высказал пожелание расправиться с тылом вражеской армии. Даже Мадлох

поддержал его, заметив, что в подобных случаях в стойбищах остаются разве что женщины да старики. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы их пыл не остудил Фейли.

— Хотите погибнуть героями, ступайте на здоровье. Однако сперва выслушайте человека, который, в отличие от вас, не всегда служил арбалетчиком на заставе. Раньше мне не раз приходилось ходить в рейды на подобные стойбища и могу со всей уверенностью заявить: там хватит шеважа, чтобы перебить нас еще на подступах. Они редко оставляют своих женщин одних с детьми. И даже если стойбище не охраняет никто из воинов, в чем я очень сомневаюсь, то их старики, сколько бы им ни было зим, тоже не подарок, скажу я вам. Я сам пару раз видел, как один старик, вооруженный обычным деревянным посохом, противостоял двоим, а то и троим нашим воинам в полном вооружении. Причем довольно долго и успешно. Так что мой вам совет — давайте пройдем мимо, как будто мы ничего не видели. По количеству костров видно, что там никак не меньше сотни человек. Наших сил хватит лишь на то, чтобы достойно погибнуть в бою. Вы этого хотите?

Даже Фокдан не решился возразить. Оставив костры слева, они осторожно двинулись в обход, опасливо поглядывая на черные макушки деревьев и ожидая оклика дозорных. К счастью, все обошлось. Только уже засыпая под прикрытием невесть как оказавшихся посреди леса валунов, Хейзит увидел во сне иной исход пережитых ими событий. Проснулся он под утро в холодном поту и долго не мог понять, куда подевались горящие прямо в животе стрелы и седой старик с толстенным бревном в жилистых руках.

Солнце еще не встало, и воздух в этот краткий предрассветный час сделался особенно прохладным, если не сказать холодным. Укрыть озябшее с непривычки тело было нечем. На заставе остался весь убогий скарб Хейзита, состоявший из железной посуды, строительных инструментов, вроде отвеса и молотка, а также старого отцовского пледа. Теперь все это либо погибло в огне, либо досталось лесным дикарям. Особенно жалко было плед, который сейчас пригодился бы как нельзя лучше: сезон жары постепенно уступал место сезону дождей, дни снова становились короче, а ночи — длиннее и холоднее. На заставе плед, взять который с собой заставила его мать, так и не успел ему понадобиться. Никто же не предполагал, что ему придется вернуться чуть больше месяца спустя. «Вернуться», конечно, сказано опрометчиво. До возвращения еще несколько дней пути. И все по лесу, причем практически в одиночку, а вовсе не под охраной хорошо вооруженных и знающих свое дело виггеров, как

то было по пути из замка. Вон они, его нынешние провожатые, спят сном праведников между поросших мхом камней и даже не подумали о том, чтобы выставить караульных. Ему-то не помнить о подобных вещах простительно, он строитель-созидатель, а не воин-разрушитель, но Фокдан ведь не первый день носит свой широченный меч. Или этот Фейли, производящий впечатление далеко не глупого и смелого человека. Выходит, не зря ему всю ночь снились ужасные картины резни и смертоубийства: окажись шеважа попроворнее да полюбопытнее, сегодня они все могли бы вовсе не проснуться.

Хейзит осторожно приподнялся на руках и выглянул из-за камня. Вокруг как будто ни души. Слышно только пересвист птиц да тяжелый храп Исли. Хейзит поспешил растолкать толстяка. Тот, не открывая глаз, повел во все стороны носом, чихнул, открыл глаза и резко сел.

— Что, горим?!

Вероятно, ему тоже снились события пережитой ночи.

— Уже сгорели, — ответил ему лежавший на боку Фейли, не открывая глаз и не меняя позы. Похоже, он давно проснулся и просто делал вид, что спит. Это открытие несколько уязвило самолюбие Хейзита, только что возомнившего себя самым проницательным из своих спутников.

— Лучше бы не просыпался, так жрать хочется, — заметил сладко зевающий Мадлох. — Кто пойдет на охоту?

— Все пойдут, — рявкнул спросонья Фокдан. — Но не на охоту, а домой, в замок. И пойдут быстро-быстро. А если тебе так хочется жрать, вон целый лес ягод и орехов. — Фокдан встал, осмотрелся и на всякий случай присел на корточки. — Луков у нас, чтобы дичь бить, нету, а если бы были, то пришлось бы тебе есть ее сырой, потому что костер разжечь мы себе позволить не можем. Все понятно?

Хейзит перелез через валун и остановился, ожидая остальных.

— Ты куда это? — окликнул его Мадлох.

— Домой. А вы что, тут решили остаться?

Позевывающие беглецы переглянулись и нехотя последовали за Хейзитом. Все, кроме Фейли. Тот тоже перебрался через камни, но только с противоположной стороны.

— К шеважа пошел? — поинтересовался ему в спину Исли.

Фейли остановился, пожал плечами и небрежно махнул рукой в сторону остальных:

— Шеважа — там, — после чего повернулся и указал перед собой. — А замок — там. Так что кому домой — присоединяйтесь, я не гордый.

И, не оглядываясь, зашагал прочь.

Хейзит посмотрел на Фокдана. Фокдан поискал за деревьями солнце. Не найдя, выругался и поспешил следом за Фейли.

— Наверное, они правы, — неуверенно заключил Исли.

— Чтобы вернуться, нужно держать солнце слева и чуть за спиной, — пояснил с видом знатока Мадлох. — Кто-нибудь видит солнце?

В конце концов, возобладала та твердость, с которой Фейли, прихрамывая, уходил в единожды выбранном направлении. «А я и не спорю, — подумал Хейзит, увязываясь за остальными. — Просто если б не я, вы бы все еще спали. Брр, какая холодрыга!»

— Как нога? — спросил он, поравнявшись через некоторое время с новым проводником.

— Как будто родился со стрелой, — отмахнулся тот, однако, заметив, с кем говорит, поменял тон: — А ты, похоже, неплохо в этих делах разбираешься. Мать, значит, научила? Смышленая у тебя мать.

— Да уж куда смышленее, — потеплело на душе у Хейзита. — Нас с сестрой одна вынянчила да выходила, а теперь еще всем соседям болячки лечит. На всю округу ее травяные настойки славятся. Вы, видать, не из наших мест, раз ее не знаете?

— «Из ваших» — это из каких?

— Мы при замке живем, шагов двести от стен, — не без гордости ответил Хейзит.

— Ты случаем не про хозяйку таверны «У старого замка» говоришь? — вмешался Исли. — Кажется, ее зовут Гверна.

— Это моя мать и есть, — кивнул Хейзит, про себя удивившись, что никогда раньше не замечал такого видного постояльца, а вслух спросил: — Вы у нас бывали?

— Пока не довелось, — признался Исли. — Но слышать слышал. Говорят, она и повариха что надо.

— Они с сестрой на пару готовят. Велла лучше мясные блюда, а мать — рыбные.

— Вот только о еде еще не хватало! — взмолился до сих пор молчавший Мадлох. — Давайте лучше про шеважа. От них не так есть хочется.

— Кстати, а почему ваша таверна называется «У старого замка»? — сказал Фейли, бросая на Мадлоха неприязненный взгляд. — В честь нынешнего замка или в честь прежнего?

— А разве у Ракли не всегда один и тот же замок был? — не побоялся выказать свою неосведомленность Фокдан.

— Один-то один, да только сам Ракли был не всегда, — заметил Фейли и добавил, чтобы не обидеть не слишком сведущего в таких вещах вояку: — Умные люди рассказывают, что

в незапамятные времена на месте теперешнего замка стоял другой, чуть ли не в два раза выше и мощнее.

— Враки, — хмыкнул Исли. — Не может быть такого.

Хейзит тоже вспомнил интересные истории, которые в детстве рассказывал ему о замке отец, мастер строительных дел и большой любитель собирать всякие древние притчи и сказания. Именно он назвал их таверну так, как она называлась теперь, однако едва ли он стал бы увековечивать на железной вывеске при входе что-то кроме творения своих рук. Ведь отец Хейзита начинал на строительстве замковых укреплений еще простым каменщиком и дорос до мастера, когда над неприступными стенами поднялись круглые дозорные башни. С одной из них он и сорвался, как говорили, по неосторожности в заполненный водой ров, на дне которого незадолго перед этим Ракли распорядился вкопать острые колья…

Сейчас, идя по лесу и возвращаясь мысленно в те безоблачные дни, Хейзит впервые подумал о том, что почти все, с кем ему когда-либо приходилось общаться, будь то дома или на заставе, не сговариваясь, предпочитали говорить о замке как о Замке, то есть не упоминая его общеизвестного имени — Вайла'тун. Не без влияния отца заинтересовавшийся прошлым своего народа Хейзит знал, что на древнем языке вабонов «вайла» означало «правильный», так что в названии замка не было ничего такого, почему кому-то взбрело бы в голову утаивать его. Однако он также хорошо усвоил неписаную истину, что язык человеку дан не только затем, чтобы излагать, но и чтобы скрывать свои мысли. Вот и отец зачем-то додумался вместо «У Вайла'туна» выбить на вывеске «У старого замка». При этом он и был одним из тех немногих, кто обычно величал замок по имени. Еще бы, для него это было чуть ли не живое существо! Высунувшись по утрам из-под теплого одеяла, Хейзит не раз видел, как отец, отправляясь на работу, бережно складывает в мешок остатки завтрака. Повзрослев, он узнал, что отец вовсе не доедает завтрак днем, как ему думалось в детстве, а вмуровывает между камнями стен, считая, что придает тем самым постройке дополнительную прочность. Он кормил замок, отдавая ему свои силы, а замок отплатил ему тем, что в один далеко не прекрасный день равнодушно убил. Интересно, почему эта странность в названии семейной таверны пришла Хейзиту на ум только сейчас? Ведь, действительно, если следовать необъяснимой народной традиции, то таверна должна бы называться просто «У замка». Откуда здесь «старый»? И уж тем более невероятно, чтобы строитель, трудами которого возводились стены, счел свое собственное детище «старым».

— Я не из тех, кто спорит по пустякам, — заявил между тем Фейли. — Считаешь, что нынешний замок стоял там всегда — считай на здоровье. Но только знай, что это вовсе не так.

Исли открыл было рот, чтобы снова возразить, но его опередил Хейзит.

— Мой отец строил этот замок. На стройке и погиб, когда все было почти готово. Он мне тоже, когда я был совсем еще ребенком, рассказывал про какую-то гигантскую крепость, где задолго до нас жили великие герои. Правда, как ни удивительно, про этих героев я ни от кого больше, кроме отца, не слышал. Даже позабыть успел. Вы вот напомнили. Выходит, это мог быть тот старый замок?

Вопрос ни к кому не был обращен и остался без ответа.

Некоторое время они шли в молчании, прислушиваясь к лесу. Хейзит, хотя и не был воином, слишком хорошо знал, что это совершенно бесполезное занятие, поскольку приближение врага они едва ли услышат. Безраздельными хозяевами леса были шеважа. Они могли скрываться повсюду, ничем не выдавая своего присутствия. Вабоны чувствовали себя в относительной безопасности, только когда передвигались от замка до заставы или между заставами, сбившись в большие, вооруженные до зубов и закованные в броню отряды. Лес для них был полон нераскрытых тайн, лабиринтов и ловушек. Ни теперь, ни раньше они не имели возможности как следует изучить его, не рискуя быть застреленными с дерева или из-за ближайших кустов. С шеважа они предпочитали встречаться разве что у стен укрепленных застав, разбросанных по Пограничью и оказавшихся со вчерашнего дня не такими уж неприступными. Пленных вабонам брать издавна воспрещалось, так что мир их злейших врагов до сих пор оставался для них неведомым и потому еще более пугающим. Хорошо бы Локлану удалось довести свою рыжую пленницу до замка и убедить отца не отправлять ее в ледяные объятия безжалостной Квалу. Правда, едва ли кто разберет ее грубый говор, однако можно хоть попробовать разобраться в происходящем вокруг. А ведь даже Хейзит, чья голова с утра до вечера не была занята ничем, кроме вопросов более совершенного и надежного строительства, догадывался, что за пределами заставы творятся перемены — неведомо кем, неведомо какие, неведомо почему, но свидетелями одной из них они все стали вчера, под страшным дождем огненных стрел. И это могло быть только началом неминуемого конца. Если продолжать отгораживаться от врагов стеной непонимания и неприятия. Если делать вид, будто вабоны — самые сильные и непобедимые. Если не признавать очевидного: война неудержимо выплескивается из

лесной чащи и не сегодня завтра придет — страшно подумать — в Вайла'тун.

Мадлох издал радостное восклицание и устремился вперед. Последовав за ним, путники вышли на тропу, по которой могли бы пройти, выстроившись в ряд, три человека. Это была заветная дорога, ведущая к замку. Теперь можно было не плутать по лесу, а двигаться по ней, надеясь на скорое воссоединение с родными и близкими.

— Это прямой путь к могиле, — невесело заметил Фокдан, останавливаясь при виде тропы и сворачивая в сторону. — Только последний дурак с такими силами, как у нас, пойдет по ней. Подумайте, с какой скоростью выпускают стрелы шеважа. Одного стрелка где-нибудь вон на том дереве хватит, чтобы мы не успели даже спохватиться.

— Что вы предлагаете? — Хейзиту не терпелось ступить на тропу, которой как будто вчера он шел вместе с отрядом Локлана, предвкушая долгую и интересную службу на заставе Граки. Теперь не стало ни Граки, ни заставы. И нужно было возвращаться домой и надеяться, что шеважа не рыщут поблизости.

— Я согласен, — заговорил Фейли, придирчиво оглядывая соседние деревья. — Сейчас на тропу соваться опасно. Пусть она указывает нам правильное направление, а пойдем мы рядом с ней, по лесу. Глядишь, дня за два доберемся до замка.

— За два дня — вряд ли, — покачал головой Фокдан. — Хорошо бы за это время успеть добраться до заставы Тулли.

Хейзиту невольно вспомнился розовощекий крепыш, меньше всего походивший на предводителя эльгяр на одной из важнейших застав Пограничья — последней преграде на пути к замку. Тулли и внешне, и по выполняемым обязанностям больше напоминал гостеприимного хозяина харчевни, который искренне рад любому гостю — кроме непрошеного. Через его заставу проходили почти все отряды вабонов, отправлявшиеся на службу в Пограничье или возвращающиеся к положенному сроку домой. Вероятно, они будут чуть ли не первыми, кто за все эти годы вернется раньше срока. Если, конечно, им вообще удастся вернуться.

Во главе их отряда снова хромал Фейли. Похоже, остальные не имели ничего против его хромоты, как бы сильно она ни сдерживала их продвижение. Все, как будто не сговариваясь, сошлись на том, что самая быстрая дорога не есть самая правильная и безопасная. Лучше потерять день в укрытии, чем жизнь — на свободе, гласила одна из нелюбимых пословиц вабонов. Раньше Хейзиту она тоже представлялась слишком

обидной, но теперь он не мог не отметить заключенной в ней мудрости. Интересно только, кто и когда ее выдумал, если вабонам отродясь не приходилось ни от кого прятаться?

Замыкал вереницу беглецов Исли, обильно потеющий от ходьбы, волнения и подпрыгивающей на плече дубинки. По-видимому, он потел, даже когда стоял на месте. Оглядываясь на него, Хейзит прикидывал, сколько подобный гость мог бы съесть в таверне «У старого замка». Одним рябчиком мать едва ли отделалась бы.

Мадлох то и дело пытался заговорить, однако шедший за ним Фокдан молча толкал его в спину и тихо шикал. Мадлох сердито отмахивался и тыкал пальцем в небо. Вероятно, он хотел дать понять, что среди бела дня шеважа можно не опасаться. Хорошо бы он оказался прав. Но и предосторожности Фокдана не помешают.

Фейли поднял руку.

Все дружно присели на корточки и прислушались.

Впереди явственно слышался конский топот. И этот топот неотвратимо приближался.

Прячась за деревьями, беглецы в недоумении переглядывались. Шеважа не пользуются лошадьми. Для живущего в лесу лошадь — ненужное бремя. Вабоны, хоть знают в верховой езде толк, не станут совершать подобных глупостей: скакать через Пограничье во весь опор да еще не замотав копыта тряпками.

Вскоре на тропу вылетел облаченный во все черное всадник. Только на голове у него красовалась светлая широкополая шляпа, больше похожая на плетенную из соломы тарелку для просеивания семян, какими пользовались миролюбивые крестьяне.

Придержав коня, всадник остановился напротив тех самых деревьев, за которыми таились потрясенные такой встречей беглецы, покачал полами шляпы, будто принюхиваясь к напоенному солнцем и сосновой смолой воздуху, и снова пришпорил дрожащее от долгого бега животное.

Гулкий стук копыт быстро удалился и затих в лесной чаще.

— Кто-нибудь разглядел его лицо? — первым подал голос Фейли.

Выяснилось, что лица не видел никто. Исли заметил притороченный к седлу обоюдоострый топор. Мадлох клялся, что у незнакомца были черные, заплетенные в две косы волосы, какие не носит ни одно из известных племен шеважа, ни тем более вабоны. Хейзиту запомнился черный панцирь и черная металлическая перчатка на руке, сжимавшей поводья. Фокдан

промолчал, но было заметно, что появление всадника заставило его глубоко задуматься.

— Даже если это был не шеважа, — продолжал Фейли, по-прежнему не решаясь выйти из-за дерева, — ему осталось недолго гулять по здешним местам. Тэвил, с таким пренебрежением к опасности он либо безумец, либо самоуверенный дурак! В обоих случаях до добра это не доведет. Предлагаю пока о нем забыть и двигаться дальше, пока не стемнеет.

— А вам не показалось, что он нас видел? — заговорил наконец Фокдан, когда они тронулись в путь. — Даже если и не видел, то определенно почувствовал.

— Что ты хочешь этим сказать? — оглянулся через плечо Фейли. — Что мы легко отделались?

— И это тоже, раз мы испытали схожие ощущения. — Фокдан помрачнел. — Возможно, парень слишком хорошо знает свои собственные силы, чтобы бояться засады. Хотел бы я с ним потолковать. Только сдается мне, что он не из наших.

— Доберемся до замка, расскажем обо всем Ракли, пусть он решает.

— А что тут решать? — напоминая о мерах предосторожности, зашептал Исли. — Быстрее сматываться из этого окаянного леса — и по домам.

Никто не стал возражать, однако Хейзит был готов побиться об заклад, что хотя бы двое из их попутчиков — Фейли и Фокдан — после возвращения в замок не собираются отсиживаться и делать вид, будто так и надо. Сам он уже решил для себя, как будет действовать: несмотря на молодость, испросит разрешения на встречу с Ракли и выложит ему все, что видел и знает. А вдобавок предложит заняться скорейшим укреплением деревянных застав каменными стенами. Каким бы сложным и дорогостоящим предприятием это ни казалось, переходить на камень придется. В противном случае очень скоро с высоты дозорной башни Вайла'туна каждый день будет открываться вид на Пограничье со столбами черного дыма над гибнущими островками последних пристанищ вабонов.

— Кажется, тропа уходит влево, — заметил Мадлох. — Если я правильно помню, впереди овраг. Пойдем прямо или выйдем на тропу?

— Пересечем тропу и будем двигаться слева от нее, — отозвался Фейли. — Мне только по оврагам с простреленной ногой прыгать не хватало!

Пригнувшись и опасливо озираясь по сторонам, они гуськом перебежали через открытое пространство и нырнули в ближайшие кусты. Пятеро взрослых мужчин, еще вчера думавших, что не

боятся ничего на свете, теперь больше походили на отставших от обоза оруженосцев, предчувствующих неминуемую взбучку от хозяев, нежели на опытных воинов. Морально Хейзиту было немного легче остальных, поскольку он никогда не причислял себя к знатокам военного искусства и только уже на заставе впервые взял в руки меч и лук, да и то лишь потому, что этого требовали суровые законы Пограничья.

Сколько ни брели они в ожидании ночи и столь необходимого привала, встреча с черным всадником не шла у Хейзита из головы. Неужели, размышлял он, Фокдан прав, и этот незнакомец вполне отдает себе отчет в том, что творит, когда взбирается на коня и мчит галопом через лес, полный коварных ловушек и кровожадных шеважа? От стрелы одним топором, пусть даже обоюдоострым, не отмахнешься. Может быть, где-то неподалеку от того места расположилось его племя, состоящее из таких же необузданных наездников, племя шеважа, о котором никто и никогда доселе не слышал? Но как пробраться незамеченными с целым табуном через гущу леса так, чтобы не осталось даже следов? Не по воздуху же они летают на своих широкополых шляпах! Однако чем больше он рассуждал, тем все крепла его уверенность в том, что черный всадник путешествует по лесным тропам один.

Хейзиту вспомнился случай из детства, когда на него напала целая ватага соседских ребятишек, решивших отомстить за то, что он накануне забросал двоих из них грязью. Вражда эта тянулась так долго, что ни одна из противоборствующих сторон не помнила, кто же первым начал, в то время как первым заканчивать ее не хотел никто. Среди соседской детворы были и его одногодки, и ребята постарше. Они главным образом мстили маленькому Хейзиту тем, что обзывались всякими обидными прозвищами или демонстративно не замечали, чем только еще сильнее его раззадоривали. Все это едва ли осталось бы в его памяти, если бы в тот день расправе над ним не помешало появление никому не известного белобрысого мальчугана. Он не кричал, не махал кулаками, никого не пугал и никому не угрожал расправой. Просто подошел к дерущимся, и все его сразу же заметили. А заметив, оторопели, потому что прочитали в насупленных бровях и смеющихся голубых глазах такую решимость, что повскакали на ноги и один за другим убежали восвояси. Спасителем Хейзита оказался Локлан, старший сын Ракли. Свое вмешательство он объяснил изумленному малышу тем, что видел его пару раз на стенах возводимого замка и знал, что его отец — мастер Хокан. Не мог же он позволить свершиться несправедливости и не защитить сына того, кто дружен с его

собственным отцом.

Раньше Хейзит вспоминал это не самое приятное событие из своей жизни исключительно в связи с тем, что оно подарило ему знакомство не только с важным, но и нужным человеком. Ведь не кто иной, как Локлан сперва предложил осиротевшему Хейзиту подумать над проектами укрепления лесных застав, а затем сам сделал так, чтобы Ракли о них узнал и заинтересовался юным строителем. Вряд ли без подобной поддержки Хейзиту посчастливилось бы заполучить столь прибыльную работу. Сидел бы сейчас на шее у матери да время от времени помогал соседям чинить покосившиеся от старости изгороди. Конечно, теперь смешно и грустно об этом думать, но ведь никто же не знал, что все так плачевно обернется…

Сейчас же Хейзит вспоминал другое: нечто в характере и манерах Локлана, из-за чего превосходящие силы противника обратились в постыдное бегство. То же самое, что, верно, ощутили тогда они, почувствовал Хейзит сегодня, когда прятался за шершавым стволом дерева, а всадник в черных доспехах и несуразной соломенной шляпе смотрел мимо него и вместе с тем как будто знал, что он, Хейзит, беглец с сожженной заставы, ежится от страха где-то там, в безучастном лесу.

— Вот бы мне мою фляжку, — мечтательно проговорил Мадлох, выводя Хейзита из задумчивости. — Опять жара и пить хочется.

Фокдан раздраженно цыкнул на него, однако когда через некоторое время ту же песню затянул Исли, похоже, ни у кого из путников не нашлось сил, чтобы ему возразить.

— Попить бы и пожрать чего-нибудь, — вздохнул толстяк, потирая обеими ладонями брюхо. Дубинку он давно сунул за пояс, чтобы удобнее было продираться сквозь заросли орешника. — Может, поохотимся чуток? Ну что мы все премся да премся! Никто же за нами не гонится.

— Скажи спасибо, что за тобой никто не охотится, — вытер пот со лба Фокдан. — А вот источник или, на худой конец, ручей нам бы не помешал.

— Вот и я говорю, — подхватил Мадлох. — Давайте сделаем привал. Хотя бы короткий.

— Я знаю эти места, — оглянулся на спутников Фейли. Раненая нога не мешала ему по-прежнему идти впереди всех. — Если готовы потерпеть еще немного, обещаю привал у ручья.

Ему не поверили, но спорить никто не решился.

«Откуда этот эльгяр так хорошо знает лес, — подумал Хейзит. — Не в лесу же он учился искусству владения арбалетом. Спросить бы напрямик, да как-то не с руки. Придется подождать

привала».

Ждать и в самом деле пришлось недолго. Орешник кончился, и выбившиеся из сил путники увидели невысокий, поросший неяркими лесными цветами холм, вокруг которого соблазнительно журчал неприметный в траве ручей. Все дружно легли на живот и стали жадно пить прохладную воду, мимоходом разглядывая испещренное круглыми камешками дно. Напившись, перешагнули через узкую полоску воды и облегченно сели, привалившись спинами к холму. Только сейчас до их слуха стало доноситься щебетание невидимых птиц. Жизнь в лесу была не так уж плоха, как казалось поначалу.

— Даже есть расхотелось, — довольно сообщил Мадлох.

— Только не мне, — усмехнулся Исли, высматривая что-то между цветами. — Если ты все тут так хорошо знаешь, — обратился он к Фейли, — скажи на милость, нет ли где поблизости коровы или хотя бы молоденького бычка. Сейчас я бы съел его, не жаря.

— Фу, какая гадость! — поморщился Мадлох. — Ну почему ты считаешь, что имеешь право портить всем аппетит? Было бы мясо, а костер развести — плевое дело.

Хейзит вопросительно смотрел на Фейли. Тот лежал на спине, прикрыв глаза и покусывая зеленую травинку. Казалось, разговоры о еде волнуют его еще меньше, чем раненая нога, о которой он почти забыл.

— Предлагаю заночевать здесь, — неохотно подал голос Фокдан. — Уже вот-вот начнет смеркаться. Охоту отложим до утра. Еще одна ночь без еды вряд ли нам сильно повредит.

Фейли выплюнул травинку.

— Орехи, — сказал он, не открывая глаз. — И ягоды.

Остальные путники переглянулись.

Первым на ноги вскочил Исли. Перепрыгнув через ручей, он на удивление прыткой трусцой устремился обратно, туда, где заканчивался орешник. Утоленная жажда возвратила способность воспринимать мир таким, каков он есть, и недавним воякам оставалось лишь посмеиваться в душе над своей недогадливостью, наивностью и полнейшей неприспособленностью к дикой жизни. На заставе их кормили специально обученные этому ремеслу повара, причем кормили мясом, лепешками, кашами да соленьями — пищей мужской и сытной, — а дома они привыкли к тому, что о них заботятся жены и матери, так что мысли довольствоваться лесными ягодами и орехами у них отродясь не возникало.

Вскоре у Хейзита устала нижняя челюсть, а зубы заныли от постоянного разгрызания твердой скорлупы. Нельзя сказать,

чтобы голод прошел, однако появившаяся приятная тяжесть в желудке и снятая рубаха с завязанными рукавами, наполненная зелеными орехами, придавали уверенности в завтрашнем дне. Судя по всему, остальные его спутники испытывали то же самое. Исли сидел в гуще кустов, окруженный горками темнеющей скорлупы, и блаженно развлекался тем, что раскалывал орех об орех. Хейзит попробовал проделать то же самое, но у него ничего не вышло: требовалась просто-таки недюжинная сила в руке и твердость пальцев, потому что орехи, кроме того что не желали трескаться, норовили выскользнуть на свободу. Фокдан приспособил для этих целей пень, на котором, как заведенный, колол орехи рукоятью ножа. Не все орехи поддавались с первого удара, но он упорствовал и добивался своего. Мадлоха не было видно. Равно как и Фейли.

Прижав превращенную в мешок рубаху к груди, Хейзит вернулся к холму.

Фейли сидел там, где они его оставили, и как будто спал. Хейзит тихо сел рядом, решив не будить нового товарища. Если тот проснется, орехов хватит, чтобы его угостить.

Что-то в облике спящего насторожило Хейзита. Сначала он принял это за катящиеся по щекам слезы, но, приглядевшись, понял, что это бусинки пота. У Фейли был жар.

Хейзит потрогал раненого за плечо. Фейли тяжело поднял веки и попытался улыбнуться:

— Сглупил я. Не надо было мне пить. Ничего, скоро пройдет.

— Как бы не прошло вместе с ногой, — беспокойно оглянулся на шевелящиеся кусты орешника Хейзит. На его памяти было несколько случаев, когда ему приходилось помогать матери, вынужденной принимать крайние меры, чтобы спасти человеку жизнь: отрубать палец или руку, или отпиливать зараженную неизлечимой заразой ногу. Зрелище было не для слабонервных, и Хейзит старался не отводить глаз от сосредоточенного, забрызганного чужой кровью лица матери. — Нога болит?

Вопрос прозвучал глупо, однако Фейли, подумав, мотнул головой.

— Плохи дела, — потер подбородок Хейзит. — Если не болит, значит, уже немеет. Все от наконечника. Трудно ожидать от этих дикарей, чтобы они кипятили каждую стрелу, прежде чем выпустить ее в нас.

К ним подошел явно посвежевший после импровизированной трапезы Фокдан. Сразу почуяв неладное, покосился на торчащий из щиколотки кусок стрелы и перевел взгляд на Хейзита:

— Заражение?

— Боюсь, похоже на то. Есть, правда, надежда, что жар через

некоторое время спадет, но я не знаю, что придется делать с ногой, если мы опоздаем.

— Да знаешь ты все, — подал голос Фейли, все так же лежа с закрытыми глазами. — Чикнуть топориком — и вся недолга.

— Если тебя эта мысль не смущает, — заметил Фокдан, усаживаясь, — давай свистну того сумасшедшего всадника, он тебе с удовольствием обе укоротит. — И, посерьезнев, продолжил, обращаясь к Хейзиту: — Что ты предлагаешь?

— Вынимать надо, — коротко ответил тот. — Вынимать и прижигать. Других средств я не знаю.

В душе Хейзит удивлялся, что оказался самым сведущим в подобных вещах. Отправляясь на заставу, он наивно предполагал, что несущие там службу эльгяр лучше любого лекаря умеют залечивать раны и делать все необходимые операции. А тут выходило, что ему все придется брать в свои малоопытные руки.

Скоро вернулся Мадлох. Выяснилось, что он пожалел зубы, не отличавшиеся крепостью, и занялся поиском и поеданием ягод, в чем весьма преуспел, хотя теперь, придя в себя после приступа жадности, пожалел, что не внял голосу рассудка: по размышлении некоторые из ягод показались ему несъедобными. Оставалось разве что ждать неминуемых последствий. Тем не менее он, пусть и не с готовностью, согласился на просьбу Хейзита побродить еще некоторое время по округе и отыскать побольше стеблей травы, образец которой был ему не только продемонстрирован, но и выдан для сличения.

— Помогает забыться, если будет больно, — пояснил Хейзит.

— А может быть и не больно? — недоверчиво заметил Мадлох, косясь на лезвие ножа, которое раскалял над маленьким костерком Фокдан.

Мать называла эту траву вербена. Из вербены обычно приготавливали густой отвар, приводивший пациентов в настолько слабое и сонливое состояние, что они на время теряли сознание и приходили в себя уже тогда, когда операция была позади. Вербена встречалась в лесу довольно в больших количествах, и Хейзит не сомневался, что Мадлох с честью выполнит доверенное дело. Сложность заключалась в другом: у беглецов не было ничего, в чем траву можно было сварить. Была вода, был костер, но ни котелка, ни даже каски.

Решение пришло в голову Хейзита само, когда он увидел тяжело выбирающегося из орешника Исли. Щеки толстяка мягко покачивались в такт ходьбе, а сам он лучезарно улыбался, не ведая о происходящем.

— Жуй, — сказал Хейзит, чуть ли не насильно засовывая в рот Фейли ту вербену, которую удалось наскоро собрать вокруг

холма. — Глотать не обязательно. Можешь сплевывать. Главное — глотай сок.

— Какая гадость! — поморщился раненый, но спорить не стал.

Судя по тому, с каким смирением он принял из рук вернувшегося Мадлоха охапку травы, ему и впрямь полегчало, а вид раскаленного лезвия возбуждал разве что желание забыться и заснуть.

Не дожидаясь, пока вербена начнет действовать, Хейзит принялся осторожно разматывать раненую ногу. Когда тряпки спали, открывшаяся под ними картина чуть не вынудила всех собравшихся пожалеть о том, что они поели. Посиневшая кожа, запекшаяся кровь, вздутость и зеленоватое нагноение. И посреди всего этого — деревянный кончик стрелы.

Спохватившись, Хейзит бросился к ручью мыть руки. Он понятия не имел, с чего начать. Вырывать стрелу силой было опасно: наконечник по-прежнему прятался где-то в глубине раны, а потерять его при неловком движении значило обречь Фейли на долгие муки с непредсказуемым исходом.

— Надо резать, — повернулся Хейзит к Фокдану, на что тот, пожав плечами, протянул ему нож.

Опущенное в воду ручья лезвие зашипело. Прижигать рану имело смысл после операции, если она пройдет более или менее удачно. Пока же нужно было только чистое и острое оружие, которым можно лезть в живую рану, резать гниющее мясо и делать вид, будто знаешь, как это делается.

Фейли стонал и остервенело жевал траву. Исли с ужасом прижимал его ногу к земле и старался не следить за действиями Хейзита. Он так побледнел, что казалось, его вот-вот вырвет. Мадлох сидел рядом на корточках, на всякий случай держа в дрожащих ладонях воду.

Надрезав в двух местах рану и выдавив прямо на землю густой гной, Хейзит легонько потрогал обломок стрелы. Стрела шаталась, но сама выходить наружу отказывалась.

— Жуй, жуй как можно больше, — приказал вяло кивающему пациенту Хейзит.

Потеребил стрелу еще раз. Из раны хлынула кровь, что было первым хорошим признаком. Если проявить решительность и не совершить ошибку, ногу удастся спасти.

Хейзит уже удостоверился, что стрела не задела кость и засела где-то рядом. В противном случае пришлось бы делать надрез в ладонь шириной и полпальца глубиной, чтобы высвобождать наконечник. Который все равно не поддавался.

— Зазубрины мешают, — предположил Фокдан, все это время

наблюдавший за мучениями лекаря и пациента с деланым равнодушием. — Если не вырезать с мясом, обратно не пойдет.

— Спасибо за совет, — не оглядываясь, процедил сквозь зубы Хейзит. — Есть еще один способ.

Он подумал о нем сразу же, стоило Фокдану упомянуть про зазубрины. Если стрела не желает уступать и выходить обратно, почему бы ни помочь ей двигаться вперед? Тем более что Фейли уже почти не подает признаков жизни, а Исли давно отпустил его колено и теперь молча сидит спиной к происходящему.

Хейзит положил ногу Фейли к себе на колено и постарался прикинуть на глаз, куда нацелена стрела. В этом месте он двумя взмахами сделал глубокий надрез в виде креста.

— Брось воду и разогрей второй нож, — сказал он Мадлоху. — Раскали докрасна, если получится.

Не обращая больше ни на кого внимания, он подобрал с земли кусок твердой коры, приложил его к торчащему концу стрелы, набрал побольше воздуха, и что было сил надавил. Раненый взвыл, разбуженный болью, и отдернул ногу, опередив Исли, но дело было сделано: похожий на мелкую рыбешку с острыми плавниками наконечник выглянул с противоположной стороны голени.

— Ногу, ногу держите! — крикнул, забыв об осторожности, Хейзит, а сам вцепился в наконечник окровавленными пальцами.

Обломок стрелы медленно ушел в ногу и потом плавно выскользнул следом за наконечником.

— Нож!

Хейзит чуть не обжегся, перехватывая рукоятку. Кровь под раскаленным лезвием зашипела. Аппетитно потянуло жареным мясом. Операция закончилась. Только теперь все поняли, почему Фейли в самый тяжелый момент сохранил молчание: Фокдан отнял от его рта прокушенную до крови ладонь и с кислой миной направился к ручью ее мыть. Хейзит кинул ему использованную тряпку, велев заодно ее простирнуть.

Пока Фейли заново перевязывали ногу — на сей раз не туго, просто чтобы случайно не попала грязь, — Мадлох и Исли брезгливо, но внимательно изучали стрелу.

— Либо шеважа научились ковать железо, — заключил толстяк, — либо они используют против нас наши же собственные наконечники. Нужно будет при случае подсказать оружейникам, чтобы делали поменьше зазубрин — себе дороже выходит.

— А лучше вообще делать стрелы без наконечников, — неудачно пошутил Мадлох и сам же перевел разговор на другую тему: — Что теперь будем с ним делать? — Он кивнул на Фейли, который находился под воздействием вербены и мирно спал на

спине, вытянув ноги и разметав руки по цветочному склону холма.

— Кажется, он уже придумал. — Хейзит указал в сторону кустов орешника, где Фокдан, орудуя ножом и здоровой рукой, срезал стволы подлиннее да потолще, превращая их в жерди. — Если я не ошибаюсь, у нас скоро будут приличные носилки.

Можно было бы отложить сборы на утро, но всем явно хотелось завтра отправиться в путь поскорее, так что если Мадлох лишь наблюдал за действиями Фокдана, хотя и с благодарностью, то Исли не стал сидеть сложа руки и решил ему помочь. Вдвоем они быстро соединили две самые длинные жерди двумя покороче и стали оплетать получившийся прямоугольник гибкими прутьями.

— Надо было поймать того наездника и отобрать у него лошадь. Тогда бы мы давно уже на заставе у Тулли отдыхали, а не здесь сидели, — с недовольным видом вздохнул Мадлох.

— Что ж ты его не поймал? — откликнулся Исли, затягивая прутья в тугие узлы.

Вместо ответа Мадлох отмахнулся и улегся рядом с Фейли.

— Почему у нас такая дурацкая погода? — снова заговорил он через некоторое время. — Днем от жары подыхаешь, а под утро дубеешь от холода. Видать, что-то в природе меняется.

— А давно ли ты последний раз на земле просыпался? — возразил ему, не прерывая работы, Исли. — Сдается мне, что все больше под крышей да возле костра. Вот и не замечал холода. А шеважа, те давно это заметили и теперь только на деревьях и живут.

— А ты почем знаешь? Можно подумать, с твоим ростом кто-нибудь решится взять тебя с собой в рейд на их стойбища.

Исли нисколько не обиделся и только покачал головой, продолжая мастерить носилки. Теперь он делал это один, поскольку Фокдан нашел себе новое занятие: сидя у ручья, он собирал камешки и пригоршнями носил их к затухающему костру. Когда набралась довольно приличная куча, он выбрал самые крупные, разложил их по кругу, наковырял в ручье рыжей глины и принялся мастерить нечто вроде маленькой избушки из камня. В конце концов у него получился эдакий глинобитный домик с единственным отверстием сбоку, предназначения которого Хейзит не понимал до тех пор, пока Фокдан не перенес в него несколько чадящих головешек и не развел новый костер. Глина быстро высохла и затвердела, а вмурованные в нее камешки стали впитывать жар огня и распространять вокруг себя умиротворяющее тепло.

— Печка! — догадался Хейзит.

— Сегодня придется выставлять охрану, — не разделил его воодушевления Фокдан. — Если даже тот всадник не вернется с подкреплением, остальные шеважа наверняка почуют наше присутствие и пожалуют погреться. Кроме того, костер надо поддерживать.

С ним согласились. Начинало смеркаться. Исли подложил под себя носилки и улегся доедать орехи. Заерзал Мадлох. Почувствовав неладное в животе, он с кислой миной сообщил, что уходит недалеко, и скрылся в кустах. Когда наконец вернулся, на лице его ясно читалось облегчение. Есть он отказался, сославшись на отвращение после пережитой операции.

Как ни странно, вопреки всем опасениям ночь прошла относительно спокойно. Разве что под утро их разбудил не холод, а олень или лось, пришедший на водопой и наткнувшийся на спящих людей. Ломая ветки, он бросился обратно в чащу, а Хейзит, чья очередь была сторожить, успел открыть заспанные глаза раньше, чем остальные заметили его промашку. Которая могла бы им всем дорого обойтись, окажись это животное не на четырех ногах, а на двух.

Фейли почувствовал себя выспавшимся и бодрым настолько, что не удостоил изготовленные специально для него носилки вниманием и попробовал сам спуститься к ручью. Хейзит только пожал плечами, когда он, не сделав и двух шагов, со стоном повалился на спину, держась за ногу.

— От питья я бы на вашем месте тоже пока воздержался. Сегодня потерпите, а завтра, глядишь, мы уже будем вне опасности, и Тулли угостит вас каким-нибудь полезным отваром.

Мадлох снова всех удивил, первым вызвавшись нести носилки. Сзади ему помогал Исли. Маленький отряд был вынужден покинуть гостеприимный холм с ручьем и отправиться в путь, стараясь не упускать из виду тропу.

Фейли получил на завтрак новую порцию вербены и всю дорогу дремал, просыпаясь и порываясь встать, лишь когда носильщики клали его на землю, чтобы смениться. Хейзит на правах лекаря цыкал на него, и отряд двигался дальше.

По мере приближения к заветной заставе путники почувствовали себя в большей безопасности и временами утрачивали бдительность. Обычным явлением стали разговоры, скрашивавшие время не только коротких стоянок, но и долгих переходов.

Хейзит исподволь расспрашивал своих спутников о том, откуда они родом и чем занимались до прихода в Пограничье. Он не только предпочитал знать, с кем имеет дело, но и живо интересовался всем новым и необычным. А что может быть

необычнее жизни и взглядов на нее другого человека!

Выяснилось, к примеру, что Исли с Мадлохом, несмотря на разительную разницу в облике и поведении, не просто друзья, а самые настоящие братья. Правда, по отцу. Матери у них были разные, однако это не помешало обоим сдружиться с детства. До вступления в пору зрелости и службы у Ракли они жили в маленькой рыбацкой деревеньке неподалеку от замка и честно думали продолжать дело отца, имевшего собственную сеть и все необходимые для этого ремесла снасти. Отец тоже не возражал, но судьбе было угодно, чтобы новый муж матери Исли вернулся из похода на стойбища осмелевших в то время шеважа и принес вместе с трофеями настоящий боевой арбалет, из которого можно было насквозь прострелить не только зимнюю меховую куртку отца, но и целую собаку. Это открытие знаменовалось для обоих крепкой взбучкой, почему-то не отбившей желания сделаться из рыбаков арбалетчиками. Упорство братьев заставило взрослых безнадежно опустить руки и заложило основу всем последующим событиям. Сначала в гарнизон Граки попал Мадлох, научившийся к тому времени всаживать в деревянную мишень размером с ладонь по пять стрел подряд с расстояния в пятьдесят шагов. Исли долго не брали в Пограничье из-за его чересчур внушительных размеров, грозивших его самого превратить в слишком удобную цель для вражеских луков. Таким образом, начал он свою службу среди эльгяр замка, где, собственно, и наслушался хвалебных историй о поварских талантах матери Хейзита, хотя сам в ее таверне действительно не был ни разу. Нельзя сказать, чтобы все это время он роптал на судьбу, поскольку многим известно, в чем по большей части заключается служба в гарнизоне замка: подольше спать, дышать свежим речным воздухом, передразнивать крики чаек, слетавшихся под самые стены в поисках легкой добычи, да есть от души трижды в день. Исли умудрялся на дню есть раз по пять. При этом ему не представлялось ни малейшего шанса показать на деле свое искусство арбалетчика, не говоря уж о том, чтобы совершить нечто героическое, что заставило бы командиров перевести его поближе к брату.

— Но ведь тебя в конце концов перевели, — уточнил Фокдан. — Значит, что-то все-таки произошло?

— Да нет, — неловко пожал плечами Исли. Он бы и руками развел, да мешали носилки. — Я просто оказался слишком приметным. Вот Ракли и распорядился меня отправить туда, где я был нужнее.

— Что, сам Ракли? — не поверил рассказчику Фокдан. — Не слыхал, чтобы он принимал такие решения просто так да еще собственнолично. У него на это другие начальники имеются. Я в свое время тоже при замке начинал, так ни разу с ним даже поговорить не пришлось. Не желаешь рассказывать правду — не надо, но я тебе не верю.

Исли надулся и некоторое время молчал. Наконец не выдержал и неохотно сообщил:

— Ракли запретил мне об этом говорить.

Фокдан чуть не расхохотался, но спохватился.

— Давай подменю тебя, — внезапно предложил он. — Уж больно ты меня развеселил своими штучками.

— Это не штучки. — Исли продолжал тащить носилки. — Не могу же я все выбалтывать первому встречному. Я даже от матери до поры до времени скрывал, что у отца появилась новая женщина — мать Мадлоха.

— До поры до времени? А потом, знать, все-таки раскололся?

— Он сам ей во всем признался.

Фокдан не нашел что возразить, и тема была закрыта. Что до него самого, то Фокдан не баловал слушателей подробностями своего житья-бытья. Родился при замке, служил при замке, потом вместе с отцом скитался от заставы к заставе, пока не осел там, где теперь осталось пепелище. Воспоминание об отце вынудило Фокдана закончить и без того немногословный рассказ и погрузиться в себя. И он, и его теперешние товарищи по несчастью не сомневались, что все прочие защитники заставы погибли. Да и не нуждался старый Шиган, отец Фокдана, в лишних представлениях. На заставе его знали и уважали как мудрого помощника Граки и проповедника культа Кедика, его убиенного брата.

— А ты, если не ошибаюсь, каменщик? — прервал затянувшееся молчание Мадлох, уступая Хейзиту свое место у носилок.

— Строитель, — поправил тот и поправился сам: — Пока что в чине подмастерья.

— «В чине подмастерья» звучит впечатляюще, — хохотнул Исли. — С таким чином впору замки возводить. Я вашего брата, извини, не слишком жалую, — добавил он, смачно сплевывая в сторону. — Может, хоть ты теперь убедишь кого следует, что вабонам в Пограничье нужны настоящие заставы, а не те деревянные игрушки, что горят — ты и сам видел как.

— У нас мало каменоломен, — пробурчал Хейзит, самолюбие которого было больно задето.

— Но на замок, похоже, хватило? — снова сплюнул Исли.

— Без замка нам всем была бы хана, — неожиданно заступился за юношу Фокдан. — А деревянные заставы вон уже сколько времени служили нам верой и правдой. Его вины тут нет.

— Будет, если я не скажу об этом Ракли. — Голос Хейзита прозвучал на удивление твердо. — Я прекрасно знаю, что вы все думаете о нас, строителях, а тем более после того, что произошло. И хочу сказать, что это несправедливо, потому что мы говорим об одном и том же. Теперь у нас, к сожалению, есть неопровержимые доказательства нашей правоты. Нужно добиться незамедлительной встречи с Ракли.

— Исли нам поможет, — усмехнулся Фокдан. — У него с Ракли общие секреты. Правда, Исли?

— Кривда! — Толстяк от обиды тряхнул носилками так, что Фейли застонал и проснулся. — Ракли любого примет, если сочтет нужным.

— Надо добиться этого во что бы то ни стало, — повторил Хейзит. — Мой отец был у него мастером по постройке стен. Я сам рассказывал ему о своих задумках насчет укрепления нынешних застав. Он не может меня не выслушать и на этот раз.

— Эк ты хватил! — протянул Мадлох. — Уж не с Локланом ли ты дружен, что у тебя все так запросто выходит?

— А вам что с того? Пусть и с Локланом. — Хейзит перевел дух. Он не привык пререкаться со старшими, и начавшийся спор давался ему нелегко. — Локлан ничуть не хуже, а то и получше отца знает, что нужно делать.

— Локлан знает, что нужно ему, — подал слабый голос Фейли, приподнимаясь на локте и с интересом разглядывая своих носильщиков. — В остальном я не был бы так уверен. Где мы сейчас?

Его прямой вопрос поставил всех в тупик. Путники переглянулись.

— Я не вижу тропы, — продолжал Фейли. — Если вы умудрились ее потерять, то в лучшем случае мы ходим по кругу. Лес не прощает невнимательности.

Фокдан понимающе кивнул и скользнул за деревья. По возвращении он с нескрываемым облегчением сообщил, что тропа никуда не делась, хоть они и забрали шагов на сто правее.

Фейли заметно полегчало. Он первым предложил сделать привал и, воспользовавшись тем, что его добровольные носильщики присели поесть орехов и набранных по дороге ягод, попытался походить самостоятельно. Ему было по-прежнему больно и неудобно переставлять перевязанную ногу, однако не настолько, чтобы при необходимости нельзя было отказаться от носилок. Сам он считал, что такая необходимость давно назрела,

тогда как остальные полагали обратное и призывали его не гневить судьбу.

В спор вмешался Хейзит, подошедший к Фейли с несколькими сорванными листьями бурого цвета и заостренной формы.

— Вот что вам должно помочь. Это растение называется эколи, и листья его просто замечательно заживляют раны. Давайте подложим их под повязку, и скоро вам будет гораздо лучше.

— Где ж ты раньше был со своим эколи? — присвистнул, забыв об осторожности, Мадлох.

— А вы пойдите и найдите сами, — огрызнулся Хейзит, не обращая внимания на успокаивающий жест Фейли. — Я, между прочим, искал его всю дорогу от самого холма и случайно обнаружил только здесь. Не нужно обвинять других в том, чего не можете сделать вы.

— Парень верно говорит, — кивнул Исли. — А ты перестань брехать, братец. Мы должны быть ему благодарны за то, что он нас вывел из того пекла, и теперь мы можем надеяться на скорое избавление от этих напастей.

— Судя по всему, — заметил Фокдан, — ты собираешься вернуться в свою деревню к ремеслу рыбака?

— А почему бы и нет? С меня всех этих приключений довольно. Можно подумать, вы со мной не согласны. Всем хочется пожить в покое.

— Пожить в покое? — переспросил Фейли, завязывая на щиколотке последний узел и блаженно вытягивая ногу. Он сидел, прислонившись спиной к стволу дерева и обводил взглядом ближайшие кроны, словно именно оттуда ожидал подвоха. — Да, о покое мечтает всякий. Только объясни-ка мне, о каком покое ты говоришь, если нетрудно догадаться, что завтра шеважа сожгут очередную нашу заставу, отрезанную где-то в лесу, потом — еще одну, а потом наведаются и к тебе в деревню. А как спалят и ее, со всеми вашими удами, сетями и рыбаками, то подступятся к замку и когда-нибудь возьмут его если не силой, то измором. Кому тогда будет спокойно?

— Всем, — в тон ему добавил Фокдан и усмехнулся. — И нашим павшим братьям и сестрам, и переселившимся в наши дома шеважа.

Исли почесал затылок и хмуро умолк.

— А что предлагаете вы? — пришел ему на выручку Мадлох. — Бегать по лесам целым войском и пытаться побить врага на его же территории? Могу только пожелать вам удачи.

— Это, во всяком случае, будет полезнее, чем ловить

рыбку. — Фокдан извлек из ножен кинжал и проверил остроту лезвия.

— Если так рассуждать, — снова заговорил Фейли, — то мы и сейчас на вражеской территории. Только когда-то шеважа в этих местах не водились. И вабоны могли жить спокойно — в покое, как выражается Исли, — повсюду, а не только вдоль берегов Бехемы. И я бы дорого дал, чтобы эти времена вернуть. Или кто-нибудь не согласен, что Пограничье должно принадлежать вабонам? — Никто спорить не стал, и Фейли продолжал: — Пускай шеважа убираются туда, откуда пришли их дикие предки. Не знаю куда, но думаю, места на земле хватит всем. Только у каждого она должна быть своя. И, по-моему, сейчас наступает как раз тот момент, когда нам сподручнее всего покончить с шеважа. Ждать еще — опасная ошибка. Мы ведь даже не знаем точно, сколько их развелось по лесу. Так что, отвечая на твой вопрос, Мадлох, я бы сказан: да, мы должны воспользоваться тем, что в Пограничье пока еще существуют наши заставы, и объявить шеважа войну. Войну до последнего. Быть просто соседями мы больше не можем. За нами наблюдают.

Последнюю фразу он произнес с тем же спокойным выражением на лице, что и все предыдущие, но она заставила всех дружно запрокинуть головы и осмотреться. Никто ничего не увидел. Пели птицы да в кронах деревьев шелестел вечерний бриз.

— Кто наблюдает? — сглотнул Исли, переходя на шепот.

— Сидите тихо и не вертитесь, — пропел Фейли, не сводя глаз с одной точки. — Если бы это были шеважа, мы бы давно пересчитывали воткнутые в нас стрелы. А пока просто делайте вид, будто ничего не замечаете. Там определенно кто-то прячется.

— Да где? — вспылил Мадлох.

— Сиди смирно! — прошипел Фокдан, продолжая рассматривать свой кинжал. — Ты их видишь?

— Я тоже вижу, — сказал Хейзит и потупился. — Соснах в пяти от нас. Довольно высоко. Голова в зеленом колпаке. Выглядывает из-за ствола и снова прячется.

— Неплохое зрение, — хмыкнул Фейли. — Похоже, ты не только перевязки умеешь делать да стены из камня класть. В зеленом колпаке, говоришь? Я этого пока не разглядел. Ну да ладно, стоит рискнуть.

Остальные, кто с удивлением, кто с плохо скрываемым страхом, следили, как он медленно встает на ноги, широко разводит руки в стороны и громко кричит в чащу леса:

— Выходите, люди добрые! Не прячьтесь, покажитесь! Мы, поневоле странствующие виггеры, не причиняем зла никому,

кроме шеважа.

Деревья вокруг словно ожили, и к изумлению путников, не по одному, а сразу по многим стволам стали быстро спускаться люди в бурых лоскутных плащах и с зелеными повязками на голове, которые издалека можно было легко принять за колпаки. Через мгновение их маленький лагерь обступила добрая дюжина бородатых молодцев с луками наперевес. Только тогда Фейли опустил руки и безмятежно сел на траву. Бородачи переглянулись, и тот, кто был старшим, сказал:

— Кто вы?

— Честно говоря, мы рассчитывали на более дружескую встречу, — ответил Фейли, подмигивая Хейзиту, у которого нижняя челюсть никак не хотела встать на место. — Далеко ли до вашей заставы, ребята?

— Кто вы? — повторил свой вопрос бородач, хотя по его голосу чувствовалось, что он уже сомневается, нужно ли соблюдать формальности.

— Меня зовут Фейли. А это Фокдан, Мадлох, Исли и Хейзит. Остальные подробности мы изложим в личной беседе с вашим предводителем, которого, если я не ошибаюсь, по-прежнему зовут Тулли.

Бородачи снова переглянулись. На суровых, обветренных лицах заиграли улыбки. Старший опустил лук и, следуя обычаю, тоже представился:

— Я — Ковдан, командир лазутчиков на заставе упомянутого тобой Тулли. И если ты покажешь мне того из моих людей, которого тебе удалось заметить, я готов тут же доказать, что умею вершить справедливый суд.

— Ничего вершить не надо, — остановил его праведный пыл Фейли, невольно взявший на себя роль главного переговорщика — роль, которую никто из его спутников не спешил оспаривать. — Мы просто знали, что вы должны вот-вот появиться, и потому были готовы к встрече. Как видите, мы уже не первый день в пути и порядком отощали на одних орехах да полудиких ягодах. Так что было бы просто замечательно, если б кто-нибудь из вас, Ковдан, смог отлучиться с дежурства и препроводить нас к Тулли, для которого, боюсь, у нас не самые радостные новости.

— Откуда путь-то держите? — вмешался с вопросом высокий лазутчик с худым лицом, борода на котором смотрелась жиденькой мочалкой.

Фокдан собрался было ответить, но Фейли положил ему руку на плечо и кивнул в обратном направлении:

— Вон оттуда. Если хочешь, пойдем покажу.

— Да ты, Фейли, похоже, и ходишь-то с трудом, — заметил Ковдан, метнув на выскочку грозный взгляд. — Подстрелили?

— Была незадача. Да вот друзья меня к носилкам привязывают и тащат. Далеко до заставы будет?

Ковдан посмотрел на сереющее небо, призадумался и предположил, что если прямо сейчас тронуться в путь, то дойти можно еще засветло.

— Только надо поспешать, а то сдается мне, что погода портится и будет дождь с грозой.

— К этому нам не привыкать, — вздохнул Исли, непонятно что имея в виду.

Между тем Ковдан отдал необходимые распоряжения. Троим лазутчикам, включая худолицего, который звался, разумеется, Килем,[12] было велено в целости и сохранности довести гонцов до заставы и лично представить Тулли.

Хейзит сперва даже удивился тому, что Фейли под предлогом секретности донесения всячески избегает рассказывать лазутчикам, что же с ними произошло на самом деле. Ему представлялось справедливым, чтобы о грозящей опасности знали все вабоны. Однако, поразмыслив на досуге, которого у него теперь стало значительно больше, ибо появились три нары лишних рук, способных нести носилки, он пришел к выводу, что Фейли и здесь проявил завидную мудрость. Об участи, постигшей их заставу, должен в первую очередь узнать человек, от правильности решений которого зависит дальнейшая судьба другой заставы. Сейчас этим человеком был Тулли. В противном случае дурная весть облетела бы все Пограничье и, обрастая всевозможными домыслами и небылицами, только помешала бы избрать верную стратегию.

Теперь путники продвигались по лесу гораздо быстрее. Лазутчики хорошо знали местность и шли уверенно, не тратя времени на поиск ориентиров. Плохо себя чувствовал разве что Фейли, да и то лишь потому, что всячески порывался слезть с носилок и идти самостоятельно. Друзья не обращали на него внимания, красноречиво давая понять, что он вовсе не является их предводителем.

К сожалению, Ковдан оказался прав: когда путники уже видели впереди долгожданные факелы на стенах заставы, с неба на них полил сильный, хоть и теплый, дождь. К воротам с предусмотрительно поднятым мостом они добрались мокрые до последней нитки. Со стен их окликнул невидимый за бойницей стражник. Киль назвал себя и добавил, что надерет спросившему задницу, если тот сейчас же не опустит мост. Хотя ответом ему был дружный хохот приятелей незадачливого стражника, мост со

скрипом пополз вниз.

Двор, в который они вступили, мало чем отличался от двора их собственной заставы: те же деревянные избы, хозяйственные постройки, амбары с провиантом, вооруженные кто чем стражники, неторопливо прогуливающиеся по рантам. Только холм, на котором возвышалась высокая деревянная башня, был насыпан в самом центре двора, да к звукам леса и солдатской жизни примешивалось тихое ржание лошадей.

Тулли оказался, как ему и следовало по чину, в башне. Он сидел на втором ее этаже, в трапезной, за широким дубовым столом и ужинал, запивая бараньи ребрышки добрым хмельным пивом. Сказывались относительная близость заставы к замку и проистекающие от этого возможности по части снабжения.

При виде Киля розовощекое лицо Тулли нахмурилось, но, когда следом за лазутчиком в помещение один за другим вошли усталые путники, он просиял, поднялся из-за стола и приветствовал их с распростертыми объятиями. Именно такой, каким его помнил Хейзит со времени своего предыдущего визита.

Тулли отпустил лазутчиков подкрепиться с дороги с условием, что они, не откладывая, вернутся в лес к исполнению своих прямых обязанностей, а сам усадил нежданных гостей за стол и позвал слуг, чтобы те позаботились о достойном угощении.

— Вы едва разминулись с Локланом и его свитой, — первым заговорил он, когда все заняли свои места и машинально взялись за наполненные до краев бокалы. — Похоже, он так спешил показать свою новую знакомую отцу, что переночевал у меня прошлой ночью, а утром отправился в замок. Надеюсь, дождь не успеет его замочить. Вы видели его рыжую красотку, не так ли?

— Видеть-то видели, — ответил Фейли после короткой паузы. Он словно выждал, не захочет ли кто взять на себя тяжкую обязанность испортить столь гостеприимному хозяину настроение, однако желающих не нашлось, и он продолжал: — Да только думаю, про нее все забудут, когда узнают то, о чем сегодня знаем, увы, только мы. — Заметив, что Тулли поставил бокал на стол и насторожился, он посмотрел на своих спутников, будто призывая их в свидетели. — Шеважа перешли в наступление. Они научились управлять огнем. Наша застава сгорела. Ее больше нет. Боюсь, нам придется, не откладывая, поспешить следом за Локланом, чтобы предупредить Ракли.

— Нет уж, сидите! — резко повысил голос Тулли и даже закашлялся. — О таких вещах на скорую руку не говорят. Голод и усталость — плохие друзья и советчики. Так что давайте-ка ешьте как следует да запивать не забывайте, а пока суд да дело расскажите мне поподробнее, что случилось и что вы об этом

знаете. Только говорите о том, что видели сами. А то есть тут у меня всякие умники, которые горазды языком трепать, да все больше байки разносят.

По мере того как гости по очереди описывали выпавшие на их долю испытания, лицо Тулли из розового становилось пунцовым. Он больше не прикасался к пиву и только сосредоточенно грыз давно обглоданную баранью кость. Прервал их рассказ он лишь однажды, когда Хейзит упомянул про встречу с черным всадником.

— Это что еще за пострел такой шатается по нашим лесам! Надо будет Ковдана настропалить, чтобы отыскал его.

— Как бы тот сам его не отыскал, — усмехнулся Фокдан. — Парнишка-то явно боевой. Его сперва увидеть надо, чтобы так просто о поимке говорить. А вот Хейзит с Фейли твоих лазутчиков еще на деревьях углядели.

«Последнее замечание было лишним», — подумал Хейзит, живо представив, что теперь грозит незадачливому Ковдану и его людям, однако Тулли притворился слишком увлеченным их рассказом, чтобы обратить должное внимание.

— Вы кому-нибудь уже говорили о том, что случилось? — спросил он, когда последний из гостей выжидательно замолчал.

— Сеять панику — не наше дело, — снова взял слово Фейли. — Теперь ты все знаешь и можешь усилить охрану своей заставы. Ракли узнает — ему решать, что делать с остальными.

— Правильно рассуждаете, — хлопнул Тулли ладонью по столу и только сейчас позволил себе сделать глоток. Глоток затянулся. Отняв от влажных губ пустой бокал, Тулли вытерся рукавом и поковырял пальцами в зубах. — А раз я тут главный, слушайте мою команду. Как говорили наши предки, утро вечера мудренее. Вам постелют здесь, в башне. Ступайте спать, а завтра я дам вам лошадей, и вы доскачете до замка. Передайте Ракли и Локлану от меня поклон и скажите им, что происходит ровно то, о чем я их давно предупреждал. А тебя, малый, Локлан, помнится, каменщиком назвал, — обратился он к Хейзиту.

— Я просто строитель, — уточнил тот, радуясь, что теперь-то среди спутников поубавится сомневающихся в его правдивости.

— Может, останешься у меня? — внезапно предложил Тулли. — Оглядишься, посмотришь, что к чему, а там и с укреплениями поможешь. Сам понимаешь, умные головы на дороге не валяются.

— Я бы рад, — не покривил душой Хейзит. — Но только я надеюсь выпросить у Ракли помощь не для одной лишь вашей заставы, а для всех. Если он мне потом позволит, я с удовольствием к вам вернусь.

— На том и порешим, — кивнул со вздохом Тулли. — Доедайте, допивайте, а я пойду пока немножко на ночь покомандую.

Он встал и вышел из трапезной, предоставив гостей самим себе и улыбчивым слугам.

— Как поступим? — обратился к спутникам Фокдан. — Подчинимся этому доброму человеку и воспользуемся его гостеприимством или же попросим посадить нас на лошадей прямо сейчас и отправимся в путь?

— Я бы сперва отдохнул да поспал, — чистосердечно признался Исли. — Здесь все ж спокойнее, чем в лесу, да и под дождем неохота мокнуть.

— Я готов в путь хоть сейчас, — сказал Хейзит, хотя по его кислому виду было понятно, что он надеется на сопротивление большинства.

Мадлох только плечами пожал. Ему определенно нравилось местное пиво.

Все ждали, что ответит Фейли.

— Если я хоть что-то смыслю в людях, — заговорил тот наконец, — то наш добрый Тулли уже снаряжает гонцов в замок. Не станет же он ждать, пока мы выспимся, подкрепимся, прискачем за полдень к Ракли и сами расскажем ему о столь важных событиях. Думаю, мы сделали все, что было в наших силах, и теперь со спокойной совестью можем вздремнуть.

Его слова были встречены согласными позевываниями и потягиваниями.

Предназначавшееся для гостей помещение находилось на третьем этаже башни, прямо над трапезной. Разумеется, здесь находили приют далеко не все гости заставы, а лишь те, которых Тулли принимал сам. В прошлый раз, когда Хейзит путешествовал в свите Локлана, он останавливался здесь же. Тогда их было больше дюжины, однако места хватило всем.

Сейчас Хейзит поспешил занять дальний от лестницы угол, где, как он отчетливо помнил, между бревнами имелась невесть откуда взявшаяся дыра, через которую снаружи проникал свежий ночной воздух и были хорошо видны озаряемые факелами укрепления и часть черного леса.

Не успел он как следует устроиться на грубой холщовой подушке, повернувшись на бок, лицом к стене, как сзади послышался тихий голос Фейли:

— Сразу спать надумал, строитель?

Хейзит удивленно оглянулся. Фейли сидел рядом, приложив к губам палец, что должно было означать необходимость соблюдать тишину. Хейзит покосился на остальных своих

спутников. Те уже разбрелись по другим углам и гасили последние лампы. Помещение на глазах погружалось во мрак.

— Я вижу, ты парень смышленый, — так же тихо продолжал Фейли. — Больше думаешь, чем говоришь. И немало, надо признать, успел для своего возраста. Во всяком случае, знаешь и чем хочешь заниматься дальше, и нужных людей. Не возражаешь, если я прилягу и кое о чем с тобой поболтаю на сон грядущий?

— Ложитесь. — Хейзит инстинктивно подвинулся.

Фейли усмехнулся.

— Хотя и наивный, — заметил он, словно продолжая незаконченную фразу. — У Тулли здесь можно полгарнизона разместить без особых хлопот. И еще для Исли полно места останется.

Хейзит ответил улыбкой, правда, едва ли собеседник увидел ее в темноте.

— Честно говоря, я не то чтобы душу излить или посоветоваться пришел, — снова заговорил Фейли, подкладывая под голову вместо подушки руки и глядя в потолок. — Просто пока вы меня через лес тащили, я кое о чем мог спокойно подумать и вот теперь, оказавшись здесь, в относительной безопасности и покое, как выражается наш упитанный товарищ, лишний раз убедился, что некоторые мои сомнения не беспочвенны.

— Сомнения? — переспросил Хейзит, глядя через дыру на группу охранников, которые сидели на рантах неподалеку от ворот и играли во что-то под дождем при тусклом свете факела.

— Вот то-то и оно, что сомнения. — Фейли положил ногу на ногу. — Думаю, не нужно даже быть строителем, чтобы понять, о чем я говорю. Тебе ведь наверняка приходилось подниматься на башню? Я имею в виду, вроде этой, на заставе.

— Конечно. И в замке тоже.

— Я хоть в основном по земле да по стенам ходил, а на башню раз-другой все-таки захаживал. Вот у меня и возник сам собой вопрос: что с нее видно?

— Лес, — ответил первое, что пришло на ум, Хейзит, не понимая, в чем подвох.

— А еще?

— Не знаю. Еще лес?

— А если как следует присмотреться? Можно сказать, у самого горизонта. Ну?

Хейзит вспомнил, как в первый день по приезде на заставу поднимался на башню вместе с Локланом, и тот показывал ему окрестности. Что же они там видели у горизонта?

— Другие башни! — осенило его.

— Именно, — кивнул потолку Фейли и призвал собеседника соблюдать тишину. — А теперь скажи мне, что здесь не так.

— В каком смысле?

— Признаться, старина, я был о твоих способностях несколько лучшего мнения. Ногу ты мне, во всяком случае, почти починил. Ну да ладно, не обижайся. Так вот слушай, что я по этому поводу думаю. — Он помолчал, нарочно затягивая паузу, но когда наконец продолжил, голос его звучал, по обыкновению, буднично и спокойно: — Представь себе, что видно с башни, если одна из застав объята пожаром? Могу тебе точно описать: если дело происходит днем, то над лесом ты наверняка увидишь целый столб дыма, а если ночью — яркое зарево. А теперь ответь мне: как могло случиться, что о пожаре на нашей заставе Тулли впервые услышал от нас?

Хейзит задумался. В размышлениях Фейли был определенный смысл, однако он пока не улавливал, какой именно. Оставалось разве что предположить вслух:

— Дозорные проглядели.

— В лучшем случае.

— Или видели, но не поняли, что это.

— Что ж, и такое случается. Не каждый ведь день пожары.

— Или видели, поняли, но не доложили.

— Вот это объяснение самое нежелательное. А больше ты ничего придумать не можешь?

— Кажется, нет. А вы?

— Видели, поняли, доложили.

Хейзит оторвался от созерцания двора и перевернулся на спину:

— То есть как? А он что?

— А вот этого мы с тобой уж точно не знаем. Просто не верится мне, что наш добрый Тулли сидит в своей трапезной целыми днями и только и делает, что ест да пьет в компании гостей или сам по себе. Я под его командой не стоял, но слышал, что он человек толковый и до предводителя заставы дослужился не просто так. Выходит, он у себя слепых дозорных не держит и сам ни к чему не слеп и не глух.

— Нет, хоть все это мне теперь тоже представляется довольно странным, однако не хотите же вы сказать, что здесь есть какой-то умысел, какой-то заговор?

— О, молодой мой друг, если бы я усмотрел в этом заговор, то мы бы с тобой сейчас не разговаривали! — повысил голос Фейли и осекся. — В домах предателей я редко ночую. Я бы уже был далеко и беседовал вовсе не с тобой. А потому меня сейчас еще больше интересует, знает ли о том, что произошло на нашей

заставе, сам Ракли. Как ты полагаешь, с башен его-то каменного замка лес виден куда лучше, чем с наших, деревянных?

— Вы думаете…

— В том, что я думаю, пока нет никакого смысла. Если Тулли знал, что случилось, зачем ему было делать вид, что он удивлен нашему рассказу? Если Ракли долгие годы сражается с шеважа, почему его отборные воины не встретились нам по дороге сюда? Будь я на его месте, то первым делом снарядил бы войско, чтобы разведать, в чем дело, и помочь пострадавшим.

— Мне кажется, вы спешите с выводами, — сказал Хейзит, поразмыслив и снова повернувшись лицом к дыре. — Мы же не знаем, что предпринял Ракли, если ему успели донести о пожаре.

— Но согласись, что прошло уже без малого два дня. Или даже три, поскольку я сбился со счета. Мы шли сюда почти по прямой дороге и все равно никакой армии не видели. Я немного знаком с Локланом и уверен, что уж он-то наверняка повернул бы с полпути, чтобы возглавить карательный отряд.

— И все же я бы на вашем месте лег сейчас спать, — удивился собственному спокойствию Хейзит. — Тулли, я согласен, ведет себя странно, хотя ему можно при желании найти оправдания. А про Ракли я бы пока вообще не стал говорить, — буквально ощущая затылком ироничный взгляд собеседника, он добавил: — Ну сами посудите. Ракли мог все узнать и послать, как вы говорите, отряд для проверки. Но не большой, карательный, а маленький, разведывательный. Если это были лазутчики, им ничего не стоило проскользнуть мимо наших стоянок незамеченными, к примеру, под покровом ночи. А Тулли он вообще мог велеть держать язык за зубами.

После его слов воцарилось молчание.

Фейли ворочался с боку на бок и что-то неразборчиво бормотал себе под нос. Хейзит успел даже придумать и отбросить еще более простое объяснение: наблюдатели с башен и из замка могли принять зарево пожара за предрассветные зарницы. Но для этого им пришлось бы перепутать восток с западом.

— Может, ты и нрав, строитель, — послышался наконец глубокий вздох Фейли. — Надеюсь, что прав. Очень надеюсь. Иначе, боюсь, мы зря преодолели весь это путь через лес. Похоже, я слишком долго не видел никого, кроме виггеров.

Он умолк, и скоро из-за спины Хейзита донеслось мерное похрапывание.

Наутро Хейзит пробудился с мыслью о том, стоит ли посвящать в их ночной разговор остальных спутников. Не успел он об этом подумать, как обнаружил, что проснулся вовсе не сам: Фейли тряс его за плечо и что-то говорил.

— Нас зовут? — не понял Хейзит.

— Никто нас, к счастью, пока не зовет. Слишком рано. И дождь до сих пор не перестал. — Фейли отпустил его плечо и придвинулся поближе, чтобы их не услышали. — За ночь у меня возникла новая мысль, и я теперь не знаю, стоит ли вообще дожидаться, пока все проснутся.

— То есть?

— Похоже, нам лучше уносить отсюда ноги, причем даже не в сторону замка.

Хейзит окончательно проснулся и теперь смотрел на собеседника широко открытыми глазами.

— Вы в своем уме?!

— Погоди, строитель, не горячись. Послушай меня. — Фейли приложил палец к губам. Если бы Хейзит не помнил ту целесообразность, которой до сих пор были исполнены все его соображения и советы, он бы решил, что имеет дело с помешанным: глаза Фейли ввалились, лицо осунулось — все говорило о ночи, проведенной без сна. — Мне не дают покоя всего две вещи. Подумай сам. Во время штурма заставы ты хоть одним глазком видел, кто на нас напал?

— Кажется, видел, — неуверенно ответил Хейзит.

— «Кажется» или видел? Думаю, что «кажется». Потому что я тоже никого не видел. И никто из нас не видел. Стреляли из-за стен. Странно?

— Не сказал бы. Если бы мы увидели шеважа, это означало бы нашу верную смерть. Просто нам удалось спастись быстрее, чем шеважа прорвались за стены.

— Я даже рад, что делюсь своими сомнениями с тобой первым. Ты всему умеешь найти подходящее объяснение. — Фейли вымучил улыбку. — А теперь сопоставь два факта: с одной стороны, мы не можем быть уверены, что на нас напали шеважа… — Он поднял руку, останавливая все возможные возражения. — А с другой, стрела, которую ты вытащил у меня из ноги, была чья?

— Шеважа.

— Разве? А мне почему-то кажется, что я помню, как Исли узнал по наконечнику стрелу вабонов. Или я опять ошибаюсь?

Нет, он не ошибался, Хейзит сам присутствовал при том разговоре. Теперь и ему сделалось не по себе. Но он не хотел так легко сдаваться.

— Если вы помните тот разговор, мы пришли к выводу, что шеважа просто-напросто используют наши стрелы. Исли даже пошутил, что впредь наши оружейники должны делать наконечники без зазубрин. Что, скажете, плохое объяснение?

— Плохое. Очень плохое. — Фейли так нервничал, что не мог больше лежать и сел. — Оно было бы ничего, если бы не все остальные совпадения. Шеважа внезапно научаются управлять огнем. Затем сжигают таким образом нашу заставу, и при этом никто из нас их не видит. При этом они используют наши же собственные стрелы. При этом на остальных заставах пожара не видят или отказываются замечать. При этом наш подробный рассказ воспринимается как новость, но не настолько важная, чтобы бить тревогу и собирать карательные силы в замок.

— Последнее мы не можем утверждать наверняка, — попытался возразить Хейзит.

— Не можем? Да скоро мы вообще ничего не сможем, если будем сидеть здесь и ждать, чтобы нас разбудили да накормили вкусным завтраком.

— Вы считаете, это заговор?

Страшное слово само сорвалось с языка. Хейзит прикусил губу и огляделся: кроме них, все по-прежнему спали.

— Я этого не говорил. Но сейчас ты, боюсь, недалек от истины. Предлагаю бежать отсюда.

— А потом?

— А потом скрываться до тех пор, пока мы не убедимся, что наши подозрения не оправдались.

Предложенный план был привлекателен своей простотой.

Хейзит выглянул через дырку в стене. Серый рассвет. Дождь. Воины в мокрых плащах чинно прохаживаются по рантам. Возле стены пасется несколько коней.

— Второй побег с заставы за последние несколько дней — не многовато ли? Да и не сбежишь отсюда так просто: ворота подняты, эльгяр на посту.

— И это говоришь мне ты, знаток тайных ходов?

Хейзит решительно сел, почесал обеими руками давно не мытую голову и встал на ноги.

— Если бежать, то всем.

— Не уверен. — Фейли прошелся между спящими. — Некоторым это может не понравиться, а кто-то начнет задавать слишком много глупых вопросов. Я бы оставил их в покое.

Исли заворочался. Во сне задел ногой брата, и тот открыл один заспанный глаз.

— Это кто же задает глупые вопросы? — в довершение всего поинтересовался бодрым голосом Фокдан, оставаясь лежать с закрытыми глазами.

Хейзит поймал сокрушенный взгляд Фейли и пожал плечами. Они дождались, когда вся троица окончательно проснется, и в двух словах изложили ход своих мыслей.

— Я это предвидел, — сказал Мадлох.

— Чушь собачья, — открыл глаза Фокдан.

— А как же наши семьи? — спохватился Исли.

Последнее замечание заставило Хейзита снова посмотреть на Фейли. Он упустил из виду, что в случае нового побега вернуться к матери и сестре получится нескоро.

— Именно поэтому я и не настаиваю на том, чтобы вы все следовали моему плану, — проговорил Фейли. — У каждого теперь должна быть своя дорога. Кто-то из вас слепо верит нашим правителям. Для кого-то важнее всего дом и родные. У меня семьи нет, а обитателям Вайла'туна я не верил отродясь. Так что предлагаю на этом и расстаться. Хейзит, у меня к тебе будет единственная просьба: если ты не собираешься прислушаться к здравому смыслу и уйти вместе со мной, будь добр, помоги мне отыскать подземный ход. А если уйдут не все, тем лучше: Тулли не сразу спохватится и у меня будет возможность выбраться на свободу.

С этими словами он направился к лестнице. Хейзит последовал за ним. Мадлох, как ни странно, тоже.

— Ты-то куда поперся? — огорошенно окликнул его Исли. — Совсем сдурел?

— Может, и сдурел, да только лучше я посмотрю на тебя со стороны, когда ты будешь докладывать о пожаре Ракли, а он велит заковать тебя в кандалы как смутьяна и отправить на работы в каменоломню. Мне мой арбалет как-то ближе, чем кувалда.

Исли надулся от обиды, но смолчал.

Фокдан остался равнодушно лежать на полу.

Втроем они спустились по лестнице в трапезную и не обнаружили там никого, кроме слуг. Выйдя из башни, попытались напустить на себя независимый вид и двинулись в направлении ворот, переходя от дома к дому. Хейзит только предполагал, где может скрываться потайной ход, но не знал наверняка. Попадавшиеся им на пути воины косо взирали на мокнущих без плащей чудаков, однако с расспросами не приставали. Сказывалась безмятежная жизнь на самом краю Пограничья, куда с незапамятных времен не ступала нога ни одного шеважа.

— Простые эльгяр явно ни о чем не догадываются, — отметил Хейзит.

— Думаю, так было и будет всегда. Те, кто обладает даром догадываться о сути происходящего, либо становятся нашими предводителями, либо гибнут раньше времени при загадочных обстоятельствах, — назидательно заметил Фейли.

— Интересно, догадывается ли наш провожатый, где

находится люк в подземелье? — не слишком обходительно вставил Мадлох. — Мы так можем кружить до ночи.

— Сюда, — решительно надавил плечом на покосившуюся дверь Хейзит. В душе он был даже рад, что некоторые из бывших спутников покидают его. Мадлоха он невзлюбил с самого начала их трудного пути.

Они оказались в обычном деревенском хлеву, где в загонах похрюкивали свиньи, а в узких ящиках с решетками вместо стен прогуливались нахохлившиеся курицы. Строители застав избегали размещать вход в подземелье в жилых избах, чтобы их обитатели не обнаружили его по случайности. Это и был один из принципов, которым руководствовался Хейзит во время поисков. Другим принципом была близость постройки к стене. Существовали и некоторые иные хитрости, однако Хейзиту хватило и первых двух. Он сам порадовался в душе произведенному на Фейли и Мадлоха впечатлению, когда отодвинул в дальнем углу хлева тяжелый с виду ящик и указал на скрывавшийся под ним лаз.

— Как видите, здесь они даже не стали делать люк. — Он посторонился. — Ну, бывайте.

— Ты уверен, что не хочешь с нами? — Фейли был серьезен и не обращал внимания на Мадлоха, который уже по пояс скрылся под землей.

— Мне будет грустно, если вы окажетесь правы, — ответил Хейзит.

— Смотри, как бы не было слишком поздно, строитель. — Он положил ему руку на плечо. — Что ж, желаю тебе успеха в разговоре с Ракли.

Дождавшись, пока его голова скроется в дыре, Хейзит задвинул ящик на место и, не оглядываясь, вышел из хлева.

Только на улице он подумал, что будет говорить Тулли, когда тот спросит, куда подевались остальные гости. Не скажешь ведь, что они решили еще ночью податься в замок: для этого нужно либо перелезать через совершенно не приспособленные для этого стены заставы, либо ломиться в запертые ворота, возле которых всегда есть охрана. Да к тому же легко выяснить, что мост ночью никто не опускал.

Вернувшись в башню, он застал своих спутников в трапезной. Тулли был тут же и выглядел усталым и невыспавшимся.

— А мы уж заждались, — сказал он, указывая Хейзиту на место возле себя. — Осталось дождаться скольких, двоих?

По лицами Фокдана и Исли Хейзит понял, что они избежали объяснений с Тулли и признались в собственном неведении.

— Не думаю, что мы их дождемся, — сказал он первое, что

пришло ему в голову, и сел за стол. — Я искал их повсюду, но нигде не нашел.

На самом деле Тулли было достаточно бросить клич и расспросить своих эльгяр, чтобы уличить Хейзита во лжи: слишком многие видели, как они втроем разгуливают под дождем по заставе. Однако Тулли этого не сделал.

— Странные у вас сотоварищи, — пожал он плечами. — Видать, им, как и мне, не спится. Ну да ладно, давайте побыстрее расправимся с нашей скромной трапезой — и в путь. Лошади уже оседланы. Вон в углу лежат ваши плащи: скакать под дождем — удовольствие на любителя. А когда появятся ваши спутники, я отправлю их следом.

Хейзита так и подмывало спросить у Тулли, не посылал ли он в замок своих гонцов еще ночью, пока все спали. Осторожность взяла верх над любопытством, и он смолчал.

Больше они почти не разговаривали.

Лошади послушно дали вывести себя из стойла и терпеливо ждали, когда на них усядутся новые хозяева, не слишком привычные в езде верхом. Пока ничто не говорило о том, что Хейзита и его спутников собираются не пустить дальше, схватить и бросить в тюрьму. Насчет Тулли страхи Фейли оказались явно напрасными. «Хорошо бы так было и дальше», — подумал Хейзит, постукивая пятками в бока своему неторопливому коняге и направляясь к распахнутым воротам, за которыми со скрипом опускался мост.

— И не забудьте передать Ракли, что сбываются мои худшие опасения! — крикнул вдогонку Тулли.

Оказавшись за пределами заставы и отъехав на должное расстояние, всадники поравнялись и перешли на шаг.

— Я же говорил, что Фейли померещилось, — начал Исли. — Если так хотелось бежать, убегал бы сейчас верхом. Никто не держит.

— Полагаю, это его личное дело, — кутаясь в плащ, заявил Фокдан. — Похоже, он не из тех, кто меняет свои решения так же легко, как заставы.

— А что, вы знавали его и раньше? — поинтересовался Хейзит, довольный, что вот уже который день на равных правах участвует во взрослых беседах. — Признаться, я его так до конца и не понял.

— Да что там понимать, — усмехнулся Фокдан. — В иное время таких, как он, назвали бы «перебежчиками». В том смысле, что ему не сидится на одном месте. Насколько мне известно, он перебывал чуть ли не на всех заставах Пограничья и отовсюду под тем или иным благоприятным предлогом рано или поздно делал

ноги. Иногда ему приходилось путешествовать по лесу в одиночку. Благодаря этому он получил достаточно опыта, чтобы его ценили на любой из застав, несмотря на сомнительную репутацию. Мне даже приходилось слышать, будто он жил среди шеважа, но думаю, это все чушь собачья. Увидев его тогда, в подземелье, я ничуть не удивился. А вот чему я точно удивился, так это что вывел всех с заставы не он, а ты. Видать, вы с ним чем-то похожи. Чутьем, что ли.

Хейзиту это неожиданное сравнение польстило, но он промолчал и перевел лошадь на рысь.

Скоро дорога то здесь, то там стала прерываться полянами, полян становилось все больше, а сами они — все просторнее, пока наконец впереди не забрезжил долгожданный просвет: Пограничье заканчивалось, дальше лежала открытая степь, по которой далеко-далеко впереди несла свои воды широкая Бехема. Правда, уже с опушки леса, если как следует присмотреться в нужном направлении, можно было разглядеть у самого горизонта острые башни неприступного Вайла'туна.

Фокдан первым пришпорил коня и с веселым гиканьем устремился вниз по пологому склону, поросшему высокой сочной травой. Хейзит, безотчетно радуясь вместе с ним, последовал его примеру. От скорости и бьющего в лицо свежего ветра захватывало дух. Исли едва поспевал за ними на выбивающейся из последних сил под бременем его богатырского веса кляче.

Они и не заметили, как дождь перестал. Лучи невидимого пока солнца, веером вспоровшие черные космы туч, озарили степь причудливым светом. Прямо перед всадниками, на фоне уходящей восвояси грозы, выгнулось через все небо коромысло многоцветной радуги.

Хейзиту при виде всей этой красоты, этого безбрежного простора сделалось так хорошо и вольно, что на какое-то время он даже забыл о том, кто он, где он, куда и зачем скачет. Хотелось бесконечно мчаться вперед, вдыхать полной грудью пропитанный влагой воздух, слушать, как хлопает за спиной раздуваемый ветром плащ, и со смехом кричать своим спутникам, что жизнь не такая уж скверная штука.

Скачка продолжалась недолго. Вскоре степь то здесь то там стала прерываться возделанными участками, на которых сутулились трудолюбивые вабоны: сухой сезон подходил к концу, и нужно было не слишком задерживаться со сбором пережившего невиданную доселе жару урожая. Хозяева более рачительные еще и умудрялись заниматься новыми посадками: тех злаков, которые вызревают быстро и почву предпочитают, изобильно политую дождями. Некоторые участки были обнесены простенькими

изгородями, некоторые — очерчивались неглубокими канавами, но в любом случае путники, уважавшие труд своих соплеменников, перешли с галопа на неторопливую рысь, чтобы ненароком не потоптать чужое добро.

Крестьяне, или фолдиты, как их здесь называли, при виде всадников устало разгибали спины и, опираясь на лопаты и мотыги, провожали их кто любопытными, кто тревожными, а кто и сердитыми взглядами. Хейзит приветливо кивал всем без разбору, но в конце концов не смог не задать донимавший его вопрос вслух:

— Почему они так недоброжелательно на нас смотрят?

— Сразу видно, что ты не жил в деревне, — отозвался Исли, обрадованный возможностью не спешить и почесать языком: верховая езда была явно не самым любимым его делом. — Многие фолдиты, к которым раньше относился и я сам, считают, что все остальные вабоны только и делают с утра до ночи, что бездельничают. Среди тех же рыбаков можно найти немало противников того, чтобы вабоны вообще уходили далеко от замка, на лесные заставы. Они считают, что дел всем хватит и здесь, а жизнь будет спокойнее.

— Как же тебя угораздило пойти в арбалетчики? — усмехнулся Фокдан. — Похоже, обратно в деревню тебе дорога закрыта.

— Вот уж нет! — Исли обиженно отмахнулся и чуть не упал с лошади, но вовремя ухватился за гриву. — Я, между прочим, даже сейчас в замок с вами ехать вовсе не собираюсь. А арбалетчиком я стал больше потому, что хотел поддержать брата, в смысле — Мадлоха. Этого раздолбая, который теперь известно с кем, но неизвестно где шляется вместо того, чтобы поспешить домой, где мы уже хрен знает сколько не были и где нам всегда рады. А потом, — спохватился он, — я же сказал, что так думают многие фолдиты, а это не значит «все».

Его прервали бранные выкрики нескольких стариков, столпившихся на расположенном впереди участке и размахивающих своими нехитрыми орудиями.

— Что им надо? — не расслышал Хейзит.

— Похоже, мы сбились с дороги, — оглянулся на него Фокдан, лицо которого озаряла неуместная для складывающейся ситуации улыбка. — И эти милые люди желают нам провалиться сквозь землю, потому что мы вот-вот растопчем плоды их тяжкого труда.

Старики горланили в один голос, так что разобрать слова было почти невозможно, хотя общий смысл угадывался безошибочно. Черенки лопат красноречиво указывали то

направление, в котором всадникам надлежало незамедлительно повернуть, а иначе — подпрыгивали в жилистых руках мотыги и грабли — поворачивать будет не на чем и некому.

Фокдан послал им в ответ военное приветствие, каким на заставах обмениваются заступающие на караул и уходящие на покой эльгяр, и направил своего жеребца в сторону от грозного участка.

Последовавший за ним Хейзит не преминул обратить внимание спутников еще на одну бросившуюся ему в глаза особенность, в которой он никогда прежде не отдавал себе отчета:

— Или мне уже начинает мерещиться, или здесь и в самом деле живут в основном одни старики.

— Похоже на то, — озадаченно почесал подбородок Исли. — Старики. Да старухи.

— А то вы не знаете подоплеки, — попридержал коня Фокдан. — Здесь же самые плодородные и наиболее легкие для обрабатывания земли.

Разумеется, они об этом слышали, однако в тоне бывалого воина отчетливо прозвучала непонятная ирония. Хейзит не преминул ему на это указать.

— Земли тут, говорят, и в самом деле неплохие, — помолчав, будто в нерешительности, ответил Фокдан. — Но стоило нам сейчас сбиться с проторенной дороги, и вылезло на свет второе предназначение всех этих участков. Если не заметили, из вас получатся никудышные виггеры.

— А я и не спорю, — отозвался Исли. — Метко из арбалета стрелять — еще не значит быть виггером. И тем более — хотеть им быть. Так что валяй, рассказывай, меня не обидишь.

Хейзит промолчал, не считая нужным лишний раз признаваться в любви к созиданию, а не разрушению.

— Все эти участки, — огляделся, гарцуя на одном месте, Фокдан, — на самом деле призваны быть естественной преградой на случай вторжения врага из Пограничья.

У Исли открылся рот, а Хейзит поморщился, как от боли.

— Что? Вы хотите сказать, что этим старикам придется первыми встречать шеважа, если те надумают атаковать замок? И Ракли это знает?

— Придется, — кивнул Фокдан. — И Ракли знает. А что еще прикажете делать? Проложить к замку булыжные дороги?

— Убивать! — вырвалось у Исли. — Убивать этих шеважа, пока они торчат в своем лесу!

— Решение мудрое, но не так легко выполнимое, — сказал Фокдан, снова пуская коня рысью вдоль кривых жердей очередной ограды. — Пройдет немало времени, прежде чем

вабоны смогут чувствовать себя в лесу хозяевами. Мы слишком часто отсиживаемся на заставах, до сих пор казавшихся нам почти неприступными, и слишком редко первыми нападаем на шеважа. А ведь в атаке воины, кроме вражеских стрел, получают еще и столь необходимый опыт. Вон дорога!

Хейзит узнал тот путь, которым не так давно проследовал в противоположном направлении. Сейчас он выглядел совсем иначе: земля взрыта копытами многочисленных лошадей и совершенно раскисла после недавнего проливного дождя.

— В лужу бы не свалиться, — заметил Исли. — Уж лучше бы мы блуждали и дальше, чем месить эту грязь.

— Кстати, теперь мы точно знаем, что Фейли говорил не только глупости, — прервал его Фокдан. — Нас действительно опередили. Полагаю, если Ракли остался в замке, ему будет недосуг с нами разговаривать.

— С чего вы взяли? — насторожился Хейзит.

— Насколько я умею читать следы, тут навстречу нам еще ночью прошел довольно большой отряд всадников и тяжелой пехоты. Фейли оказался прав: сразу после разговора с нами Тулли послал в замок гонцов, а Ракли, не откладывая, собрал войско, достаточно мощное, чтобы расправиться с шеважа, захватившими нашу заставу.

В первый момент, услышав это предположение, Хейзит облегченно вздохнул. Ну и что же с того, что Фейли не ошибся? Да, их опередили, но зато не сбылись его худшие опасения: Ракли никого не предавал, напротив, отреагировал молниеносно, как и подобает настоящему военачальнику. Теперь шеважа несдобровать! Однако уже в следующий миг он слишком отчетливо осознал, что подобную наивность может позволить себе разве что восторженный мальчишка, наслушавшийся от стариков историй о героизме предков, и готов был повернуть коня и пуститься вдогонку за посланным в Пограничье войском.

— Их же всех там перебьют! — воскликнул он. — Или Ракли не понял, что заставы больше нет? Если шеважа не перестреляют их по дороге, то уж наверняка сделают это, когда отряд выйдет к месту заставы.

Фокдан ничего не ответил, но на лице у него была написана тревога. Исли бездумно изучал лужи и помалкивал.

— А если они собираются всю дорогу пройти по лесной тропе, — продолжил Хейзит, — то им может повстречаться тот черный всадник, на сей раз, допустим, со своими подручными, и тогда вообще неизвестно, удастся ли кому выжить и дойти до места. Ох, не нравится мне все это!

Между тем Исли как будто нашел, что искал. Пришпорив

коня, он подскакал к тянущемуся вдоль дороги участку, засаженному низкорослыми яблонями, и громко закричал в глубь деревьев:

— Эй, хозяева, есть кто живой!

Ему пришлось повторить свой призыв трижды, прежде чем из-за яблонь появилась худенькая смуглая старушка с большущей, правда, пока пустой корзиной в загорелых натруженных руках. Хейзит и Фокдан слышали, как Исли спрашивает ее, не видала ли она здесь войско из замка.

— А как же, милок, видела, своими глазами нынче ночью и видела, — прошамкала старуха. — Они еще разбудили меня, подлецы, так оружием своим бряцали. А ты от них отбился, что ль?

— Не помнишь, мать, вечером это было или уже под утро? — не обратил внимание на ее вопрос Исли. — И сколько их было?

— Под утро, милок, точно под утро. Я еще козам воды налила — они за ночь все выдули. А сколько людей было, не скажу. Много. И на конях, как ты вон, и пешие. Долго мимо шли, я аж до конца не достояла, пошла опять ложиться.

Исли поблагодарил старушку за беспокойство и вернулся к озадаченным спутникам. Озадаченным тем, что в нужную минуту он оказался из них самым сметливым.

— Ну, что теперь скажете? — с гордым видом поинтересовался он. — В замок поскачем или вдогонку?

— Вывода два, — подумав, предположил Фокдан. — Если отряд прошел под утро, выходит, тревогу подняли гонцы Тулли: узнай Ракли о случившемся в лесу сам, послал бы войско раньше. И второе: людей Ракли не пожалел. Отправил в Пограничье достаточно сил, чтобы отбить любое из племен шеважа, а заодно попытаться отстроить заставу. Если бы ты порасспросил свою старушку поподробнее, наверняка бы выяснил, что кое-кто из пехотинцев был вооружен широкими топорами на длинных рукоятках. Вот и Хейзит кивает, понимает, о чем я говорю. Наверняка вместе с войском Ракли отправил и лесорубов. Я дважды участвовал в постройках новых застав и представляю себе, как это делается.

— И тем не менее, — подхватил Хейзит, — это лишний раз доказывает, что Ракли нужны более точные сведения о произошедшем. В противном случае, сколько бы лесорубов он ни послал, все их труды пойдут насмарку. Пограничью нужны не лесорубы, а каменотесы.

Не дожидаясь, последуют ли за ним спутники, он развернул коня в сторону замка, пригнулся к самой гриве и что было сил погнал вперед. Оглянувшись через некоторое время, с

облегчением увидел, что оба во весь опор скачут сзади.

Залитая грязной водой дорога вилась между полями, то поднимаясь на холмы, то сбегая с пологих склонов. С одного из холмов неожиданно открылся вид на широкую гладь реки, на ближнем берегу которой, у самой воды, на неприступном утесе, возвышался удивительный и прекрасный Вайла'тун — родовой замок семейства Ракли.

Хейзиту показалось, что даже с такого расстояния он видит разноцветные знамена, реющие на шпилях многочисленных крепостных башен. Их было такое количество, что издалека да еще на фоне сверкающей речной глади замок походил на чудом взобравшегося на высокий утес белого ежа. На самом деле при его возведении использовался бледно-желтый камень — единственный, какой удалось отыскать в округе в нужном количестве. Хейзит знал это лучше кого бы то ни было. И тем не менее сейчас, наблюдая замок в лучах с трудом прорывающегося сквозь черную мглу грозовых туч солнца, он не мог отделаться от впечатления, будто это застывший над крутым обрывом еж-альбинос или запорошенное снегом каменное гнездо какой-то неведомой, но наверняка хищной птицы.

Над замком висела путеводная радуга.

— Ну что, здесь заночуем или все-таки двинемся дальше? — поинтересовался над ухом голос Фокдана.

Хейзит только сейчас заметил, что любуется замком, сидя на коне, который от безделья уже начал пощипывать травку, запивая ее водой прямо из лужи.

— Давайте не так быстро, — взмолился подъехавший Исли.

Глядя на его бледное, вспотевшее лицо, трудно было сказать, кому эта скачка дается труднее: взмыленной лошади или всаднику.

Они пустили коней вниз по склону легким аллюром.

Замок теперь сопровождал их повсюду, то плывя над золотистыми пашнями, то скрываясь за высокими придорожными кустами, то вновь выныривая в просветах между рядами развешенного на деревянных подпорках хмеля.

Вскоре быстрому продвижению вперед стали мешать то и дело попадавшиеся на дороге неторопливые открытые повозки. Те, что катились навстречу, как правило, оказывались пусты, те же, что им приходилось обгонять, везли разнообразные плоды упорного труда неутомимых фолдитов. Сидевшие в повозках люди взирали на всадников с интересом и опаской: виггеры встречались здесь не настолько часто, чтобы к ним привыкли, но уж когда встречались, это неминуемо означало определенные сложности в Пограничье.

Постепенно возделанные участки начали уступать место старым, покосившимся от времени избам, в которых по-прежнему кто-то жил. В детстве Хейзит не бывал в здешних краях и почти ничего о них не знал, а по пути на заставу те из свиты Локлана, к кому он обращался с расспросами, лишь отнекивались или говорили, что тут селятся разные неудачники и лентяи. Воспользовавшись случаем, Хейзит не преминул задать тот же вопрос Фокдану.

— Это грустные места, — ответил Фокдан и повернулся к Исли: — Ты знаешь, о чем я?

— В деревне у нас поговаривали, что сюда переселяются те из виггеров, которые стареют и заканчивают нести службу в замке или на заставах.

— На заставах, — уточнил Фокдан. — Из замка сюда едва ли кто переселяется. И еще поправочка: не только заканчивают нести службу, но и просто не могут. Вон посмотрите, — кивнул он в сторону избы, возле которой голый по пояс человек пытался выкопать ямку в земле, держа лопату одной рукой; в другой он сжимал клюку, на которую опирался — у человека была всего одна нога. — Ему едва ли больше сорока, но он уже не может быть полноценным виггером. Причем ногу, смею вас уверить, он потерял не просто так, а защищая на какой-нибудь далекой заставе и эти поля, и этот замок. Скорее всего, сердобольных родственников у него не оказалось, и он был выслан сюда и предоставлен сам себе. Кстати, Хейзит, хочу упредить твой юношеский пыл: Ракли едва ли захочет с тобой говорить на эту тему, если ты ее попытаешься затронуть. Если он вообще захочет с нами говорить.

Хейзиту сделалось не по себе.

Раньше ему представлялось, что все виггеры, получившие на войне с шеважа те или иные ранения, а тем более тяжелые увечья, и выжившие, — герои, достойные того, чтобы у них появлялся и свой культ, и свои проповедники. Пусть не такие, как у легендарных Дули или Адана, но тоже достойные памяти потомков. А теперь выяснялось, что изувеченные войной виггеры могут прозябать в таких вот всеми забытых лачугах, одни, без друзей и видимой помощи из замка. Поистине: век живи — век учись. Неужели и Локлан ничего не знает о действительном происхождении всех этих «неудачников и лентяев»?

Пока он размышлял о том, что видел и слышал, придорожные постройки по мере приближения к замку стали преображаться. Теперь это уже были прочные одноэтажные, а то и двухэтажные дома из толстого бруса, с островерхими крышами, иногда обнесенные невысокими изгородями, за которыми утопали в

цветах и зелени уютные садики, а иногда — отдельно стоящие. Большие и маленькие, раскрашенные в разные яркие цвета, а подчас отделанные причудливыми резными орнаментами вокруг окон или даже по всему обращенному к дороге фасаду.

Здесь Хейзит впервые почувствовал, что возвращается домой. Именно среди таких изб он и вырос и сам кому угодно мог бы сейчас поведать о том, что дома за изгородями — жилые, а те постройки, что ничем не обнесены, общественные: кузницы, пекарни, лавки преуспевающих торговцев всякой всячиной, часовни, оружейные мастерские, постоялые дворы и конечно же таверны. В одной из таких таверн, только не ярко-вишневой, как вон та, что виднеется за мельницей, а темно-зеленой, трудится сейчас его родная мать. Трудится и не знает, что он уже вернулся, вернулся раньше положенного срока, но зато живой и здоровый, а не раненый или даже изувеченный, каким наверняка был бы, если б не удачный побег из самого пекла войны.

На душе у него потяжелело и захотелось домой, в тепло привычной комнаты под крышей, в запах пивных дрожжей и вареного лука.

Но тут его обожгла новая внезапная мысль: а что, если слух о гибели их заставы уже разнесся по округе? Что, если мать и сестра решили, будто их сын и брат погиб вместе с остальными эльгяр? Смогли ли они пережить эту страшное известие? Ведь Велла так жалобно плакала, когда он собирал вещи, готовясь в поход.

Вероятно, Исли испытывал сейчас нечто подобное. Тоскливо оглядываясь по сторонам, он наконец не выдержал и натянул повод своей выбившейся из сил коняги.

— Поступайте как знаете, а я хочу с вами тут распрощаться. Не пойду я в замок. Нечего мне там делать. Если кого долг зовет, я такого долга за собой не чувствую. Мне бы поскорее семейство мое увидеть. Думаю, они меня и без мешка денег рады будут обратно принять. Скажу, Ракли заплатил мне сполна, теперь мы в расчете. Буду, как прежде, рыбачить да уловом торговать. Авось на старость наторгую. Да и Мадлох, дурачина, думаю, скоро объявится. Не будет же он по лесам с этим чокнутым воякой отсиживаться. Ну, бывайте здоровы.

Не встретив возражений, он пожал обоим спутникам руки, что далось ему не без труда, поскольку все это время он оставался в седле, и неторопливо, как будто даже с удовольствием, поехал прочь. Скоро его грузная фигура затерялась между разноцветными домиками.

— Ну, что скажешь? — помолчав, осведомился Фокдан, не глядя на собеседника. — Как у тебя с чувством долга?

Хейзит невольно растерялся, осознав, что ему впервые за долгое путешествие предоставляется возможность самому сделать выбор.

— Мне обязательно нужно поговорить с Ракли, — не слишком уверенно начал он. — Без камней в лесу больше нечего делать. Он должен это понять.

— А правильно ли понимаю я, что, на твой взгляд, все это может и подождать? Допустим, до вечера. Или до завтра? — Неожиданно Фокдан дружески улыбнулся и подмигнул Хейзиту: — Знаешь что, парень, не кори ты себя и поступай по примеру Исли. Тебя ведь наверняка дома заждались. Даже если не догадываются о том, что произошло. Как там бишь твоя таверна называется?

— «У старого замка»…

— Вот и поезжай-ка ты лучше домой. А я уж, так и быть, довершу начатое нами дело еще сегодня и постараюсь свидеться с Ракли. Не думаю, что он откажется от встречи с сыном Шигана.

Воцарилось неловкое молчание.

Фокдан думал, что Хейзит не решается внять внутреннему голосу, а тот смотрел на своего старшего товарища по несчастью и понимал, что слишком мало узнал за время пути об этом мужественном человеке, даже не сумевшем похоронить отца и наверняка оставившем на пепелище и службу, и дом, и семью. Что он будет делать теперь? Как и где жить? Куда отправится?

— Вы правы, — сказал он, не опуская глаз под внимательным взглядом собеседника. — Долг зовет меня показаться матери и обнять сестру. А потом я пойду в замок. Но мне бы не хотелось, чтобы вы посчитали, будто я кого-нибудь или что-нибудь предал. — Он поднял руку, останавливая возможные возражения. — Поэтому я предлагаю сделать следующее. Встретитесь вы с Ракли или нет, но сегодня вечером я буду ждать вас в нашей семейной таверне, название которой вы, я надеюсь, все же запомнили. Поверьте, вы не пожалеете, — увидев на лице Фокдана хитроватую улыбку, он добавил: — А заодно ваш приход будет означать, что наш общий знакомый по имени Фейли ошибся в своих подозрениях и мы не стали жертвами придуманного им заговора.

— Что ж, на том и порешим, — ответил Фокдан, почти не раздумывая. — Только навари к моему приходу побольше пива: после разговора с Ракли у меня наверняка пересохнет в горле.

Он рассмеялся и, похлопав Хейзита по плечу, направил коня в ту же сторону, где недавно скрылся Исли.

Провожая его тревожным взглядом, Хейзит подумал, что это вовсе не прямая дорога к замку. Прямая дорога находилась здесь,

под копытами его коня. Он даже хотел было окликнуть Фокдана, однако не решился. У того вполне могли быть свои планы. В сущности, при желании он мог бы сейчас навсегда исчезнуть из жизни Хейзита, не только не заглянув вечером в материнскую таверну, но и не придя на встречу с Ракли. Правда, Хейзит не верил, что такое возможно. Особенно последнее. Фокдан еще во время их бегства через лес разительно отличался от того же Фейли, с которым в остальном они были весьма похожи, своей прямотой в суждениях и предсказуемостью в поступках. Окажись сейчас на месте Фокдана Фейли, он повел бы себя совершенно иначе. К примеру, поскакал бы во весь опор по дороге к замку, но в итоге так бы никогда до него не добрался и на вечернюю встречу не пришел.

— Кто разберет этих вояк? — произнес себе под нос Хейзит, поворачивая и пришпоривая коня.

Постоянная жизнь в лесу, подумал он, заставляет их и среди своих соплеменников вести себя подозрительно, как в осаде. Хотя в чем-то, быть может, они и правы. Особенно если в конце концов выяснится, что война с шеважа, до сих пор ограничивавшаяся пределами Пограничья, добралась и до Вайла'туна. Каким образом это могло произойти, он понятия не имел, однако события последних двух дней слишком многое явили ему в новом свете, чтобы наивно полагать, будто в окружающем мире ничего не изменилось.

Пытаясь отбросить эти тревожные мысли, Хейзит не без гордости гарцевал по грязи, осматриваясь по сторонам. Уходил-то он отсюда в свое время пешком, вслед за обозом, везущим на заставу все необходимые припасы, а теперь под ним был усталый, но по-прежнему грациозный конь. Ну, может, и не очень грациозный, зато под седлом, настоящий, как у богатых виггеров, громко фыркающий, косящийся на своего молодого хозяина и обращающий на себя внимание многочисленных прохожих. Хейзит даже приосанился, когда две пробегавшие мимо девчушки растерянно попятились от стремени и присели в реверансах, смущенно улыбаясь снизу вверх. Мужчины постарше качали головами, полагая, видимо, что такому лоботрясу не пристало разъезжать верхом там, где могут сгодиться и ноги. Женщины поглядывали на него с любопытством, но при этом не отрывались от своих повседневных дел: кто присматривал за непоседливыми малышами, кто развешивал на веревках припрятанное на время дождя белье, кто выливал в ямы ведра с помоями, кто сыпал золотистое пшено в кормушки для домашней птицы, а кто просто шил или штопал что-то, сидя прямо под окнами своих ухоженных домиков на широких лавках, накрытых по традиции красивыми

толстыми коврами.

Человек посторонний, попади сюда таковой, непременно запутался бы, пытаясь отыскать тот или иной дом. Все постройки вокруг замка располагались хаотически, без плана и правил, кому как удобнее. Так было здесь всегда, и никто в обозримом будущем ничего с этим делать не собирался. Дети рождались, росли, покидали родительский очаг, на свободной земле строились новые избы, замок получал с этого подобающие денежные выплаты, как считалось, на содержание армии, и все были вполне довольны существующим положением дел. Что до выплачиваемых замку денег, то условия были тоже предельно просты: селишься дальше от укрепленных стен — плати меньше, живешь ближе — плати больше. Хейзит не знал наверняка, но предполагал, что обитатели рыбацких деревень, раскиданных вдоль побережья Бехемы, вроде той, откуда был родом Исли, вообще ничего за свою воображаемую безопасность не платили, а если и платили, то, скорее всего, не деньгами, а долей от улова.

Выражение «воображаемая безопасность» еще давно в обиход Хейзита ввел один из завсегдатаев таверны «У старого замка», зажиточный и всегда холеный торговец оружием Ротрам. Поговаривали, что в таверну он зачастил не столько за пивом и закусками, сколько в надежде завоевать расположение самой хозяйки. И что будто бы привязанность эта зародилась в нем задолго до того, как Гверна вышла замуж и родила двоих детей. Только теперь, когда она осталась без кормильца, привязанность и неразделенная в свое время любовь превратились у стареющего телом, но не душой Ротрама в навязчивую манию. Хейзит обо всем этом слышал и посмеивался. Ротрам был человеком добрым, на удивление щедрым и не умел посмеиваться не только над маленьким попрошайкой Хейзитом, но при случае и над самим собой.

— Мой товар, — говорил он, раскладывая прямо на столе таверны замечательной работы клинки с инкрустированными драгоценными камнями рукоятями, — куда надежнее тех стен, что возводит вот уже который год твой замечательный папаша, малыш. — Хейзит в восторге детского непонимания хлопал глазами и осторожно трогал холодный металл. — Когда-нибудь они все-таки рухнут, а мои ножички еще долго будут служить тем, кто не пожадничает их купить.

Гверна считала Ротрама чудаком, но Хейзит знал, что она всегда старается угостить его чем-нибудь особенно вкусным, что ей наилучшим образом удалось прожарить или отварить. Правда, точно таким же образом она вела себя со всеми завсегдатаями «У старого замка».

Разглядывая разноцветные домики — а некоторые хозяева умудрялись раскрасить весь дом разными красками, выделяя наличники вокруг окон, ставни, двери, чуть ли не каждое бревнышко особым цветом, — Хейзит поймал себя на мысли, что воспринимает их теперь несколько иначе. То, что сказал Фокдан еще в степи, глубоко врезалось ему в память и заставило лишний раз призадуматься. Похоже, расплачиваться за весь этот хаос застройки, причем расплачиваться в прямом смысле, должны были не строители и обитатели с замком, как сейчас, а сам замок — с ними. Все равно внутри его неприступных стен едва смогла бы найти укрытие — то бишь «воображаемую безопасность» — даже треть нынешнего населения так называемого Большого Вайла'туна. Другое дело, что сегодня никто из этих людей не принимал подобную необходимость в расчет и наслаждался, кто как мог, чуть ли не сказочной удаленностью лесной войны. Но если же в один совершенно не прекрасный для вабонов день обнаглевшие от огненных побед над разрозненными деревянными заставами шеважа выплеснутся из чащ Пограничья в степь и двинутся штурмом на замок, им придется преодолеть на пути слишком много преград. Уж если кто и находился в безопасности, причем самой что ни на есть реальной, так это обитатели замка, или Малого Вайла'туна, то есть жители тех домиков, что исторически оказались в черте Стреляных стен — деревянного частокола, обязанного своим причудливым названием тому способу, благодаря которому он был возведен несколько зим назад: Ракли распорядился расставить вдоль настоящих, каменных стен замка лучших лучников гарнизона, и те из своих знаменитых ростовых[13] луков должны были стрелять на дальность. В тех местах, куда падали стрелы, были вкопаны заостренные бревна, между которыми дюжина плотников за считаные дни возвела из прочных березовых жердей сплошной забор — Стреляные стены.

К счастью, таверна их семейства оказалась «У старого замка» не только по названию: Хейзит отчетливо помнил, как выпущенная в том направлении стрела, правда, уже на излете, впилась в висящую над самым входом деревянную табличку. Гверна потом даже попросила, чтобы ее оставили торчать там в память о том знаменательном дне. Плотники шутили, что придется пускать забор прямо по крыше таверны, но они слишком хорошо знали хлебосольную мать Хейзита, чтобы привести свою угрозу в исполнение, да и по неписаным правилам Стреляная стена не должна была становиться причиной сноса той или иной постройки. Зато, пройдя прямо под окнами таверны, она немилосердно отрезала Хейзита от значительной части того

мира, к которому он привык за проведенные здесь годы детства и отрочества. Ведь ближайшие ворота решено было прорубить довольно далеко от таверны, в том самом месте, куда теперь вела его утопающая в лужах проселочная дорога.

Вообще же ворот в Стреляных стенах было сделано трое: одни смотрели вниз по течению реки, и ими чаще всего пользовались доставляющие свой улов рыбаки, другие, через которые по утрам выводили пастись стада коров и овец местные пастухи, — вверх, и наконец третьи — в сторону Пограничья, откуда целый день, а норой и ночью шел основной поток посетителей. Этих привлекал не столько замок, сколько то, что с ним соседствовало: оружейные мастерские, рыночная площадь, лавки кондитеров и — опять-таки — славящиеся собственным пивом таверны.

«Интересно получается, — думал Хейзит, подъезжая к воротам и с трудом сдерживая нетерпение. — Замок дал имя всей округе и в то же время определенно противопоставил себя ей». Раньше, живя здесь постоянно, он этого не замечал, но стоило взглянуть на вещи со стороны да еще глазами более взрослых, более опытных и не в пример ему, восторженному юнцу, циничных воинов, как знакомый мир из пестрого, ничего не значащего многоцветья стал превращаться в извечное противоборство белого и черного. Причем, в отличие от однозначности границы между ними там, на заставе, здесь это разграничение оказывалось отнюдь не таким очевидным, как вырастающий впереди с каждым шагом утомившегося коня частокол.

Поскольку при всей своей прочности и внешней неприступности Стреляные стены играли довольно условную роль, на них не только не было эльгяр, как, собственно, и рант, по которым те могли бы ходить, но даже караул приближался к воротам лишь затем, чтобы изредка закрывать их на ночь. Поэтому Хейзит нисколько не удивился, когда никто не окликнул его, и он преспокойно проехал внутрь, разве что машинально пригнув голову.

Пригибаться и в самом деле не стоило: высота ворот была рассчитана на то, чтобы через них мог без труда проехать всадник, причем гордо держащий в руке древко того или иного живописного флага, к которым виггеры издавна питали неподдельную и необъяснимую слабость. Однако Хейзит все же машинально пригнулся, не совсем точно соизмерив собственный рост и высоту ворот, и это заставило его вспомнить, что он по-прежнему сидит на коне. Нет, обычаи Малого Вайла'туна вовсе не требовали от всадников, чтобы те спешивались, пересекая границу. Напротив, верховая езда всегда считалась среди вабонов

занятием почетным и достойным, поскольку наличие коня говорило либо о заслугах, либо о достатке хозяина, либо о его принадлежности к мергам. Так сокращенно, но оттого ничуть не менее уважительно величали тех, кто состоял на службе в легендарной кавалерийской гвардии замка. Именно вопрос достоинства и смутил сейчас Хейзита. Конь ведь принадлежал не ему, а был одолжен исключительно ради дела, причем неотложного: прискакать в замок и доложить Ракли о случившемся. И если первая часть была почти выполнена, то со второй Хейзит в последний момент решил не спешить. При этом он открыто продолжал пользоваться доверенным ему конем. Хейзит, откровенно говоря, понятия не имел, что надлежит делать в подобных случаях. Вместе с тем он был свидетелем того, как Исли без зазрения совести ускакал на своем коняге домой, в деревню, и, похоже, совершенно не собирался его кому-то возвращать. Вероятно, он посчитал вполне справедливым, чтобы за все его военные заслуги замок расплатился с ним хотя бы этим пригодным для многих полезных дел животным. Фокдан отправился по назначению. А что теперь делать ему? Спешить в замок, сдавать коня на конюшню, возвращаться к матери, а назавтра снова брести в замок с докладом? Как-то глупо. Кстати! Ведь Фокдан должен до вечера объявиться в таверне. Вот у кого можно будет спросить совета. Он-то наверняка в курсе установленных порядков. А до тех пор не стоит пороть горячку. Итак, домой! Верхом! Но-о, залетная!

Конь весело заржал и припустил по лабиринту тесных проулков между чуть не соприкасающимися крышами домиков.

«Если по-хорошему, — продолжал думать о своем Хейзит, высматривая с высоты седла кратчайший путь, — то в свете последних событий имеет смысл перепланировать всю застройку Малого Вайла’туна. Дело нешуточное и вызовет бурю протеста среди местных жителей, но зато в случае нападения шеважа будет кому вспомнить его с благодарностью. В противном случае, стоит от метко пущенной стрелы загореться хотя бы одному дому, и оглянуться не успеешь, как запылают все. Не помогут и те растворы, которыми сегодня при строительстве пропитываются бревна. Надо будет обязательно выложить эту идею Ракли».

— Хейзит! Какого рожна ты тут делаешь? — услышал он не слишком любезный оклик. — Да еще на конягу взобрался.

Поискав взглядом среди спешащих мимо людей того, кто его окликнул, Хейзит увидел хитро улыбающееся лицо Дита, старого друга отца, до сих пор помогавшего им закупать и доставлять в таверну свежие съестные припасы. Когда-то он тоже работал строителем, но незадолго до гибели отца Хейзита сам получил

серьезные увечья, чуть не лишился левой ноги и в конце концов стал по мере сил подрабатывать у Гверны. Зим ему было, судя по всему, немало, однако всегда насмешливое выражение глаз и курносый нос придавали его внешности мальчишеский задор.

— Я тоже рад тебя видеть, Дит! — приветственно поднял руку Хейзит и, не обращая внимания на посторонних, продолжал: — Как там матушка?

— Рвет и мечет, — отмахнулся тот. — И виноват, разумеется, я, старый дурак. Видите ли, недосмотрел за крышей нашего амбара, а она возьми да прохудись в самый неподходящий момент. Вот дождь за ночь и попортил чуть ли не все запасы хмеля. Теперь, как видишь, иду за пополнением.

— Подвезти? — неожиданно для самого себя предложил Хейзит. Судя по всему, и с матушкой, и с таверной все и вправду было в порядке, и это известие несказанно взбодрило его после утомительного пути.

— Еще чего надумал! — возмутился Дит. — Сто зим верхом не сиживал — нечего и начинать. Ты вот, я вижу, в большие люди метишь, поезжай-ка лучше домой да порадуй мать. Глядишь, к моему возвращению у нее на сердце полегчает, и я отделаюсь лишней прогулкой на рынок. Ты, кстати, не обратил внимания, там хмеля завезли? Я имею в виду, сухого. — Он хохотнул, как будто сказал нечто остроумное.

— Да я вообще-то не через площадь ехал, — сознался Хейзит, вспомнив, что впервые с тех пор, как стал зарабатывать, возвращается домой с пустыми руками. — Как там Велла, Дит?

— Как пчелка! С утра до ночи хлопочет. Видать, во вкус вошла. А может, кто из прихожан приглянулся. Кто ее теперь знает. Взрослая стала. Своенравная. Ты бы на нее по-братски повлиял при случае.

Дит почему-то называл всех посетителей таверны «прихожанами». Вероятно, в память о тех временах, когда работал в непосредственной близости от Ракли и бывал свидетелем встреч военачальника с простым народом.

Хейзит в ответ только улыбнулся, представив себе сестренку, расторопно разносящую между столиками полные кружки пива, которые она отказывалась ставить на поднос, а держала всегда прямо в руках. Велла была младше его, но при этом вполне могла заменить мать как в смысле готовки, так и по части воспитания любимого братца. Что, интересно, она скажет, когда увидит его на коне?

Распрощавшись с Дитом, он с легкой душой отправился дальше.

«Скорее всего, раз все живы и здоровы и никто его

возвращения не ждет, то не ждут от него и подарков», — подсказывал Хейзиту внутренний голос.

Естественней чувствовать себя среди пешей толпы ему помогали другие всадники, попадавшиеся то здесь, то там. В большинстве своем это были уже упомянутые мерги, имевшие вид суровый и неприступный. Они следили за порядком на улице — довольно важная и нужная обязанность, которую многие из них тем не менее считали повинностью. На Хейзита они бросали подозрительные, если не сказать недружелюбные взгляды, но молча проезжали мимо: вероятно, по сбруе узнавали коня с заставы Тулли и принимали молодого наездника за гонца, каковым тот, по сути, и являлся.

Однако попадались навстречу Хейзиту и всадники особого толка. Это был весьма немногочисленный, но заслуживающий отдельного рассказа разряд обитателей Вайла'туна, которых можно было встретить преимущественно здесь, в непосредственной близости от замка. Узнать их не составляло труда не только по безупречным нарядам и горделивой осанке, но и по роскошно вышитым, как правило, ярко-красным попонам, под которыми в стужу и зной вынуждены были ходить их послушные лошади. Простой народ называл их эделями, для удобства сокращая слово эдельбурны. К ним относились целые семьи, корни которых уходили в историю вабонов и прослеживались летописцами и проповедниками культа того или иного легендарного героя до самого этого героя. Короче говоря, эдели считались прямыми потомками знаменитых предков нынешних вабонов, и в силу уже одного этого обстоятельства причислялись к знати, ставя себя выше также относящихся к ней зажиточных торговцев и оружейных дел мастеров. Некоторые из них владели не просто домами, а великолепными особняками с большими участками и утопающими в зелени садами, имели в своем распоряжении целую свиту вооруженных до зубов виггеров и еще множество всяческих благ, недоступных простому люду. Вместе с тем Хейзит встречал и таких эделей, у которых, кроме коня под попоной, ничего за душой толком и не было. Да и конь содержался на средства замка, поскольку, будучи раз причисленным к эдельбурнам, его хозяин в качестве безвозмездного поощрения за славные деяния почившего предка получал в придачу к титулу жалованье, правда, на определенных условиях, к коим относилось и достойное содержание коня. Таким образом, среди эделей попадались и те, кому приходилось ютиться за пределами Стреляных стен, хотя в последнее время стали поговаривать о том, что путь в ряды избранных открывается не только по праву родословной, но и по праву глубины кошеля.

Тем более что окончательно и бесповоротно титул объявлялся вступающим в силу не кем иным, как Ракли, род которого шел от самого знаменитого из героев сказов и преданий — Дули, Темного Бойца.

Верить подобным слухам Хейзиту не хотелось, однако даже он не мог не заметить, что количество лошадей в попонах на улочках Малого Вайла'туна выросло изрядно, причем восседают на них не только украшенные полученными в боях рубцами и убеленными сединами благородные воины, но и кокетливые дамы, и вздорные юнцы, и почтенные мужи, единственным достоинством которых является обтянутое дорогим камзолом далеко не боевое брюшко. А ведь еще отец объяснял Хейзиту, что эдельбурном может называться только прямой потомок возведенного в культ героя, да и то лишь по мужской линии. То есть единственными настоящими эдельбурнами из потомков, к примеру, того же Дули были Ракли, Локлан и его младший брат Ломм (но того казнили как преступника). Ни их жены, ни дочери не имели ни малейшего права претендовать на подобный титул. Однако, если разобраться, разве мог кто запретить всем этим дамочкам, не будучи эдельбурнами по сути, пользоваться благами, а тем более конями своих знатных родственников?

Так, сам того не желая, Хейзит набрел в своих содержательных размышлениях на образ представительницы одного из подобных благородных семейств, имени которой он не знал, но забыть которую, как теперь выяснялось, не позволили ему даже сумасшедшие перипетии последних дней. Она попадала в поле восторженного зрения будущего строителя неоднократно незадолго до его отъезда в Пограничье, и всякий раз он терял дар речи и не отваживался воспользоваться ни единым поводом, чтобы заговорить с ней. Девушка на вид была ровесницей его сестры, но, в отличие от Веллы, ее нельзя было назвать хорошенькой. Она была прекрасна. Каштановые волосы ниже плеч, большущие карие глаза, всегда почему-то грустные, прямой, быть может, чуть-чуть хищный носик, изящная фигурка, не столько скрываемая, сколько подчеркиваемая коротким приталенным платьем. Иногда робкий взгляд Хейзита замечал на ней необычные для здешних женщин узкие шаровары, позволявшие девушке сидеть в седле верхом, а не боком, как того требовал обычай, иногда же — о чудо! — она не стеснялась показывать свои загорелые голые ноги, до колен затянутые шнуровкой маленьких кожаных ско[14] на гладкой подошве. Чудесная незнакомка обращала на себя внимание не только своей красотой, грустным выражением одухотворенного лица или не совсем обычной манерой одеваться и сидеть на лошади, но и тем,

что никогда рядом с ней не было видно спутников. Она каталась по Вайла'туну одна. Нет, конечно, Хейзит не предполагал, что на нее кто-нибудь осмелится внезапно напасть, обворовать или поранить, — подобное могло случиться разве что за пределами Стреляных стен, да и то едва ли, однако ему казалось удивительным, что следом за ней не скачет суровый отец или, на худой конец, парочка зорких братьев. Не будучи знаком ни с кем из эдельбурнов лично, он рисовал себе их жизнь по рассказам завсегдатаев таверны, и у него складывалось твердое убеждение, что в благородных семьях девушки не должны позволять себе конные прогулки в одиночестве.

«Вот бы повстречать ее сейчас», — подумал он и даже невольно вздохнул, завидев впереди знакомую табличку с застрявшей в ней длинной стрелой. Он наконец-то добрался до дома, но теперь ему придется спешиться, а это значит, что знакомство с девушкой «на равных» откладывается на совершенно неопределенный срок.

Навстречу ему никто с распростертыми объятиями не выбежал, что тоже было по-своему хорошим признаком: это означало, что домочадцам даже сейчас, средь бела дня, некогда смотреть в окна. Обычно наплыв посетителей происходил по вечерам, но раз на раз не приходился, и Гверна была готова и даже рада попотчевать гостей в любое время дня и ночи.

Спрыгнув на землю, Хейзит подвел коня к специальной балке, стоявшей при входе на двух деревянных опорах. Думал ли он когда-нибудь, что ему придется ею воспользоваться? Балка предназначалась для высокопоставленных гостей, которые могли бы привязывать к ней своих лошадей, будь то с попонами эделей или без, и чаще всего пустовала, поскольку большинство посетителей таверны предпочитали ходить пешком. Даже торговец оружием Ротрам, имевший в своем стойле не одного породистого рысака, пользовался «лошадной дужкой», как величали вабоны это незатейливое приспособление, лишь в тех редких случаях, когда заранее был уверен, что не выпьет лишнего.

Велико же было изумление Хейзита, когда он обнаружил, что из специальной кадки, подвешенной между опорами балки, угощается свежим овсом длинноногий и поджарый жеребец необычной дымчатой масти. Подняв красивую морду и покосившись на нового соседа, жеребец выразительно фыркнул и невозмутимо продолжил трапезу.

С порога посетитель попадал в просторное помещение, правда, с низковатым, чуть выше среднего мужского роста потолком, поддерживаемым во многих местах специальными

деревянными подпорками, которые с годами хозяйки заведения сумели превратить в увитые плющом и цветами колонны. Помещение было сплошь заставлено дубовыми столами, вдоль которых тянулись лавки. Ближе ко входу лавки были самые простые, без спинок, но чем глубже заходил посетитель внутрь, тем гостеприимнее выглядело убранство: кроме спинок у лавок появлялись подлокотники и подушки для удобства долгого сидения, столы были накрыты полосатыми желто-серыми скатертями, воспроизводившими основные цвета знамени замка Вайла'тун, точнее, рода Ракли, им владевшего. Стены украшало где оборонительное оружие эльгяр, в большинстве своем подаренное любимому заведению щедрым Ротрамом, где орудия каменотесов и каменщиков, бережно собранные еще отцом Хейзита, где — почетные кружки, из которых в свое время пивали пиво известные люди. На особом месте, поближе к кухонной двери, стояла на специальной подставке маленькая и невзрачная кружка, из которой, по семейному преданию, в день праздничного открытия таверны пригубил сам Ракли.

За барной стойкой в дальнем конце зала, где вершилось главное таинство приготовления угощений, хозяйничала средних зим женщина вполне заурядной наружности, но зато с густой копной роскошных высветленных волос, для удобства перехваченных на затылке широкой синей лентой. Хейзит никогда еще так долго не отсутствовал дома, и сейчас мать с непривычки показалась ему моложе своих зим. Он невольно застыл на пороге, однако опытный глаз Гверны, умевшей еще от дверей не только подмечать, но и оценивать очередного гостя, скользнул по Хейзиту с головы до ног, и лицо хозяйки преобразилось.

— Будешь поскребыши, сынок? — вместо приветствия поинтересовалась она, поспешно вытирая замасленные руки о чистенький фартук. — Как ты любишь, целая сковорода, горяченькие.

Она не договорила, на мгновение задохнувшись в крепких объятиях сына. За спиной Хейзита послышались подбадривающие смешки и улюлюканье немногочисленных посетителей.

Он снова был дома.

— Дит сказал, что ты рвешь и мечешь, мам. Неужели так много хмеля попортилось? — Хейзит начал не с того, с чего собирался, но запахи таверны и улыбка матери перемешали в его голове все заготовленные заранее слова. — Вроде ж амбарную крышу недавно чинили.

— Недавно. Куда там! За месяц до твоего отъезда, не позже. Времени-то уж сколько прошло.

— Это тебе кажется, что долго, — хитро подмигнул Хейзит. — Видать, скучала, оттого дни и тянулись.

Взгляд Гверны сразу сделался острей, она пристально посмотрела на сына, еще раз вытерла передником руки, и тихо, так, чтобы никто за соседними столами не слышал, спросила:

— У тебя все в порядке?

Хейзит едва заметно покачал головой, а вслух спросил:

— А сестричка где?

Гверна выразительно округлила глаза и ткнула пальцем в дальний угол, где за одним из трех почетных столиков, рассчитанных всего на четыре персоны каждый, хорошенькая девушка, с убранными на материнский лад светлыми волосами, кружилась вокруг одного-единственного гостя, следившего за каждым ее изящным движением с широкой улыбкой.

Гость был весьма молод, едва ли намного старше Хейзита, однако его довольно приятное худощавое лицо уже украшали тонкие усы, переходившие в острую бородку, какие по последней моде носили мерги, заботящиеся о своей внешности ничуть не меньше, чем о военной подготовке.

Хейзит сразу сообразил, чьего коня он видел на улице.

Облачен гвардеец был в длинную кольчужную рубаху, поверх которой надел хорошо сшитый полотняный камзол, — до кожаного не дотянул, ехидно заметил про себя Хейзит, — перехваченный на узкой талии поясом из металлических бляшек. Из-за края стола виднелась рукоять пристегнутого к поясу меча с круглым набалдашником. На правой стороне широкой груди мерга четко вырисовывалась ярко-желтая нашивка в виде перевернутого лепестка, означавшего для посвященных определенный чин. В чинах и регалиях Хейзит никогда не был силен, а потому просто запомнил этот знак, чтобы потом, на досуге, поинтересоваться его значением у всеведущего Ротрама. Зато он с завистью обратил внимание на один из тех предметов, которые нравились ему у виггеров, и особенно у мергов, с самого детства. Прямо на стол сбоку от себя юноша положил блестящий стальной шлем в форме перевернутой луковицы и с фигурно вырезанным отверстием для лица, напоминавшим человеческое сердце, каким его изображают на знаменах, благодаря вертикальному наноснику. В той же форме строились разбросанные по всей округе каменные или глинобитные беоры, то есть часовни для отправления культа того или иного легендарного героя. И уж кто-кто, а Хейзит точно знал, что именно луковичные шлемы конных гвардейцев, не менявшиеся со стародавних времен, стали прообразом беор. А вовсе не наоборот, как долго уверяла его упрямая Велла. Конечно, она делала это

исключительно из желания поспорить, ну да теперь-то, похоже, ей придется досконально разобраться в том, что откуда взялось!

— Это еще что за птица? — понизив голос, поинтересовался Хейзит.

— Только прошу тебя, не лезь сразу на рожон, — предупредила Гверна, машинально хватая сына за рукав. — На мой взгляд, прекрасный молодой человек, бывает у нас теперь чуть ли не каждый день, всегда при деньгах, ссор не затевает. Велле он тоже нравится.

— В этом я не сомневаюсь, — хмыкнул Хейзит.

— А коня его ты видал?

— Да, видал. Там вон и мой теперь рядом твой овес жует.

Последнее замечание он сделал наигранно небрежным тоном, предполагая приятно удивить мать. Гверна выглянула в окно, всплеснула руками, но как будто не обрадовалась, а встревоженно посмотрела в лукавые глаза сына.

— Что случилось? — прямо спросила она. — Тебя выгнали с заставы?

Хейзит не успел ответить, как его сзади обняли две сильные нежные руки, пахнущие сушеными грибами, а знакомый женский голосок пропел над ухом:

— Вот вернулся к нам домой драгоценный братец мой!

Хейзит резко вывернулся из объятий и со смехом запечатлел на румяной щечке сестры быстрый поцелуй. При этом он не преминул найти взглядом лицо мерга и не без удовольствия удостовериться, что его правильные черты исказила гримаса ревности. Ничего, пусть помучается.

— Велла, — цыкнула на детей посерьезневшая Гверна, — не забывай, что на тебя все смотрят. Веди себя как подобает хозяйке.

— А чем я не хозяйка? — подбоченилась девушка и озорно подмигнула сидевшей за соседним столом шумной компании рыбаков. Те ответили ей громкими шутками-прибаутками и застучали по столу кружками, требуя добавить пива.

— Вот и займись тогда этими молодцами, а я отлучусь пока на кухню. Мне нужно переговорить кое о чем с Хейзитом.

Не снимая фартука, она подтолкнула сына вперед, и он послушно проследовал за кухонную дверь, по пути бросив взгляд на подставку с кружкой Ракли. Интересно, из чего он пьет теперь?

В кухне у большой плиты возилась с кипящими кастрюлями толстуха Мара, жена Дита, к помощи которой Гверна раньше прибегала лишь в тех случаях, когда таверна оказывалась переполнена и они вдвоем с дочерью не справлялись со всеми заказами. Теперь, похоже, Мара чувствовала себя здесь как дома. Хейзит ничего против ее присутствия не имел, памятуя о том, что

она пуще родной матери баловала их с сестрой в детстве, поскольку отменно умела печь всякую вкуснятину, а своих детей с Дитом так и не нажила.

— Какие гости к нам пожаловали! — заиграла всеми складочками своего круглого лица улыбчивая толстуха. — Мы и не чаяли тебя увидеть раньше первого снега.

— Говоря по правде, я и не собирался, вифа[15] Мара, — вздохнул Хейзит, до конца не уверенный, стоит ли выкладывать все при посторонних ушах.

— Ты не постоишь за меня у стойки? — без лишних проволочек попросила подругу Гверна. — Велла зашивается, а у меня тут разговор важный.

— С удовольствием передохну после этой парилки, — понимающе кивнула Мара и чинно удалилась, по пути игриво ущипнув Хейзита за мягкое место.

Первым делом Гверна не удержалась и заглянула по очереди во все кастрюли. Помешивая содержимое одной из них большим деревянным половником, она вопросительно оглянулась на сына:

— Ну, выкладывай, что там у тебя стряслось?

Хейзит на всякий случай помедлил с рассказом и поинтересовался, не доходило ли до таверны каких-нибудь слухов о Пограничье.

— Слухов? — Гверна оставила в покое половник и накрыла кастрюлю крышкой, смахивающей размерами на щит виггера. — Слухов тут у нас всегда что мух в жару. Не далее как вчера Норлан заявился к нам с целой ватагой таких же, как он, бравых гвардейцев. Так они рассказывали, будто в Пограничье были найдены доспехи самого Дули, а теперь они хранятся в замке.

— Норлан? — нахмурился Хейзит. — Уж не тот ли мерг, что зарится на Веллу, а ты этому, похоже, с радостью потакаешь?

— Перестань молоть чушь! Не твоего ума дела, если хочешь знать. Велла уже достаточно взрослая, чтобы самой решать, с кем ей водить знакомства. А тебе я бы искренне советовала: чем руками махать, лучше бы сам с Норланом пообщался: парень неглупый и в замке, видимо, на хорошем счету.

— То-то ему даже кожаного камзола не дали! — усмехнулся Хейзит. — Между прочим, доспехи Дули я видел своими глазами. Их лазутчики с нашей заставы нашли. — Он запнулся.

— Вот видишь, а Норлан вчера говорил, что их чуть ли не на Мертвом болоте отыскал какой-то чужеземец, который вроде говорит на нашем языке, но его почти никто не понимает. Спрашивается: кто из вас придумывает? Ну, что замолчал?

Хейзит почесал щеку, взглянул на мать и невесело прищурился:

— Хорошо, пусть будет прав этот мерг. Доспехи и вправду принес довольно странный малый, с которым я, признаться, хотел бы перемолвиться гораздо больше, чем с твоим Норланом. Может, Норлан и имя его упоминал? Ах нет? Ну так знай на всякий случай, что зовут этого чужеземца Вил. Хотя вообще-то дело совсем не в нем, не в твоем замечательном Норлане и даже не в доспехах Дули. Как я теперь понимаю, главного пока здесь не знает никто. Наша застава сгорела. Кроме меня и еще нескольких виггеров, которым удалось бежать со мной через подземный ход, в живых, думаю, не осталось никого. А самое жуткое во всей этой истории то, что застава сгорела не сама по себе, ее сожгли шеважа. Мама, они научились управлять огнем.

Гверна прикрыла ладонью рот и тяжело опустилась на табурет. Потом ухватила Хейзита за руку и долго гладила, словно лишний раз хотела убедиться, что он стоит перед ней, живой и невредимый.

— И что теперь? — только и смогла выдавить она.

— Если честно, ума не приложу. Прошлой ночью мы заночевали на заставе у Тулли. Он-то и дал нам сегодня утром лошадей, чтобы мы быстрее передали эти дурные вести Ракли. Но мы думаем, что Ракли уже и без того знает. Похоже, даже отряд в Пограничье снарядил. Правда, боюсь, их там тоже всех перебьют.

— Так ты должен спешить в замок?

— Не совсем. По пути я и мои спутники разбрелись кто куда. С одним из них мы доехали почти до самых Стреляных стен, а оттуда я прямиком к вам. Я же не знал, что вы ничего не слышали. Думал, волнуетесь, думал, не до Норлана вам…

— Дурачок ты мой! — сквозь слезы засмеялась Гверна, притягивая сына к себе и целуя в лоб. — Говоришь глупости — зато поступаешь по сердцу. За что и люблю.

— Да погоди ты, — смутился Хейзит, успевший отвыкнуть от подобных ласк. — Я-то к вам, да этот виггер поскакал все же к Ракли. Неспокойно у меня на душе за него. Мы дорогой чего только не передумали! Мужики все бывалые, не в таких передрягах оказывались, ну и судили-рядили, отчего да почему все так произошло. Короче, может, и не шеважа тут вовсе замешаны.

— Что ты такое несешь?

— Сам не знаю. А узнаю ближе к вечеру. Мы с тем, что к Ракли поскакал, договорились: он, если все будет в порядке, сюда, к нам в таверну придет. Тогда и порешим, как дальше быть.

— И пусть приходит. Отчего ж нет, если твой друг. Мы его за так угостим да напоим. — Гверна поднялась с табурета и покосилась в сторону двери, из-за которой донеслись раскаты

хохота. — Только не нравится мне все это, ой как не нравится!

— У меня к тебе одна просьба, мам: никому раньше времени не проговорись о том, что я рассказал.

Гверна укоризненно покачала головой:

— За кого ты меня принимаешь? Хотя на твоем месте я обратилась бы за советом к Ротраму. Он вот-вот должен прийти. Ему-то ты доверяешь?

Хейзит кивнул, правда, как-то неопределенно. Больше всего ему сейчас хотелось есть и спать, причем желательно и то и другое сразу.

Они вернулись в залу и обнаружили, что гостей прибавилось. Вокруг стоял шум и гам, от дверей доносились обрывки пьяных песен. Компания рыбаков, получив свое пиво, громко чокалась кружками и недобрым словом поминала портящуюся погоду, Велла стремглав носилась между столиками, норовя то и дело оказываться неподалеку от пребывавшего по-прежнему в одиночестве и глуповато улыбающегося Норлана. Толстуха Мара от души хохотала, глядя на все это из-за барной стойки.

Хейзит с молчаливого одобрения матери занял край соседнего с баром столика и вскоре получил полную до краев тарелку любимой мясной каши с разваренными овощами и жареным луком. Буханка хлеба показалась ему слишком маленькой, зато холодное пиво — именно таким, каким он его помнил: пенным и душистым. И еще оно имело привкус вишни. Такого пива не варили нигде: ни в Малом, ни в Большом Вайла'туне. Секрет его знала только Гверна. Она умела подмешивать в дрожжевой отвар ровно столько ягодного сока, чтобы придать ему неповторимый привкус и аромат, не лишив при этом необходимой горечи и не превратив в компот. Она могла проделывать это с любыми ягодами, однако наибольшим спросом в таверне пользовалось пиво вишневое, сливовое и рябиновое. Последнее почему-то особенно любили виггеры и рыбаки.

Обслуживала брата Велла. Несколько раз она успела даже подсесть к нему и порасспросить о жизни в Пограничье, а заодно поведать о местных новостях. Очевидно, ей не терпелось узнать, о чем Хейзит шептался на кухне с матерью, но он осторожно помалкивал, а она не настаивала.

— Вижу, у тебя новый ухажер появился? — заметил он, когда она устало присела на лавку в очередной раз.

— Можно подумать, у меня когда-то были старые! — надула губки девушка. — Тебе что, завидно?

— Еще бы! Всегда мечтал водить дружбу с мергом! Норлан, если не ошибаюсь?

— Откуда ты знаешь?

— Мать сказала. Она считает, ты должна нас познакомить, потому что я дурак, а он очень умный.

— Тонко подмечено! Познакомить?

— Только этого мне не хватало! И без него дел по горло. А ты давай поосторожней с этими виггерами. Я на них достаточно насмотрелся. Правда, не на тех, что в замке сидят да по тавернам шатаются, а на настоящих, и все равно считаю, что они тебе не пара.

— А по-твоему, я всю жизнь должна в девках ходить?

Хейзит посмотрел на сестру. Нет, такая милашка в девках не задержится. Как же быстро они растут, эти девчонки! Вслух же он сказал:

— Давай договоримся, что со своим мергом ты меня все-таки познакомишь. Но только тогда, когда он сделает тебе предложение. Не раньше и не позже. Ты ведь помнишь, что у нас тут я за отца. Без моего одобрения…

— Без твоего одобрения, — прервала его Велла, — я буду поступать так, как считаю нужным и правильным. А Норлан, между прочим, мне уже предложения делал, так-то!

— Предложения или предложение? Это разные вещи.

— Сначала было одно, потом другое, потом третье. Потому что каждый раз я отказывалась. — В глазах девушки мелькнули лукавые огоньки. — Говорила: вот вернется мой братец-умник, тогда и решим. А ты как будто меня услышал и раньше времени пожаловал.

— Ну, извини, если попортил твои планы, сестрица, — повеселел Хейзит. — Кстати, может, у этого твоего Норлана тоже сестра есть? Тогда я бы с ним точно побратался.

Велла рассмеялась и поспешила дальше.

А на ее место вскоре грузно опустился седобородый мужчина с такой же седой копной вьющихся волос. На нем был роскошный бархатный камзол густого синего цвета, пересеченный от левого плеча к правому бедру широкой золотистой перевязью. Перевязь заканчивалась у пояса прекрасными ножнами из черной кожи, в которые был вставлен короткий, с загнутым лезвием меч, знакомый Хейзиту только своей инкрустированной рукоятью, поскольку он не помнил, чтобы меч хоть раз извлекали в его присутствии. Лицо мужчины было сплошь покрыто глубокими морщинами, которые, однако, отнюдь не уродовали его, а, напротив, придавали лицу выразительности и почтенности. Большие, слегка навыкате голубые глаза казались насмешливыми и немного грустными.

Это был торговец оружием Ротрам.

Хейзит искренне обрадовался его появлению и с готовностью пожал протянутую через стол мягкую, но сильную ладонь.

— Ну, чем тут нас нынче угощают? — начал, по своему обыкновению, Ротрам, устраиваясь поудобнее, поправляя под собой подушку и проверяя прочность подлокотников, как будто не ходил сюда чуть ли не каждый день вот уже зим десять кряду. Хейзит догадывался, что благодаря этому его постоянству Гверне удалось медленно, но верно превратить таверну «У старого замка» из простенькой забегаловки, каких в округе было большинство, в то, чем она стала сегодня — достойный для подражания образец вкуса и благополучия. — Пиво не горчит?

— В самый раз, — не сдержал улыбку Хейзит, облизывая губы.

— Что там слышно в Пограничье? — без лишней раскачки поинтересовался Ротрам, когда Велла поставила перед ним две кружки, пена из которых переползала через край и растекалась двумя мокрыми пятнами по скатерти. — Война разгорается?

— Почему вы так решили? — удивился осведомленности собеседника Хейзит.

— Мне ли не знать, что творится, если я за последнее время беру на работу вот уже третьего помощника и по-прежнему еле справляюсь с заказами, которые все поступают и поступают из замка. Хорошо, конечно, с одной стороны — дела идут хоть куда, но ты ведь знаешь, что старый Ротрам не из тех торговцев, которые радуются лишним монетам в кошеле сегодня, если они означают чью-то беду завтра. Вот и тебя, признаться, никто так рано не ждал. Видно, и тому своя причина. Выкладывай, я слушаю.

Он до половины осушил одну кружку и вопросительно посмотрел на юного собеседника, который не знал наверняка, как поступить и куда деваться от пронизывающего взгляда голубых, по-рыбьи выпуклых глаз.

— На нас напали, вита[16] Ротрам. Вся застава сгорела, а эльгяр погибли. Мне с несколькими виггерами чудом удалось бе… спастись. Сегодня вечером один из них будет здесь после того, как расскажет обо всем Ракли.

— Погоди-ка, погоди-ка! Уж не хочешь ли ты сказать, — понизил он голос до шепота, хотя в общем гаме его едва ли кто мог услышать, — что погибли все люди Граки? Ты ведь у него на заставе служил, если мне не изменяет память?

— Думаю, что да, хотя сам я успел скрыться, когда стало понятно, что пожар не остановить. Но стреляли в нас со всех сторон. Целый град стрел. Боюсь, вырваться оттуда можно было разве что по воздуху, превратившись в птиц.

— Значит, и Шиган погиб? — поморщился торговец.

— А вы его что, знали, вита Ротрам?

— Тэвил, а то как же! Неужели и его к себе Квалу прибрала? Не верится мне что-то.

— Кстати, тот воин, что должен сейчас разговаривать с Ракли, а вечером прийти к нам сюда, его сын.

— Фокдан?! Хоть одна хорошая новость. Вот за кого держись, Хейзит, если нужда заставит. Фокдан весь в отца пошел: не человек — кремень. Постой-ка, мне послышалось или ты сказал «пожар»? Откуда ему было взяться?

— В том-то и дело, вита Ротрам, что, похоже, шеважа научились делать огненные стрелы. — Он запнулся, увидев, как изменилось лицо собеседника. — Как вы считаете, что с нами будет?

Ротрам не сразу нашел что ответить. Мгновенный испуг сменился озабоченностью. Он осушил кружку и взялся за вторую.

— Вот что я скажу, Хейзит. Ты молодец, что пришел сюда и все мне рассказал. Но теперь держи язык за зубами и, поверь, я тоже до поры до времени буду помалкивать. Если то, что ты говоришь, правда, нас ждут еще более скверные деньки, чем я думал, когда получил рано утром заказ из замка на покупку такого количества оружия, будто Ракли собрался вооружать всех вабонов без исключения. Теперь-то я вижу, что к тому все идет. — Вторая кружка опустела еще быстрее первой. — Что и говорить, пиво отменное! О чем это я? Ах, ну да, насчет будущего. Для меня оно, конечно, неплохо. Я давненько присматривался к парочке оружейников, которых теперь наверняка перекуплю вместе с их мастерскими. Если грядет настоящая война, то лучшее средство позаботиться о толщине кошеля — от одной лишь торговли оружием перейти к его изготовлению. С другой стороны, большая война грозит большим разорением и потерей всего того, что пущено в ход, а не спрятано по кубышкам. Хотя, — возразил он сам себе, — какой тогда вообще будет прок от денег?

К счастью, вопрос этот адресовался не Хейзиту, потому что правильного ответа Хейзит не знал. Он только видел, что перед ним сидит старый добрый Ротрам, в котором, как всегда, врожденная жажда выгоды борется с совестливостью простого фолдита. Ведь и отец, и дед его всю жизнь копались в земле, любовь к которой передали сыну и внуку, избравшему в конце концов собственный путь, но никогда не забывавшему о своих корнях.

— Ты матери сказал? — продолжал Ротрам, знаками подзывая Веллу. Хейзит кивнул. — И правильно. Ты бы знал, как она переживала, когда ты уехал! Так что теперь уж ты давай, не подводи ее, раз вернулся.

— Я хочу завтра сам поговорить с Ракли и настоять на том, чтобы как можно скорее переделать все наши заставы из деревянных в каменные. Думаете, он меня послушает?

Ротрам задумчиво пригладил бороду и смахнул с усов капельки пивной пены:

— Во-первых, имей в виду, что ты едва ли сможешь на чем-нибудь настоять. Рассказать, да, предложить — наверное, но не настоять. Во-вторых, не мне тебе объяснять, чего ты требуешь. После постройки замка хорошего материала в нашей каменоломне осталось всего ничего. А если бы даже и осталось, кто и как потащит камень через весь лес? Вот если бы ты предложил, допустим, пропитать все заставы теми растворами, которыми мы пропитываем бревна наших домов…

— Вита Ротрам, неужели вы думаете, что эти растворы не используются, что ими не была пропитана каждая дощечка нашей заставы? Которая на моих глазах вспыхнула как факел. Нет, спасти эльгяр могут только каменные постройки. На худой конец, глиняные, но глина слишком непрочна. Нужно искать новые каменоломни. И не посылать отряд за отрядом в Пограничье, чтобы те гибли при восстановлении пепелищ. Так в Вайла'туне скоро останутся одни женщины.

— Что было бы по-своему неплохо, — невесело пошутил Ротрам.

— Я даже думал о воде, — продолжал Хейзит, — но и она — не выход. В лесу одни ручьи, сделать запруду и окружить заставу водой не получится. Наступят холода — вообще все замерзнет: второй Бехемы нам самим не создать.

— А ты случаем не забываешь, что все заставы строятся вокруг источников? Это всегда было одним из главных условий. Иначе что бы там пили такие, как ты?

— Все так, да что толку, если огненные стрелы перелетят любую преграду. Не будут же эльгяр целыми днями только и делать, что обливать все стены и постройки водой на случай прихода врага. Курам на смех! Без камня не обойтись. Откуда вот только его взять?

— А ты предложи Ракли разобрать его замок. — Ротрам поднял одну бровь и усмехнулся. — Ладно, не обращай на меня внимания. Я не знаю, что сказать, а когда я не знаю, что говорить, начинаю умничать.

Хейзит понял, что пиво сделало свое дело и собеседника слегка развезло. Вот бы и ему так: выпить и забыться!

— Ничего страшного, вита Ротрам. Мне бы только Фокдана дождаться, а там мы что-нибудь придумаем. Лишь бы Ракли его выслушал. А завтра — меня.

— Выслушает, не переживай. У него, конечно, свои причуды, как же без этого, но дельных людей он всегда умел слушать. Это я тебе говорю. Кстати, ты ведь вроде бы был дружен с его наследником, Локланом?

— Ну не то чтобы дружен, но знаком, — кивнул Хейзит.

— Я слышал, он в последнее время стал оказывать на отца влияние. Конечно, не так чтобы очень, но тот все больше ему доверяет. Особенно теперь, когда мальчишка привез ему из леса доспехи и меч самого Дули. Слыхал об этом?

— Не только слыхал, но собственными глазами видел. Их лазутчики с нашей заставы и обнаружили. Вернее, человека, который их нашел на Мертвом болоте. Вскоре после этого застава и сгорела. Локлан буквально накануне успел уйти.

— Ну и как? — оживился торговец.

— Что как?

— Доспехи, разумеется. Я жду не дождусь, когда Ракли соберется показать их народу. Сколько про них все с пеленок слышали, а в глаза не видели! Меч-то хоть красивый?

— Да обычный, по-моему, — замялся Хейзит.

— «Обычный», — передразнил его Ротрам. — Много ты понимаешь! Изумруды с рубинами видел?

Хейзит задумался:

— Видел, кажется. Мы все у Граки сидели, темно было.

— «Кажется»! Ты меня без ножа режешь! Разве может «казаться», когда перед тобой лежит меч, которого касалась рука Дули?!

— Так ведь ночь была, темно, говорю.

Ротрам сокрушенно отмахнулся и прочитал речитативом:

— *Камнем двойным украшалась его рукоять: рубин упирался в ладонь, изумруды под пальцем горели. Над ними — двуглавый орел, шар величья когтями сжимавший. Змеиное жало клинка к охране и крепи взывало…* — Он остановился, и его взгляд, устремленный на Хейзита, снова сделался пронзительно-внимательным. — *Никогда не мог понять, что значит это последнее выражение. Почему «змеиное» и как это оно «взывало»?*

— У меча острие раздвоенное, — вспомнил отличавшийся врожденной наблюдательностью Хейзит. — Как бы два острия вместо одного получается. А по лезвию надпись сделана: «охрани да укрепи», кажется…

Теперь Ротрам воззрился на юношу с нескрываемым восторгом и некоторое время не мог ничего сказать. Потом вспомнил про новую кружку, которую за время их предыдущего разговора незаметно поставила на стол Велла, и выпил ее залпом.

— Ну, считай, я у тебя в долгу, маго! Никогда бы сам не

додумался до такой простоты. Похоже, ты и правда его видел. Могу только позавидовать.

— Я бы не стал мне завидовать, — заметил Хейзит, стараясь сохранить почтительный тон. — А что до долга, то я, так и быть, готов вам его простить, если вы мне расскажете вон про того молодчика в наряде мерга, который сейчас делает вид, будто в сто сорок шестой раз заказывает пиво у моей сестры.

Ротрам с интересом перевел взгляд туда, куда указывала двузубая вилка Хейзита.

— Ты имеешь в виду аби'мерга Норлана?

— Вероятно. Имя его я уже слышал от матери. А что значит «аби»? Вы это поняли по тому желтому лепестку, что вышит у него на груди?

— Этот лепесток «аби» и называется. Странно, что в твоем возрасте, да еще успев послужить в Пограничье, ты не знаешь таких простых вещей.

— Зато мне есть у кого спросить, — подыграл собеседнику Хейзит и изобразил на лице напряженное внимание, как в годы детства, когда хотел, чтобы взрослые продолжали захватывающую сказку и не отвлекались. — То есть, если он «аби», значит, он над кем-то главный?

— Не совсем так, — позабыв про недавние переживания, степенно разглагольствовал Ротрам. — Давай я лучше все расскажу по порядку, чтобы ты впредь не попал ненароком впросак по недомыслию. Хочешь общаться с Ракли, а как там все устроено, ни ухом ни рылом, извини за прямоту. Если тебя берут на службу в конную гвардию, то ты становишься мергом. Это, надеюсь, понятно. Всего, насколько мне известно, мергов в замке четыре сотни. Причем это количество держится вот уже много зим постоянным. Ни больше ни меньше. Быть может, в свете теперешних событий Ракли этот порядок и пересмотрит. Не берусь судить. Но это что касается мергов. Те в свою очередь делятся на дюжины, а десять дюжин составляют сотню.

— Как-то странно вы складываете, — не преминул поправить собеседника Хейзит.

— Ничего странного. Я к этому и клоню. Должен же во главе каждого десятка кто-то стоять. Вот и получается, что одиннадцатым в дюжине считается тэн'мерг, или брегон, у которого всегда бывает еще и помощник, тот самый двенадцатый, что стоит чуть выше, чем простой мерг, то есть аби'мерг. Брегона легко узнать по двум желтым лепесткам, а у аби'мерга желтый лист перечеркнут красной дугой.

— И почему виггеры так любят разводить все эти сложности с чинами и званиями? — поморщился Хейзит. — Почему у нас все

просто: есть мастер, а есть подмастерье, его помощник? И вполне хватает.

— Об этом ты лучше не меня спрашивай, а тех, кто соглашается служить в гвардии.

— Почему «соглашается»? Как я слышал, от желающих обзавестись бесплатным конем, доспехами да всеобщим уважением отбоя нет.

— То-то и оно! А ты говоришь «зачем сложности»! Кому-то правится камни класть, а кому-то другими командовать. Но ведь сразу тебе людей никто и никогда не доверит. Вот и приходится набираться опыта, поднимаясь по лестнице из чинов и званий. Ты еще не забывай, что у каждой сотни свой глава — хеа'герефа. Еще его же называют херетога. Почему так и в чем разница, признаться честно, понятия не имею. У хеа'герефа сразу три красных лепестка, тогда как у херетоги — один красный, но перечеркнутый желтой дугой.

— А во главе всех стоит сам Ракли?

— По сути, да, но вообще-то у него есть для этого особый помощник, которого зовут, насколько я знаю, Тиван. Тиван ведает только конной гвардией, однако никаких специальных чинов или отличий у него вроде бы нет. Во всяком случае, мне о них слышать не приходилось. Да и вряд ли они ему когда потребуются. Приближенные Ракли — люди особого сорта. Им и без чинов неплохо, — в словах Ротрама послышалась если не зависть, то откровенное раздражение, какое, по мнению Хейзита, больше пристало простому фолдиту, нежели богатому торговцу.

— А разве не он закупает у вас оружие для всех этих мергов, херетогов и кого там еще?

— Не хочу жаловаться, но если бы мне удалось сойтись накоротке с такими виггерами, как Тиван, уверяю тебя, мои дела шли бы еще лучше! Увы, за снабжение оружием у Ракли отвечают совершенно другие люди. Причем, похоже, никакого отношения к ратным подвигам не имеющие.

Хейзит припомнил, что и строительством в замке ведали отнюдь не опытные каменщики. Хокан, его покойный отец, был хоть и мастером, но всего лишь одним из доброго десятка ему подобных, каждый из которых вел отдельную часть работ: кто занимался башнями, кто мостами, кто внутренними постройками, кто земляными укреплениями. При всей своей заинтересованности в результате их совместных усилий Ракли нечасто вмешивался в повседневные нужды строителей. С ними все мастера шли к человеку по имени Эдлох, который сам принимал решения, улаживал споры и выделял деньги на закупку необходимых материалов. Даже сделавшись подмастерьем,

Хейзит никогда не разговаривал с ним лично и только раза два видел издали. В свое время отец отзывался о нем как о руководителе грамотном и смелом. Последнее качество Хокан ценил в представителях всех ремесел, кроме собственного. Он считал, что строитель должен быть в первую очередь осмотрительным, чтобы потом никому не приходилось исправлять за ним допущенные в спешке ошибки.

— А о самом Норлане вы что-нибудь слышали, вита Ротрам? — вышел из задумчивости Хейзит. — Давно он сюда повадился? Что-то мне не приходилось видеть его у нас раньше.

— Я некоторое время назад приболел по глупости, а когда выздоровел, он уже тут сидел. Когда же это было? Хм, да пожалуй что вскорости после твоего отъезда. Выходит, давненько. Меня твоя мать тогда тоже просила о нем справки навести. Очень беспокоилась за Веллу. Это она сейчас к парню благосклонна, а поначалу сестричку твою к нему не подпускала, сама старалась обслужить.

— И что вы такое ей рассказали, что она теперь готова его мне в пример ставить?

Ротрам лишний раз заглянул в пустую кружку и призывно поднял руку. Подбежавшую Веллу он удивил тем, что отказался от новой порции, а попросил принести ему чего-нибудь эдакого закусить.

— Мама давеча новое блюдо придумала, — сообщила девушка, подмигивая брату. — Куриные потроха, запеченные в репе. Я еще не пробовала, но многие хвалят.

— Из твоих уст, дитя, даже потроха звучат соблазнительно, но я надеюсь, что не обижу ни тебя, ни Гверну, если воздержусь. Не завалялось ли у вас там пожевать чего-нибудь попроще?

— Есть огуречная каша с мясом поросенка. Есть куриная грудка, нашпигованная грибами в вашем любимом остром соусе.

— Вот оно! Конечно, грудку! Тут и думать нечего. Ай, молодец какая! — Последнее замечание относилось уже к самой Велле, которая упорхнула в направлении кухни, чересчур, как показалось Хейзиту, откровенно виляя бедрами. — Пиво без закуски все равно что… ну да ладно, тебе это пока рановато. Так о чем бишь мы?

— О том, что вам удалось выяснить про этого Норлана? — подсказал Хейзит, который на заставе уже успел узнать продолжение поговорки, но не стал возражать.

— А все оказалось очень даже просто. Я тебе про Тивана только что рассказывал?

— Рассказывали.

— Ну так вот это его сын.

— Сын?!

— А что тебя удивляет? У него, говорят, и дочь имеется. — Ротрам пожал плечами, поискал глазами Веллу и продолжал: — А, кажется, понимаю. Ты удивлен, что сын главного мерга ходит с одним желтым лепестком. Не знаю точно, но думаю, что это заслуга Ракли. Он не допускает, чтобы виггеры, а тем более из его ближайшего окружения, а тем более из среды гвардейцев перепрыгивали через звания и становились командирами по праву рода, а не по заслугам и опыту. Собственные его дети, разумеется, другая история, но что до остальных эделей, то для них никаких исключений он не делает.

— А Норлан — эдель?

— Самый что ни на есть! — Ротрам даже присвистнул, правда, это уже относилось к принесенной Веллой грудке, из которой на тарелку соблазнительно вытекал красный соус. — Спасибо, дитя! Хоть на склоне зим душу отведу. Мы тут, кстати, о тебе говорим.

— И что вы обо мне такого говорите? — подсела девушка на лавку к брату, делая жест матери, что, мол, помнит о своих обязанностях. — Небось гостей моих обсуждаете?

— А у тебя уж и свои гости появились? — хмыкнул Хейзит. — С каких таких пор? И почему это, интересно, твои?

— Да потому, что если меня нет, то и они уйдут, вот почему.

— Это она точно говорит, — подтвердил Ротрам. — Я сам наблюдал, как тот же Норлан заглядывал с улицы в дверь, видел, что сестренки твоей нет, — и поминай как звали.

— Так вот вы о ком! — стукнула ладошкой по столу Велла. — Вита Ротрам, и вы туда же!

— Так я любя, — расплылся в улыбке торговец.

— Вот посмотрите лучше, что он мне подарил сегодня. — С этими словами девушка достала из кармашка фартука довольно большой, гладко отшлифованный камень серого цвета со сквозными прозрачными прожилками. Казалось, камень распилен на несколько частей и снова склеен густой древесной смолой, в которой виднелись даже крохотные пузырьки воздуха. — Правда, чудо? — Хейзит попытался рассмотреть камень из своих рук, но девушка не отдала, опасаясь потерять такую красоту навсегда. — Вам нравится, вита Ротрам?

— Забавная штучка, — согласился старик. — Хотел бы я знать, где такую можно найти. Как будто камень, а и не камень вовсе.

Велла с гордостью сунула подарок обратно и показала брату розовый язычок.

— Если хотите, я еще раз попробую спросить, откуда он это

взял. Но он вряд ли сознается.

Заметив жесты, которая делала ей уже некоторое время мать, Велла покинула призадумавшихся собеседников и подошла к барной стойке.

— Шесть кружек унесешь? — деловито спросила Гверна, строго глядя на дочь.

— Кому? — вместо ответа поинтересовалась девушка, ловко подхватывая по три кружки сильными пальцами и поворачиваясь чуть более напряженным, чем обычно, лицом к галдящему на все лады залу.

— Вон у окна новая компания засела. Отдай им пиво, но пока про горячее не спрашивай. Мы с Марой и так зашиваемся. Скорей бы Дит пришел, — услышала за спиной Велла, отправляясь в путь между столиками.

Ей нравилось обслуживать гостей. В детстве — потому что она чувствовала себя взрослой и становилась похожей на любимую матушку. Теперь — потому что взамен на принесенное пиво и кушанья получала многозначительные улыбки и внимание зрелых мужчин и тем самым обретала подтверждение тому, о чем всегда мечтала и на что надеялась: она выросла в настоящую красавицу, своей юностью и свежестью способную заставить всех этих бородатых мужиков забыть о домашних неурядицах и сварливых женах. Велла почему-то полагала, что с возрастом все жены становятся сварливыми. Гверна не раз упрекала дочь в излишней наивности и, как могла, объясняла, что мужчины видят в ней вовсе не то, что она предполагает, что их восторженные взгляды и замечания вызваны гораздо более прозаическими причинами, а доверяться им — значит подвергать себя неминуемой опасности. За все семнадцать зим жизни, проведенной главным образом в этих стенах, Велла только недавно познакомилась с гостем, против более близкой дружбы с которым мать возражала на удивление недолго. До него у нее был один знакомый, тоже виггер, красивый и сильный, правда, в летах, но о его существовании ни мать, ни брат ничего так и не узнали, поскольку в таверне он вел себя как обыкновенный гуляка, каких пруд пруди, а с Веллой встречался по ночам, чаще всего у реки. Между ними ничего не было, кроме нежных объятий, изредка сопровождаемых поцелуями, но Велла до сих пор не могла без приятной дрожи в коленях вспоминать мускулистые мужские руки и дерзкие слова, которые этот бородатый, бритоголовый детина любил нашептывать ей на ушко. А потом он исчез из ее жизни так же внезапно, как появился, и вот уже почти два года Велла довольствовалась лишь памятью о тех незабываемых мгновениях.

Сидевшая у окна компания молодых фолдитов встретила появление девушки да еще с шестью тяжеленными, доверху наполненными пенистым пивом кружками сдержанным гулом одобрения.

— Посиди с нами, красавица! — пригласил ее самый старший, вероятно, местный заводила. — У нас, понимаешь, сегодня праздник. Удачно поторговали, можно сказать.

— Садись, не пожалеешь! — поддакнул другой.

— Сегодня мы при деньгах! — добавил третий.

Велла знала, что должна стараться не разочаровывать гостей, чтобы не возникало ненужных обид, под воздействием пива часто переходящих в ссоры, однако сейчас у нее не было ни желания, ни времени им подыгрывать.

— Рада бы посидеть с такими богатыми да видными, а только зовут меня дела неотложные. Извиняйте.

— Э-э, хитришь, красавица! — шутливо погрозил ей пальцем первый. — Сам видел, как ты вон за тем столиком с двумя гостями сидела. А нас, значит, избегаешь?

— Между прочим, там сидит мой брат, — заметила Велла. — И если вы будете проявлять настойчивость, то придется вам с ним познакомиться поближе.

Заводила отдернул протянутую было к девушке руку и подул на пальцы, как будто обжегся. Остальные фолдиты расхохотались, однако никто больше к ней с предложениями приставать не стал.

Велла прошлась по залу, получила плату с громкоголосых рыбаков, которые наконец-то решили убраться восвояси, наскоро вытерла крошки и лужицы пива с досок освободившегося стола, заново накрыла все чистой скатертью и, подмигнув улыбающемуся Ротраму, пошла дальше, как бы невзначай оказавшись в результате возле столика Норлана.

Тот пребывал во хмелю, однако при виде девушки поднял на нее лучистые глаза и совершенно трезвым голосом спросил:

— Мне ты тоже откажешься составить кампанию?

«Он явно слышал мой разговор с фолдитами, — мелькнуло в голове у Веллы. — Как бы чего не вышло».

— Только если ненадолго. — Она с удовольствием присела напротив юноши и почувствовала, что не хочет больше вставать и таскать эти дурацкие кружки. Никогда. — Ты опять хочешь мне что-то рассказать?

Норлан сверкнул ровными белыми зубами и потрогал бородку, словно проверяя, на месте ли она.

— Нет, теперь я хочу тебя кое о чем спросить, если не возражаешь? — И продолжил, не дожидаясь ответа, который едва ли был бы отрицательным: — Кто тот парень, с которым ты так

мило воркуешь и, если мне не изменяет зрение, на виду у всех целуешься?

— А ты, можно подумать, ревнуешь? — Велле стало еще приятнее сидеть напротив Норлана и наблюдать, как он сердится.

— Можно подумать. На тебя не похоже, чтобы ты целовалась-миловалась с первым встречным, да еще в присутствии своей строгой матушки, которая, кстати, насколько мне известно, разведала обо мне все, прежде чем разрешила тебе первый раз принести мне вишневого, как сейчас помню, пива. Выходит, ты с ним хорошо знакома. Я прав?

— Ты, как всегда, попал в самую точку, стрелок. — Девушка прыснула и покрутила в пальцах пустую кружку, пахнущую хмелем и вишней. — Мы знакомы с ним вот уже семнадцать зим. Это мой брат Хейзит. Теперь доволен?

Было чуть ли не воочию заметно, как гора сомнений свалилась с плеч юноши. Он посмотрел на того, кого еще мгновение назад считал своим злейшим противником, и не смог сдержать смешка облегчения.

— А я уж хотел было пригласить его на свидание с моим мечом, — признался он, потирая затылок и ловя насмешливый взгляд девушки. — Ладно, ты ему про это ничего не говори. Не хочу выглядеть перед твоими родственниками полнейшим глупцом.

— Кстати, он тоже интересовался твоей персоной и, думаю, был бы не прочь скрестить с тобой мечи, если б у него имелся свой. Он пошел по стопам отца и выбрал мирное ремесло: Хейзит у нас строитель.

Норлан понимающе кивнул и уже другими глазами посмотрел на своего несостоявшегося противника, который о чем-то увлеченно беседовал с седым стариком в синем бархатном камзоле.

— Я бы сегодня не называл ремесло строителя таким уж мирным. Но насчет меча ты права: он ему едва ли достанется в ближайшее время. Хейзит, говоришь? Ты нас как-нибудь при случае познакомь, ладно?

— Надеюсь, Ротрам, который сейчас как раз рассказывает ему о тебе, тоже рассеет некоторые его предубеждения, и знакомство в скором времени состоится.

— Простите, что помешал, — прервал их разговор высокий мужчина средних зим, облаченный под стать Норлану, с той лишь разницей, что вместо одного желтого листа на его кожаном камзоле было вышито два. Шлем он держал на сгибе левой руки, накрыв правой ладонью рукоять меча.

Велла узнала в нем начальника Норлана, а заодно и доброго

друга, которого тот в свое время представил ей как «брегона Аларда». Ее всегда удивляло, что со стороны подтянутый и четкий в словах Алард выглядит скорее помощником даже говорящего с некоторой ленцой Норлана, а не наоборот.

— Какого пива вам принести? — задала обычный вопрос девушка, поспешно освобождая место к явному неудовольствию обоих мужчин.

— Как всегда, вишневого, — с поклоном ответил Алард, дождался, пока Велла отойдет, и только тогда сел, положив шлем рядом со шлемом Норлана. — Прервал что-то важное?

— Вы крайне проницательны, хелет Алард. Смею предположить, ваши новости не требуют отлагательств?

— Большую часть ты уже знаешь по утреннему сбору.

— Неужели отец передумал и решил все-таки отпустить нас в Пограничье? — Лицо Норлана оживилось.

— Не знаю, что решил хевод Тиван, но нас вызывает к себе Ризи.

— Он разве в замке?

— Сейчас в замке, насколько мне известно, собрались и херетоги, и все советники Ракли, и чуть ли не аолы, хотя насчет последних я сомневаюсь. Говорят, после ночных гонцов от Тулли к Ракли пожаловал еще кто-то из Пограничья, и теперь они все сидят и совещаются. Потом Ризи будет нас ждать у себя.

Брови Норлана поднялись.

События и в самом деле развивались быстрее, чем он предполагал, когда ночью вел по коридорам замка двух промокших до нитки посланцев с соседней заставы, потребовавших срочной встречи с Ракли. Они предъявили страже, которую в тот час выпало нести людям Норлана, верительную грамоту, подтверждавшую срочность порученного им задания, и были незамедлительно препровождены прямо в покои Ракли. Вышли они оттуда очень скоро. Ракли еще крикнул из-за двери, чтобы измученных долгой скачкой гонцов отвели на кухню, что Норлан и сделал, вспомнив заодно о Велле и необходимости во что бы то ни стало ее навестить. А теперь еще их, видите ли, вызывает Ризи, этот вечно неумытый сотник, все заслуги которого сводились к тому, что когда-то на охоте он помог Ракли справиться с ни в чем не повинным, но рассвирепевшим от боли кабаном.

— Идем прямо сейчас? — переспросил он.

— Сиди, пожалуйста. У нас еще есть время. И не могу же я уйти, не отведав хмельной вишни.

Алард с благодарностью принял из рук подошедшей Веллы холодную кружку и сунул ей в кармашек передника монету.

Монета звякнула обо что-то твердое.

«Наверняка дал, как всегда, больше, чем требуется, — подумала девушка и посмотрела на Норлана. Тот выглядел озабоченным и как будто позабыл о ее присутствии. — Странно, что могло так его взволновать?»

Она оставила мергов вести одним им понятную беседу и опять поспешила к матери, которая уже расставляла на стойке дымящиеся блюда с отварной рыбой и тушеной капустой — заказ фолдитов, не распускавших больше в ее присутствии рук и языков. Блюда по очереди перекочевали на видавший виды поднос, а с подноса — на забрызганный пивом стол.

— Как поживает твой братец? — не сдержался заводила.

— Прекрасно, чего и вам желает, — отмахнулась подносом Велла, и тут ее взгляд упал на только что вошедшего в зал воина, который неловко застыл на пороге, не то не решаясь войти, не то высматривая кого-то.

Девушка так опешила, что машинально села на лавку к радости изумленных фолдитов.

Как будто не было двух зим разлуки, как будто только вчера она видела перед собой освещаемое костром это мужественное лицо с рано начавшей седеть бородой и высоким лбом, переходящим в гладко выбритое темя. Неужто он вспомнил о ней и вернулся? Теперь, когда она смогла встретить и полюбить другого. Что же делать? Пойти навстречу? А как же Норлан? Его подарок так приятно оттягивает передник…

Потом она увидела нечто еще более удивительное: гость, заметив того, кого все это время искал, направился через весь зал к стойке и, не дойдя до нее двух шагов, преспокойно сел за стол Хейзита. И, что уж совсем не лезло ни в какие ворота, братец обрадованно вскочил, пожал ему руку — ту самую руку, которая когда-то так сладко обнимала ее за талию, — и оживленно о чем-то заговорил, представляя Ротраму.

Сохранять спокойствие оказалось выше ее сил, и, не обращая внимания на огорченные возгласы фолдитов, Велла поднялась и, как во сне, пошла навстречу своей судьбе.

— Какого пива вам принести? — услышала она собственный голос и увидела серые глаза, которые смотрели на нее, не мигая, узнавая, восхищаясь.

Он узнал, узнал ее!

— Велла, не спрашивай, а неси лучшее, что у нас есть! — безжалостно прервал этот немой разговор Хейзит, дергая сестру за передник. — Это человек, с которым мы вместе служили на… — Он поперхнулся, закашлялся и, понизив голос, добавил: — Мы его угощаем, с матерью я уже договорился. Его зовут

Фокдан, и он мой друг.

Велла как-то странно посмотрела на брата и поспешно убежала.

— Твоя сестра? — поинтересовался гость, глядя в стол.

— Как вы догадались? — Хейзит хохотнул, хотя истинная причина его радостного возбуждения заключалась в том, что Фокдан все-таки пришел, причем, судя по его заговорщицкому виду, не с пустыми руками. — Вита Ротрам, разве мы с Веллой чем-нибудь похожи?

— Внешне она получше тебя, это точно, — ухмыльнулся торговец, с интересом разглядывая нового собеседника.

— Не ломай зря голову, — вздохнул тот. — Я догадался потому, что бывал здесь раньше. Велла — красивое имя, — и добавил прищурившись: — Не то что Хейзит.

Теперь рассмеялись все трое. За столом восстановилась непринужденная обстановка.

— Фокдан, я уже кое-что рассказал Ротраму о нашем деле, так что спокойно можете говорить при нем. Встреча состоялась? Что он сказал?

— Судя по тому, как забегали в замке, скоро о том, что случилось с нашей заставой, не будет знать только глухой. Так что и скрытничать не придется. Почему у тебя пустая кружка, Ротрам?

— Я уже не одну опустошил перед твоим приходом. Но знаешь, ты прав. Эй, Велла, будь добра, захвати-ка и мне пивка за компанию! Я хочу выпить, — продолжал он, когда на столе перед каждым возникло по новой кружке, а перед Фокданом — еще и тарелка с толстой яичницей и луковыми колбасками. — Выпить за того человека, которого мне выпала честь знать и которого, как я понимаю, больше нет с нами, — за твоего отца Шигана, да будет милостива к нему Квалу!

Фокдан изменился в лице, но взял себя в руки и сделал несколько жадных глотков.

— Там погибло немало достойных вабонов, — с неожиданно вставшим в горле комком проговорил Хейзит. — Надеюсь, для шеважа это будет началом конца.

Воцарилось молчание. Каждый думал о своем. За соседним столом захохотали.

— Ну так что вы сказали Ракли? — поспешил загладить неловкость Хейзит. — Вернее, что он сказал вам?

Фокдан откинулся на удобную спинку и попробовал прочность подлокотников. Еще раз, как бы на всякий случай, глянул вокруг и только тогда ответил:

— Он все уже знал. Фейли оказался прав: меня опередили

двое гонцов. Они прискакали на рассвете. Уж не знаю, что они ему передали и насколько подробно Ракли их выслушал, но, когда я постарался поподробнее описать то, что мы видели, он пришел в гнев и, похоже, раскаялся в своей поспешности.

— В смысле отправки карательного отряда?

— Ну разумеется. — Фокдан снова придвинулся к столу, оперся в доску могучими локтями и заговорил еще тише: — Когда я выходил, к нему сбегались все главные военачальники, многих из которых я даже не знаю. Вероятно, он созвал их на большой совет, чтобы решить, как поступить. Быть может, они еще успеют отозвать отряд и спасти несколько сотен совсем не лишних жизней.

— Несколько сотен? — поразился Хейзит.

— А я о чем тебе тут весь вечер талдычил? — воскликнул до сих пор внимательно слушавший виггера Ротрам. — Уж не берусь судить, был ли Ракли готов к тому, что услышал, или нет, но я давно наблюдаю за замечательно растущим спросом на оружие и доспехи. Увы, замечательно растущим, — добавил он, сделав ударение на первом слове.

— Одних только мергов в отряде под сотню да сверов[17] не меньше полусотни. Прибавь сюда фултумов — итого уже почти триста душ. Да лесорубов с плотниками десятка два. Да обоз с провиантом. Вот и считай.

— Да, погорячился Ракли, — сокрушенно протянул Ротрам. — Но зато ты, пожалуй, прав: такое воинство далеко не уйдет. Сверы — народ небыстрый. Их еще можно успеть остановить.

— Я тоже на это надеюсь. Хотя…

— Что?

— Мы же не знаем наверняка, кто их там поджидает. У страха глаза велики. Может, шеважа при виде такой силы дадут драпака и заставу удастся восстановить хотя бы в дереве?

— Не на то надеетесь, — покачал головой Хейзит. — Я слишком хорошо помню, сколько в нас летело стрел. Хорошо бы на них по дороге никто не напал. Вроде нашего незнакомца в шляпе и ему подобных.

— Что за незнакомец? — поинтересовался Ротрам.

Хейзит кратко пересказал ему странную встречу на лесной тропе. Торговец только и смог, что пожать плечами.

— Впервые о таком слышу, — признался он. — Хотя я никогда не был сторонником всех этих глупых убеждений, будто, кроме нас да шеважа, никто больше в здешних местах не обитает. Ну, пусть не в здешних, но ведь может же где-нибудь жить народ, о котором мы ничего до сих пор не знали. И не один.

— Ты сегодня помянул моего отца, — прервал его Фокдан, словно стряхивая с себя очередной приступ оцепенения. — Так вот он придерживался тех же взглядов, что и ты. Говорят, он в пору своей молодости немало пространствовал, а иногда даже брал с собой моего старшего брата. Тот мне по секрету рассказывал, что они видели разных людей, языка которых не понимали. Только я долго думал, что все это не более чем сказки, под которые меня укладывали спать. Что скажешь?

— Твой отец умел держать язык за зубами, это точно. — Ротрам выпил, не дожидаясь собеседников. — Но и скрывать ему наверняка было что. Я никогда к нему с расспросами на эту тему не приставал, хотя и догадывался, что иногда он проводит время вовсе не там, где все думают, — в лесу, охотясь, или на реке с рыбаками. Иногда он показывал мне интересные вещи, которых я в наших краях не видел. Вроде того камня, что подарил твоей сестре Норлан.

Хейзит навострил уши.

— Но напрямую я его, увы, никогда не расспрашивал. Вы же сами знаете, как у нас относятся к тем, кто надолго покидает свои дома, а тем более без видимой причины. Шигана вечно куда-то тянуло, и он этого стеснялся. Помню, как-то я в шутку попросил его привезти мне при случае образчик какого-нибудь оружия поинтереснее. Я в ту пору уже начинал приторговывать и был бы не прочь заказать у знакомого кузнеца эдакую диковинку, которая принесла бы мне известность и деньги. Так твой отец сделал вид, что не понял меня. Мол, шутишь, ну и шути.

Зато потом как-то раз я застал его в задумчивом расположении духа и услышал из его уст мысль, которая, признаться, не дает мне покоя и по сей день. Он сказал, глядя на замок: «От кого мы строим такие стены? И кто научил нас строить такие стены? Видать, были у вабонов враги посерьезнее шеважа. Где-то они теперь?» Так и сказал.

— А мы вот Хейзита спросим, — заметил Фокдан. — Он у нас строитель. Ну-ка скажи, кто научил твоего отца стены возводить?

— Его отец, — не задумываясь, ответил Хейзит. — А того — отец отца. Всегда так было.

— Всегда-то оно, может, и всегда, да только Ротрам верно говорит: с какой такой стати? Это сейчас мы с тобой знаем, что без камня не обойтись, и завтра ты попробуешь доказать это Ракли, а ведь раньше как бы шеважа ни наглели, как бы сильно ни доставалось нашим заставам, о защите замка никто серьезно не думал. Потому что ни один шеважа никогда не покидал Пограничья, не говоря уж о том, чтобы добраться до Бехемы. Откуда бы шеважа ни пришли, они — жители леса. И, если мы не

ошиблись, они только что научились управлять огнем.

Хейзит не совсем понимал, к чему Фокдан клонит. Ротрам между тем задумчиво кивал и нервно теребил бороду.

Хейзиту пришел на ум их разговор по дороге сюда, когда не то Фейли, не то Исли поставил под сомнение древность Вайла'туна. В смысле того самого замка, о котором сейчас шла речь. Ведь если на месте нынешнего Вайла'туна некогда стоял другой Вайла'тун, старый, то, значит… А что это, собственно, значит? Что вабоны строили из камня всегда? Только почему обязательно из камня? Может быть, тот, старый замок, давший имя их таверне, был глиняным? А то и вовсе деревянным. Может, он потому и разрушился, что не был каменным. Но тогда в словах Фокдана звучит странная правда: когда, как и почему предки нынешних вабонов научились добывать и класть камень, если на них никто не нападал, во всяком случае, с огненными стрелами? Нет, слишком много вопросов для одного длинного дня! И слишком много пива, которого обычно никогда не бывает много! Где Велла? Неужто опять сидит со своим Норланом! Норлан? Куда это он подевался? Ведь совсем недавно вон там болтал с кем-то из таких же, как он, расфуфыренных мергов и поглядывал исподтишка в их сторону.

— Шел бы ты спать, сынок, — услышал он голос Ротрама и только сейчас заметил, что упирается щекой в твердое дерево стола. — Уморили тебя переезды.

— Да и с пивом ты переборщил, дружище, — донесся чей-то смеющийся бас, вероятно, Фокдана.

— Где мой конь? — спохватился Хейзит и попытался выглянуть в проем двери. — Куда он делся? Мой конь!

— Дит увел его в хлев. — Это уже как будто мать, поднимающая его за плечи. — Все в порядке.

— Дит на рынке! — напомнил он, улыбаясь появившейся сестре. — Я его точно там видел. Нет, погоди, не точно. Он туда шел. Хотя да, это было давно. Значит, он вернулся?

Кто-то заботливо придерживал его, пока он поднимался по внезапно ставшей шаткой и неудобной лестнице на второй этаж, точнее, это был не этаж, а еще точнее, этаж, только не в таверне, как ее там бишь, «У старого замка», вот, а этаж в башне на заставе, куда он сейчас должен обязательно забраться, чтобы посмотреть, нет ли где еще дыма. Но это еще успеется, а пока вот она, его кровать, его старая кровать, так что название отец придумал все-таки неправильное, надо было писать на вывеске «У старой кровати», а не простреливать ее стрелой, как это сделал тот придурок со стены, причем каменной, кто же это был? Точно, Норлан, это он не умеет стрелять, то есть промахиваться,

придется Велле про него рассказать, чтобы она не делала глупостей и не выходила за него, лучше за Фокдана, у того хоть борода мужская, только зачем мне борода, когда я вот сейчас лягу и забуду про нее и буду спать.

Той ночью ему снилась сестра. Она смеялась и все куда-то убегала. А потом появился Норлан. Он протягивал Хейзиту руку в холодной железной перчатке, но из-за шума над ухом рукопожатия так и не получилось. Хейзит открыл заспанные глаза и увидел, что лежит на животе на полу, а над ним нависает угол кровати. Оказывается, разбудивший его шум был от его же собственного падения.

Он с неохотой поднялся на ноги и потянулся. В окно уже проникали первые лучи солнца. Пора было умываться и седлать коня, которому он так и не успел придумать достойного имени. Главное, что осталось у него в памяти после вчерашнего кутежа, — что с Ракли все в порядке и дорога ему, Хейзиту, открыта.

Кадка с холодной водой стояла тут же в комнате. Наскоро ополоснувшись и надев чистую рубаху, он подпоясался отцовским ремнем и спустился по лестнице вниз.

В такой ранний час посетителей еще не было. Из кухни уже доносились аппетитные ароматы, а Велла будто и вовсе не ложилась — она деловито протирала столы и стелила скатерти.

— Слабак ты, однако, — приветствовала она брата, не прерывая работы. — Я уж решила, тебе совсем худо. Хорошо хоть мужики сообразили, что это тебя от усталости развезло. Правда, Мара считает, что от недоедания. А мне так кажется, что, наоборот, от переедания: ты раньше никогда так не лопал.

— Я не ослаб, и худо мне не было. Я все прекрасно помню. Куда девался Фокдан?

Только сейчас Велла остановилась и посмотрела на тряпку:

— Мать пустила его переночевать в хлеву. Ротрам звал его к себе, но он остался. Пока не выходил. Наверное, еще спит.

— Я должен с ним поговорить. — Хейзит потянул носом воздух, и взгляд его заметно оживился: — Слушай, пойду-ка я его разбужу, а ты дай нам чего-нибудь перекусить. Ротрам, говоришь, ушел? Жаль.

И, не обращая больше внимания на сестру, он направился к двери.

Ночью, судя по лужам и прохладному ветру с реки, снова шел дождь. Хлев находился в трех шагах от таверны, однако Хейзиту это не помешало кое-что обдумать. И, когда Фокдан, разметавшийся на стоге сена, которое с удовольствием пощипывали два фыркающих коня, открыл глаза, юноша задал

ему вместо обычного приветствия прямой вопрос:

— Что, по-вашему, скажет Ракли, если я заявлюсь к нему сейчас с моими предложениями?

— Какого рожна?..

— Нет, я серьезно.

— Что? — Фокдан сел. — И я серьезно. Какого рожна ты меня будишь, когда все нормальные люди еще спят после вчерашней попойки? Признаюсь, меня давеча тоже неплохо забрало. Что твоя мать подмешивает в пиво? Пока пьешь, вроде все как надо, а потом раз — и летишь вслед за журавлями.

— Ничего не подмешивает. — Хейзит не знал этого наверняка, однако сейчас ему хотелось быть трезвым и решительным. — Так что мне скажет Ракли?

— А что он тебе такого скажет?

— А то, что я не просто беглец, но еще и лодырь. И что если у меня были действительно важные для него сведения, то, как вы правильно заметили, какого рожна я топчусь у него на пороге сегодня, а не примчался накануне, чтобы попытаться что-то изменить, может быть, предотвратить гибель наших виггеров.

Фокдан почесал бороду, обнаружил в ней несколько соломинок, выругался и посмотрел на юношу глазами бодрыми и серьезными.

— Об этом я не подумал. Звучит и вправду довольно подозрительно. — Он спрыгнул со стога и огляделся, словно в поисках ответа: — Ты уже ел?

Хейзит понял, что Фокдан разделяет его ощущение странной пустоты в желудке.

— Идемте, я уже распорядился, чтобы нам накрыли.

— Распорядился? — Фокдан поморщился. — Ты уже в замке, что ли?

— Ну, попросил. Сути это не меняет. Поедим, а там видно будет.

За завтраком они, как и думали, обрели способность рассуждать более здраво.

— Я ничего ему не говорил о тебе, — вслух размышлял Фокдан. — Правда, он спросил, сколько нас было человек, и я сказал, что пятеро, но я также сказал, что по дороге мы все разбрелись. Именами он не поинтересовался. Так что на твоем месте я бы просто сказал, что отстал и только теперь добрался до замка.

— Хорошо, конечно. Но откуда тогда у меня конь? Он сразу сообразит, что я тоже воспользовался гостеприимством Тулли, а, следовательно, должен был приехать еще вчера, вместе с вами.

— Послушай, неужели ты думаешь, ему есть дело до таких

подробностей? Куда важнее то, что ты намерен ему сказать.

— Только не сейчас, когда дорого каждое мгновение. А я, как последний дурак, прохлаждаюсь здесь. Может, мне вообще не ходить? Как вы считаете?

— Считаю, что это малодушие, друг мой. И ты себя за него еще будешь потом корить. Так что, в крайнем случае, лучше сознаться, чем промолчать.

— Согласен, но боюсь, что тогда все мои доводы влетят ему в одно ухо, а вылетят из другого. Кто вообще захочет меня после этого слушать?

— А я знаю кто! — посветлели серые глаза Фокдана. — Локлан. Ведь ты, кажется, вместе с ним приехал к нам на заставу? Значит, ты с ним знаком?

— Немного, — поскромничал Хейзит.

— Вот с ним тебе и надо свидеться. Пусть он сам потом разговаривает с Ракли. Может, так получится даже лучше. Я видел его вчера в замке. Если за ночь не было принято никаких важных решений, он, вероятно, все еще там.

— Вы правы, его запросто могут отправить обратно на заставу как человека, которой только что оттуда вернулся. Нужно поспешить. Вы со мной?

— Здесь мне особо нечего делать, — кивнул Фокдан, поискав кого-то глазами за спиной Хейзита, где никого, кроме занятой по хозяйству Веллы, не было. — Доедай и пошли, посмотрим, что у нас получится.

— Кстати, я все хотел узнать, а что мне делать с конем? Своего вы, я вижу, отдали в замок?

— Да, возьмем его с собой и там оставим, как требует заведенный порядок. Кони в любой момент могут понадобиться новым гонцам. Думаю, они не принадлежат даже Ракли. А тем более нам с тобой.

— А как же Исли?

— Пусть это останется на его совести. — Фокдан встал из-за стола и поклонился Велле. Та ответила ему едва заметным кивком и убежала на кухню. — Едва ли Тулли спохватится. Уверен, ему уже прислали новых. Его положению теперь не позавидуешь: опять через заставу потянутся обозы с харчами в одну сторону и с трупами — в другую. Ну, готов? Тогда пошли. Матери потом передай от меня искреннюю благодарность. Она у тебя настоящая хозяйка. А она и вправду не возьмет с меня за стол и постой?

— Раз она так сказала, значит, нет. — Хейзит с грустью подумал, что теперь всю дорогу до замка предстоит идти пешком, а не красоваться в седле, как он предполагал, рисуя в мыслях

случайную встречу с прекрасной незнакомкой. — Я подобающим образом одет?

— Ты не девица, чтобы думать о подобной ерунде. — Фокдан положил ему руку на плечо и подтолкнул к дверям: — Чисто — и этого достаточно. Иди-ка вперед.

На улице им повстречался Дит.

— Куда в такую рань? — Он поставил на землю ведро с водой и недоверчиво покосился на Фокдана: — Мать не успел порадовать, а уже уходишь.

— Мы ненадолго, Дит, — махнул ему рукой Хейзит, проходя мимо. — Надеюсь, что ненадолго.

— Что, и конягу забираешь? — поинтересовался старик, провожая их взглядом до самого хлева.

— Так он же не мой, Дит. Чужого брать не приучен.

— Это ты правильно говоришь. Хотя нам в хозяйстве вторая лошадка ой как пригодилась бы! Нынче хорошие кони в цене. Я вчера на рынке такого видел!

Они не стали слушать, что именно видел Дит на рынке, кивнули на прощание и побрели в ту сторону, где за домами реяли на фоне все еще грозового неба разноцветные знамена.

Путь до замка оказался небыстрым.

Чем ближе они подходили к мосту, перекинутому через специально вырытый канал, служивший естественной преградой, тем меньше вокруг оказывалось жилых домов и тем больше лавок торговцев, ремесленников и разных прочих нужных всем и каждому заведений, а значит — здесь было особенно людно. Хейзит невольно вглядывался в лица прохожих, однако замечал в них лишь повседневную озабоченность. Никакой паники, никакого страха от ожидаемой беды. Это вселяло надежду.

— Они узнают обо всем последними, — заметил Фокдан, уловив мысли своего молодого спутника. — Эти люди привыкли думать о мелочах, которые составляют их жизнь, и о хлебе насущном. Все, что находится вне Вайла'туна, их не волнует. Типа нашего знакомого Исли. Не удивлюсь, если он уже где-нибудь здесь и ищет новые снасти.

— Интересно, где-то сейчас его братец с Фейли? Неужели прячутся в лесу? Кстати, вы хорошо этого Фейли знали?

— Не так чтобы очень, но знал. Человек Граки.

— Что это значит?

— Куда Граки, туда и он. Нечто вроде личного помощника. Наподобие Олака, слуги Локлана, если ты с ним знаком.

Хейзиту вспомнился довольно неприятный тип, который был у Локлана на побегушках и отличался тем, что всегда делал все молча. Будучи слугой, то есть в полной зависимости от хозяина,

он умудрялся держаться со всеми остальными обитателями заставы прохладно, если не сказать надменно.

— Если он бежал вместе с нами, видать, Граки и в самом деле убит, — продолжал Фокдан. — Жаль. Сильный был виггер.

— Его застрелили на моих глазах, — проговорил Хейзит, вновь переживая тот ужас от сознания собственной беспомощности и невозможности никому помочь.

Они шли некоторое время, глядя по сторонам и думая каждый о своем.

Фокдан не стал делиться со слишком неопытным в подобных тонкостях спутником уже давно донимавшими его сомнениями. На память ему пришел разговор, произошедший между ним, Гейвеном и Олаком сразу после первого, успешно отраженного нападения на заставу, когда все решили, будто Граки погиб. Фокдан за глаза назвал тогда Олака «крысой, почуявшей дохлятину». На самом деле дружба его отца, Шигана, с Граки в свое время сблизила Фокдана и Фейли. При всей своей скрытности Фейли бывал откровенным с теми, кому доверял, и потому Фокдан оказался первым и, вероятно, единственным, кто услышал его не слишком воодушевленные слова, когда к ним на заставу пожаловал с многочисленной свитой сын Ракли. Фейли ко всему относился скептически и ничего не принимал на веру. Поэтому, хотя большинство эльгяр восприняли приезд Локлана как добрый знак, он сделал собственный вывод и придерживался его впредь: Ракли выискивает промахи в руководстве заставами, причем специально, чтобы сменить опытных, но чем-то неугодных ему предводителей своими людьми. А кто лучше справится с этой ролью, чем его сын, тем более единственный?

Фокдан не спорил, однако Локлан был ему симпатичен и не производил впечатления корыстного подлеца, каких в последнее время, как он догадывался, в замке развелось предостаточно. Произошедшие на заставе вслед за приездом Локлана события иначе как подозрительными назвать было трудно. Среди племен шеважа должно было произойти нечто из ряда вон выходящее, чтобы они напали на заставу так, как во второй раз. Мало того что они в одночасье научились управлять огнем и изготавливать горящие стрелы — а иначе как объяснить, что чуть ли не за день до этого никакого огня у штурмовавших ворота и в помине не было? — так они еще и изменили своей извечной тактике: нападать большим числом, но не по всему фронту, а в одном месте и притом открыто. По сути, эти их дикарские привычки спасли жизнь не одному вабону. И вдруг все переменилось. Новые возможности оружия повлекли за собой резкую смену тактики нападения: стрельба наугад, из-за стен, по всей их длине. И куда

смотрели в это время стражники, у которых под носом враг разводил костры и поджигал стрелы? Причем, если судить по количеству выпущенных той страшной ночью стрел, вокруг заставы собралась не одна сотня шеважа. Почему, спрашивается, они накануне решились на отчаянный штурм скромными силами?

Обо всех этих несуразностях Фейли говорил с Фокданом по пути через лес, по ночам, когда все остальные беглецы мирно спали. Тогда же они условились не открывать посторонним, даже невольным друзьям по несчастью, связывавших их отношений и, более того, попытаться разделиться, чтобы сподручнее было докапываться до истины. Фокдан до сих пор не получил весточки от Фейли, однако предполагал, что тот прячется — один или все еще с Мадлохом — где-то поблизости и лишь выжидает удобного момента, чтобы объявиться и поделиться полученными сведениями. Фокдан же пока не выяснил ничего, что могло бы подтвердить или опровергнуть их нехорошие подозрения. Тем интереснее будет сегодня поприсутствовать при разговоре Локлана и этого славного паренька Хейзита, который искренне хочет помочь, хотя едва ли сам до конца понимает, кому и как. Фейли попытался смутить его наивный ум во время ночевки на заставе у Тулли и обиняками призвать к осторожности, однако тот, похоже, слишком молод и горяч, что, может, и к лучшему. Во всяком случае, Фокдан не видел, как и чем улучшить и без того удачно складывающуюся ситуацию: строительное дело Хейзит знал, соображения свои высказывал смело, к замку еще не прикипел, то есть был независим, наблюдателен и по-своему полезен. Фокдан решил просто держаться к нему поближе, а при случае попытаться кое-что объяснить.

Кроме того, его порадовало, что с семьей Хейзита водит дружбу торговец Ротрам, о котором Шиган всегда был высокого мнения как о человеке честном и далеком от интриг, но все же не настолько, чтобы совсем в них не разбираться. Накануне, когда они совместными усилиями уложили опьяневшего Хейзита в постель, им довелось посидеть за столом вдвоем до самого закрытия таверны и обменяться мнениями о происходящем. Порасспросив об огненном штурме поподробнее, Ротрам, разбиравшийся в оружии получше любого виггера, предположил, что собеседник все же сгущает краски. Он отмел мысли о том, что в огненном штурме могли быть замешаны сами вабоны, как необоснованно мрачные, однако согласился с возможной целью появления Локлана на заставе: опасные времена, сказал он, рождают героев, а кем как не героем назовет молва предводителя заставы, давшей отпор опасному врагу. В этом смысле Граки, конечно, мешал планам Ракли — если таковые и вправду

существовали — использовать как можно больше героических личностей, будь то живых или павших в бою, а заодно и рождаемые ими или во славу им культы. На вопрос Фокдана, зачем все это человеку, власть и главенство которого никто не оспаривает, Ротрам понизил голос до шепота и философски заметил, что если сегодня — никто, то кому ведомо, что будет завтра. Он допускал мысль, что среди некоторых наиболее известных и почитаемых военачальников, добившихся определенных успехов в противоборстве с шеважа, но не удостоенных, по их мнению, подобающих почестей, могло возникнуть нечто вроде заговора и что усилия Ракли на протяжении последних зим были направлены на поиск и устранение вероятных зачинщиков. Фокдану такое объяснение поначалу показалось чистой воды выдумкой, однако, чем дольше он теперь о нем думал, тем охотнее был склонен с ним согласиться. Ведь он, как и все прочие эльгяр, не обремененные семьей, подолгу не покидал застав и толком не знал, какая и где складывается обстановка. Ракли же получал своевременные донесения отовсюду. Единственное, в чем Фокдан был по-прежнему уверен, так это в том, что, если заговор и существует, Граки не имел к нему ни малейшего отношения. Хорошо бы поскорее встретиться с Фейли и осторожно расспросить его на этот счет. Однако, насколько он знал, Граки вполне хватало того, что в его роду уже был герой — Кедик, его старший брат, проповедником культа которого стал верный Шиган. Фокдану с трудом верилось, что Граки мог затаить недовольство, поскольку для виггеров его склада все эти стычки с дикими обитателями Пограничья были не более чем заведенным порядком вещей. Примечательно, что накануне, когда Ракли расспрашивал его о подробностях той ночи, Фокдан не уловил даже намека на злорадство. Перед ним стоял погруженный в безрадостные думы воин, добившийся своего нынешнего положения не путем мелочных интриг и подножек, а доблестью и прямотой, иногда граничащей с жестокостью. И в этом Граки и Ракли были похожи. Вот только смог бы Граки, будь у него дети, принести в жертву одного из них ради чести рода, как сделал Ракли, когда казнил Ломма, своего младшего сына, заподозренного в заговоре против старшего, Локлана?

— Знаешь что, — сказал Фокдан, прервав свои размышления, когда они ступили на поскрипывающие доски моста, — полезайка ты на коня. Чем вести его просто так, давай уж лучше воспользуемся им себе на благо.

— В каком смысле? — не понял Хейзит.

— В прямом. Стража узнает его и будет задавать нам меньше

вопросов. Тем быстрее мы попадем внутрь.

Действительно, когда они входили под низкие своды первых ворот, образованные деревянным надвратным домиком, метко прозванным в народе каркером,[18] то есть «тюрьмой», их окликнули. Проявивший бдительность эльгяр в длинной кольчуге и круглой каске сбежал по узким ступеням лестницы, выложенной из камня с противоположной от моста стороны укрепления, и преградил им дорогу. Вчера в этом месте Фокдан проехал совершенно беспрепятственно. «Вот что значит дневная усталость в сравнении с утренней бодростью», — подумал он, делая приветственный знак. Стражник ответил ему тем же, но поинтересовался:

— По какому делу? К кому?

— По какому, не скажу, а к кому, пожалуйста. К Локлану. Знаешь такого? Ладно, давай, брат, не задерживай нас, а то смотри, Ракли осерчает.

— Ты меня тут не пугай, — хмыкнул стражник, однако посторонился. — Ехать-то знаете куда?

— Да уж не впервой.

Фокдан похлопал коня по крутому боку, и они тронулись дальше. Последняя из обычных построек осталась на той стороне рва, а здесь все поросло низенькими кустами, среди которых вилась неширокая тропинка, правда, мощенная хорошо утрамбованной галькой. Тропинка вела через просторное поле к высокому, в полтора человеческих роста, частоколу из плотно подогнанных бревен с заостренными маковками. Если бы Хейзит не бывал здесь раньше, он бы решил, будто тропинка упирается прямо в частокол и бедной лошади придется с разбегу преодолевать этот опасный барьер. Однако хитрость строителей заключалась в том, что в частоколе имелась почти незаметная для непосвященных подъемная калитка, открывавшаяся усилиями двух эльгяр изнутри.

Обычно калитка оставалась поднятой с утра до позднего вечера, но сегодня Фокдану снова пришлось вступать со стражниками в перепалку, чтобы их впустили.

— Похоже, коня я мог бы оставить матери, — сказал Хейзит, спешиваясь, чтобы не задеть калитку головой. — Его здесь все равно не признают.

— Откуда ты знаешь? Может быть, без него нас бы сейчас вообще слушать не стали. Впечатление такое, что тут уже вовсю готовятся к осаде.

За частоколом, до самого подножия утеса, на котором громоздился замок, тянулось еще одно поле, только лишенное кустов и называемое «ристалищным». Предназначалось оно для

ежедневных упражнений мергов и прочих виггеров, составлявших постоянный гарнизон замка. Здесь же располагались многочисленные конюшни. Местами поле было изрыто неглубокими траншеями для скачек с препятствиями, кое-где виднелись ряды укрепленных на столбах квадратных мишеней для упражнений лучников и арбалетчиков. Неподалеку от калитки путники увидели недавно установленные деревянные человекоподобные фигуры с беззащитно раскинутыми в стороны руками. С десяток копейщиков отрабатывали на них выпады. В стороне несколько тяжелых пехотинцев в полном обмундировании, разбившись на пары, упорно старались зарубить друг друга здоровенными деревянными мечами.

— Полюбуйся на этих умников, — сказал Фокдан. — Мне всегда грустно смотреть на людей, которые занимаются тем, для чего не предназначены.

— Когда я был здесь в последний раз, виггеров в замке было гораздо больше, — заметил Хейзит.

— Думаю, это потому, что многие из них побросали свои деревянные мечи и тупые стрелы и перебрались в башни и на стены.

— Или ушли в Пограничье.

Фокдан неопределенно пожал плечами.

Вскоре они подъехали к последнему серьезному пропускному пункту, за которым начиналась крутая каменная лестница, огражденная по бокам невысокими стенами с бойницами и называвшаяся поэтому «предмостным укреплением». Пропускной пункт имел форму барабана, на который забыли натянуть кожу, то есть состоял из сплошной круглой стены, был лишен крыши и впечатлял любого вошедшего количеством лучников, лениво прохаживавшихся по замкнутой галерее и с интересом поглядывавших вниз. В стене было двое ворот: одни, через которые путники вошли, другие — ведущие на лестницу в гору.

Сперва могучего телосложения стражник с увесистым топором, больше смахивавшим на остроносую кирку, отобрал у них поводья коня, а второй, не менее внушительного вида, вооруженный длинной дубиной с торчащими во все стороны железными шипами, осведомился, куда и зачем они собрались.

Почувствовав, что Хейзит от такого приема опешил и не знает, с чего начать, Фокдан ткнул себя пальцем в грудь, обращая внимание стражников не то на ее ширину, не то на зеленый потрепанный камзол, форму виггеров, служивших на лесных заставах, и в не слишком любезных выражениях дал понять, что если их сейчас же не пропустят к Локлану, то в ближайшее время обоим придется вынимать из седалища то самое оружие, которым

они тычут в лицо уважаемым гостям.

Угроза не возымела ожидаемого действия. Вероятно, богатыри оказались не робкого десятка. Смерив Фокдана с головы до ног свирепеющими взглядами, они дружно схватили его за руки и попытались повалить на землю. Их ждало разочарование, поскольку Фокдан был еще сильнее, чем выглядел, так что оба отлетели к противоположным дверям и не сразу вскочили на ноги. Когда же они преодолели земное притяжение, чаша весов склонилась вовсе не в пользу выхватившего из-за пояса кинжал Фокдана и повисшего на его руке Хейзита, потому что с галереи крикнули, что сейчас будут стрелять в любого, кто шелохнется. В доказательство серьезности кто-то из лучников выпустил стрелу точно под ноги Фокдана, и она, выбив пучок оранжевых искр, вонзилась между булыжниками мостовой.

Неизвестно, чем бы закончилась эта неожиданно яростная стычка, если бы ворота, перед которыми отряхивались раскрасневшиеся от возбуждения стражники, не открылись и в их проеме не возникла до боли знакомая Хейзиту фигура пешего мерга. Даже если бы сейчас тот был в шлеме, а не держал свою железную луковицу по привычке на сгибе руки, Хейзит безошибочно узнал бы аби'мерга Норлана.

Не моргнув глазом при виде происходящего, он молча вышел в центр круга, выдернул из-под ног Фокдана стрелу и, подняв бледное лицо с подрагивающей бородкой, негромко сказал, обращаясь к застывшим на галерее лучникам:

— Враг может быть ближе, чем мы думаем, но не настолько близко, чтобы стрелять в своих братьев по оружию, — и добавил, поворачиваясь к охранникам: — За бдительность вам будет объявлена благодарность, но за бездумное нападение на гонцов из Пограничья вас ждет строгое наказание.

Только сейчас он повернулся к удивленным таким поворотом событий «гонцам» и встретился взглядом с Хейзитом.

— Кажется, я уже имел удовольствие видеть вас вчера при значительно более приятных обстоятельствах, — сказал он спокойным голосом и протянул окончательно смутившемуся «знакомому» руку: — Вот только нас забыли представить. Я — Норлан.

Он не назвал своего звания, предполагая, что собравшиеся здесь люди сами прекрасно разбираются в количестве и цвете лепестков.

— Хейзит, — ответил Хейзит, пожимая узкую, но сильную кисть. — А это Фокдан. Мы оба прибыли с заставы Граки и должны срочно встретиться с Локланом. Если, конечно, он может нас принять.

— Так что же мы тогда здесь стоим? — продолжал Норлан, терпеливо наблюдая, как Фокдан засовывает кинжал обратно за пояс. — Примите у гонцов Граки коня, — бросил он через плечо успевшим поостыть стражникам и, больше не обращая ни на кого внимания, пошел вперед, указывая дорогу.

Хотя Хейзит не нуждался в провожатом, поскольку бывал в замке множество раз, и если знал здесь не все закоулки, то уж путь в покои Локлана отыскал бы безошибочно, он сам удивился тому, что рад встрече с Норланом. И что тот первым признал его вслух. Надо будет при случае все-таки перемолвиться с ним парой слов. Во всяком случае, с этими неотесанными обалдуями он расправился просто лихо.

Шедший рядом Фокдан думал примерно о том же, но от его опытного взгляда не ускользнул тот примечательный факт, что у обоих стражей на камзолах были вышиты по две вертикальные полоски. Если у него не двоилось в глазах, значит, он только что стал свидетелем прелюбопытнейшей сцены, когда виггер младшего звания, не моргнув глазом, отчитал сразу двоих более заслуженных эльгяр. И что самое удивительное, те как будто не слишком по этому поводу возмутились и бросились выполнять полученные распоряжения. По крайней мере, ржание коня уже слышалось со стороны ристалищного поля. И когда только Хейзит успел с этим молодчиком познакомиться?

Они миновали несколько пролетов извилистой лестницы, откуда, если оглянуться, открывался живописный вид на простершиеся по другую сторону обводного каната Малый и Большой Вайла'тун, и остановились: лестница заканчивалась крутым обрывом. С противоположного края к ним с лязгом опускался обшитый железом широкий щит главного замкового моста.

— Почему вы сказали, что пришли с заставы Граки? — поинтересовался Норлан, дожидаясь, пока мост опустится. — Разве вы не знаете, что она сгорела?

— Именно поэтому мы и пришли, — ответил Хейзит. — Мы знаем, почему это случилось, и хотим предупредить Локлана. Я строитель, то есть подмастерье, но…

— Твоя сестра мне про тебя рассказывала. Только почему ты не пришел сюда вчера, а первым делом наведался домой?

— Это я его отговорил, — вмешался Фокдан, которого не сбило с мысли даже имя Веллы в устах странного юноши. — Я сам говорил вчера с Ракли, и решил, что в поднявшейся суматохе лучше обождать.

— Так это ты тот гонец, после приезда которого Ракли созвал совет, отменил свои прежние приказы и надавал кучу новых?

— Не знаю насчет совета, но, вероятно, я. — Фокдан взялся за край моста и сделал вид, будто помогает ему опуститься. — Кстати, спасибо, что осадил тех придурков внизу. Меня учили никому не спускать обид, так что ряды защитников замка могли сегодня поредеть.

— Возможно, хотя вряд ли, — покачал головой Норлан и улыбнулся своим мыслям. — Да и глупо было бы проделать весь этот непростой путь с заставы, чтобы погибнуть от своих же стрел. Извини за прямоту, но тебе бы не дали даже сойтись врукопашную.

— Так Локлан нас примет? — перевел разговор на другую тему Хейзит, первым ступая на опустившийся мост. — Честно говоря, я опасался, что его пошлют обратно в Пограничье.

— Это может произойти в любой момент, — согласился Норлан. — Но пока он здесь. Слишком много событий для нескольких дней, чтобы пытаться реагировать на все, что происходит. Вы про доспехи Дули слышали?

— Их нашли на нашей заставе, — как можно небрежнее сказал Хейзит и отметил, что спокойное выражение лица Норлана впервые «дало трещину». — И про пленную шеважа, которую Локлан привез в замок, мы тоже знаем. Осталось только поведать ему о том, чего не знает он.

Фокдан покосился на провожатого. Во взгляде Норлана теперь безошибочно читалась белая зависть. Казалось, стоит ему открыть рот, и он признается в том, что вот уже сколько времени всеми правдами и неправдами пытается получить назначение в Пограничье, а его все держат при замке и не дают показать, на что он способен. Это болезненное ощущение было хорошо знакомо Фокдану по собственному прошлому. До тех пор пока его старший брат, Кинвел, не пропал без вести, отец даже слушать не хотел о том, чтобы забрать Фокдана с собой на заставу. Не было бы счастья, да несчастье помогло… Кто же удерживает в замке столь горячего бойца, распоряжений которого слушаются даже стоящие выше его по званию? Вслух Фокдан спросил:

— Не слыхал, послали кого-нибудь следом за отрядом?

Глаза Норлана сверкнули.

— Даже мой отец не сумел убедить Ракли. Может быть, хоть теперь у Локлана получится. Вот почему я так хотел бы поприсутствовать при твоем разговоре с ним.

Отец? Вот она, отгадка головоломки!

— А кто твой отец?

— Тиван, — бросил юноша и отмахнулся от подбежавших стражников.

Фокдан чуть было ни присвистнул. Тиван, помощник Ракли,

отец Норлана, каким-то образом знакомого не только с Хейзитом, но и с его сестрой. Нечего сказать, причудливые круги описывает иногда выдумщица судьба! При всем при этом Ракли не слушает одного из ближайших своих помощников, а сын этого помощника не уверен, что ему удастся самому принять участие в беседе с сыном Ракли. А ведь было время, когда вопросов, кому с кем разговаривать и кому кого слушать, не возникало. Нет, что-то в Вайла'туне творится неладное. Причем совершенно непонятно, стоит ли находиться от него подальше или, наоборот, чем ближе к главным действующим лицам, тем лучше.

Они взошли по булыжной мостовой, проложенной между двумя рядами стен, к арке внутренних ворот с гостеприимно поднятой зубчатой решеткой.

Если Фокдан думал о воцарившемся здесь безлюдье, чего никогда, насколько он помнил, не бывало прежде, то Хейзит подмечал, с какой щедростью строители использовали столь необходимый сегодня камень, будто получили от хозяев негласный приказ готовить замок к яростным штурмам. Раньше ему это даже не приходило в голову. Он восхищался мастерством отца и той тщательностью, с какой желтоватые глыбы, проделавшие весь путь от далекой каменоломни, были подогнаны одна к другой и превращены в монолит. Теперь же он смотрел на торжество камня иными глазами. Внешние стены, разумеется, нужны, хотя замок и без них вполне можно было назвать неприступным благодаря высоте и крутости того прибрежного утеса, на вершине которого он был построен. Но зачем нужно было городить еще и внутренние, тем самым сужая и без того довольно скудное пространство? В крайнем случае, вполне хватило бы добротного деревянного частокола, какой встретился им по пути. Внутренняя стена занимала отнюдь не лишнее место и свидетельствовала о недальновидности и расточительности хозяев. Если когда-нибудь шеважа окрепнут и обнаглеют настолько, что им взбредет в голову обрушиться на Вайла'тун, в замке не сможет укрыться и треть его жителей. Тогда, спрашивается, ради чего все эти укрепления, если за ними спасутся всего несколько семейств, причем спасутся ненадолго, пока не умрут голодной смертью, поскольку неоткуда будет получать провиант и воду. Правда, с водой, скорее всего, перебоев не будет: ее, как и сегодня, станут поднимать в ведрах из Бехемы. А вот запасы еды поступают через специальные ворота, проделанные прямо во внешней стене, с деревянной, легко и быстро убираемой рампой, способной выдержать вес мешка с мукой или свиную тушку, но не взрослого воина. Так что они иссякнут раньше, чем шеважа сумеют преодолеть все эти

мыслимые и немыслимые преграды. Одним словом, Хейзит лишний раз удостоверился в правильности своей идеи о том, что нужно укреплять мир вабонов вокруг замка, и тогда у самого замка будет больше шансов выстоять перед любым врагом. Кроме, пожалуй, внутреннего, мог бы добавить Фокдан, но Фокдан хранил молчание и только хмурился.

Площадь, на которую они вышли, была не лишена изящества пропорций и красоты, какую ей придавали высаженные посередине, прямо между булыжниками, высоченные кедры. Среди стволов прятались каменные луковицы беор. По традиции семейство Ракли не могло отдавать предпочтение культу какого-то одного героя, и потому, насколько знал Хейзит, их там стояло в тени не меньше десятка. По бокам, вдоль стен, располагалось несколько деревянных и потому выпадавших из общей картины пристроек, где располагались склады продовольствия и оружия, собственная кузница и оружейная мастерская, а также жилые помещения для гарнизона. Строения эти производили впечатление времянок и играли вспомогательную роль, поскольку дублировали все то, что вмещало в себя главное здание — вздымающаяся из-за кедров на противоположной стороне площади могучая башня — Меген'тор, Тор Великий. Собственно, башней ее называли разве что по привычке, поскольку, возведенная за той же надобностью, что и деревянные башни на заставах, она являла собой настоящую крепость в крепости и включала в свою мощную конструкцию еще несколько дозорных башен, придававших этому символу неприступного, тяжеловесного могущества некоторую архитектурную изысканность.

К удивлению Хейзита, Норлан не повел их к каменным ступеням, выводившим гостей замка сразу на первый этаж, минуя высокий цокольный, а нырнул в стенной проем, за которым вверх уходила витая лестница. Проход был узким, поднимавшийся параллельно ступеням потолок — низким, так что им пришлось двигаться гуськом, изучая подошвы впереди идущего.

«Здесь мечом не помашешь», — думал Фокдан, шедший последним.

«Почему мы взбираемся на стену», — задавался вопросом Хейзит, вдыхая запахи камня и отчетливо представляя себе, как где-то здесь его отец вмуровывал остатки своих скудных трапез. Ведь семейство Ракли всегда жило на первом этаже Меген'тора, между складскими помещениями подвального и цокольного и вторым, где размещался гарнизон.

«Лишь бы он не попросил меня уйти, — как заклинание повторял про себя Норлан и упорно лез вверх. — Особенно

сейчас, когда удача сама идет ко мне в руки».

Наконец они вышли на залитую внезапно пробившимся из-за туч солнцем галерею внутренней стены и столкнулись лицом к лицу с тем, кого искали. Голубые глаза Локлана приветливо улыбались. Заметив у аби'мерга за спиной Хейзита, он просиял.

— Дружище! Какими судьбами? Ты жив! — Он заключил вконец смутившегося Хейзита в объятия. — Вот уж не ожидал встретить тебя здесь! Кажется, это лучшая новость за последние дни. А новостей у нас тут — через край! Постой, как ты меня нашел?

— Нас привел Норлан, — оглянулся Хейзит и добавил, поймав умоляющий взгляд гвардейца. — Он мой хороший знакомый и помог нам почти без препятствий пройти в замок.

— А то нас порубали бы еще при входе, — поддакнул Фокдан.

— А это Фокдан, которого вы наверняка помните по заставе. — Хейзит все не мог взять в толк, подобает ли ему в присутствии посторонних обращаться к Локлану на «вы», к чему обязывали правила хорошего тона, или на «ты», как требовала их давнишняя дружба.

— Разумеется, — кивнул Локлан, пожимая протянутые руки.

— Если у вас есть время, — продолжал Хейзит, — мы бы хотели вам кое-что рассказать и кое-что предложить. Я считаю, это может быть крайне важно.

— Что же мы тут стоим? — спохватился Локлан. — Пойдемте ко мне, там нас никто не побеспокоит.

Да и беспокоить-то некому, хотел уже было вставить Фокдан, но тут мимо них пробежал отряд пехотинцев, чуть не сбивший с ног шедших ему навстречу трех лучников в полном вооружении. Пришлось Фокдану прикусить язык и последовать за остальными.

Локлан привел их в неожиданное и примечательное сооружение. Это была деревянная сторожевая вышка, вероятно, не так давно установленная в том месте, где внутренняя стена делала поворот под прямым углом. Приставная лестница вела изнутри на открытую смотровую площадку, продуваемую всеми ветрами, но предоставляющую замечательный вид в любую сторону от замка. По краям прямоугольной площадки стояли лавки, а в центре было водружено толстое древко с желто-серым флагом.

— Лучше всего здесь, конечно, в жару, — сказал Локлан, приглашая гостей рассаживаться кому куда удобнее. — Но я готов торчать здесь до самого снега: мне на ветру лучше думается.

Прежде чем сесть, Хейзит не удержался и поглядел в ту сторону Пограничья, откуда они накануне примчались на взмыленных лошадях. Потом обменялся взглядом с Фокданом,

который поджал губы и незаметно мотнул головой: увы, как бы высоко ни находилась смотровая вышка, с нее была видна разве что башня заставы Тулли. Из замка не могли заметить пожара.

— Это очень хорошо, — сказал Хейзит. — Потому что думать нам всем придется много.

— Тогда приступай не откладывая, — скрывая внутреннее напряжение, улыбнулся Локлан. — Кстати, если вы не успели позавтракать, я распоряжусь что-нибудь нам принести.

Все вежливо отказались.

— Пива?

Кивнул один Фокдан. Локлан рассмеялся и позвал:

— Олак!

Из отверстия в полу, к которому была приставлена лестница, появилась голова знакомого всем слуги, хотя любой мог поклясться, что, когда они забирались сюда, поблизости никого не было.

— Принеси-ка нам чего-нибудь выпить. А заодно постарайся разведать, где сейчас отец.

Слуга скользнул по всем присутствующим недоверчивым взглядом, кивнул и снова скрылся.

— Ну, Хейзит, выкладывай! Только давай сразу договоримся, перестань обращаться ко мне на «вы». Терпеть не могу этих дурацких церемоний.

— Ладно. — Хейзит откашлялся, позабыв, с чего собирался начать. — Тебе уже должно быть хорошо известно, что случилось на нашей заставе вскоре после твоего отъезда.

— Шеважа вас подожгли.

«Говоря это, он продолжает улыбаться», — отметил про себя Фокдан.

— Они подожгли заставу стрелами, огненными стрелами, Локлан. Они принесли с собой огонь, а наши стражи этого даже не заметили, хотя после известного тебе штурма были начеку. Все стены и дома на заставе были пропитаны огнеупорной смесью, я сам их проверял чуть ли не накануне. И что? Полыхнуло с первой попытки. Локлан, пусть я еще не строитель, а всего лишь подмастерье, но я был там и видел все своими глазами. Кроме нас с Фокданом, никто тебе этого не скажет. И теперь я боюсь, Локлан, очень боюсь того, что такая же участь постигнет остальные заставы. Мы не знаем, сколько шеважа натянули против нас свои луки. Одно могу сказать наверняка: на нашей заставе их была не одна сотня.

— Если только у каждого не выросло по три паре лишних рук, — вставил Фокдан. — Стрел была целая туча. Никогда ничего подобного не видел.

— И если они остались поджидать у пепелища, наш отряд, как бы хорошо он ни был вооружен, обречен.

— Нужно его отозвать, — рубанул рукой воздух Норлан.

— А если не стали никого ждать и пошли дальше, — продолжал Хейзит, — обречена любая застава на их пути.

— Мы должны предупредить остальных, — подхватил Норлан.

— Наверное. — Хейзит старался понять, о чем думает Локлан. — Но это дело виггеров. А дело строителей, я считаю, — укреплять заставы камнем. Нам нужен камень, Локлан, много камня. Без него мы очень скоро потеряем и заставы, и людей. И еще одно, о чем я подумал, когда уже вернулся в Вайла'тун. Наши дома. Они все из дерева. И стоят слишком близко друг к другу.

— К чему ты клонишь? — Локлан больше не улыбался.

— Я вовсе этого не желаю, но, если нам не удастся укрепить заставы и война в Пограничье будет проиграна, ничто не помешает шеважа напасть на нас здесь. И тогда…

— И тогда мы спалим их лес! — рявкнул Локлан. — Неужели ты думаешь, что мы допустим, чтобы какие-то дикари пошли войной на Вайла'тун? В Пограничье у нас и раньше гибли виггеры. А когда-то не только виггеры, но и их семьи.

«Пока твой отец не запретил брать семьи с собой, — подумал Фокдан. — Хороший выход из положения».

— И неужели ты думаешь, что посланный сейчас отряд настолько мал и плохо обучен, что не справится со стаей дикарей, пусть даже у них в руках появилось такое грозное оружие, как огонь? Наверное, ты лучше многих разбираешься в строительном ремесле, но в ратном деле мы тоже кое-что смыслим. Почему ты решил, что единственная задача этого отряда — во что бы то ни стало отстроить заставу или погибнуть?

— Потому что с ними отправились лесорубы и плотники.

— Так вот, чтоб ты знал, я лично отдавал им приказ о выступлении и хочу сказать, что строительством они займутся не раньше того, как уничтожат всю эту нечисть. Или мы уже забываем, что шеважа смертны?

— Все смертны, — заметил Фокдан.

Он уже некоторое время незаметно для остальных похлопывал Норлана ладонью по колену, призывая держать себя в руках, поскольку видел, как молодой воин рвется возразить своему сверстнику, правда, наделенному по праву рождения куда большей властью.

— То есть, Локлан, ты считаешь, что все идет, как надо, и никаких усовершенствований в постройке застав не требуется? — уточнил Хейзит, искренне радуясь лишь тому, что сидит сейчас

здесь, а не в зале Ракли. — И что гибель всех наших воинов — просто очередной эпизод войны? Что нужно только за них отомстить — и все сразу встанет на свои места?

— Мы побеждали их раньше, победим и теперь. Разве не это ты хотел от меня услышать? Мы победим.

Локлан слишком хотел говорить строго и решительно, чтобы Фокдан не почувствовал в его голосе нотку неуверенности и не вмешался в возбужденную перепалку, сохраняя при этом спокойствие и даже определенную ленцу, свойственную людям, уверенным в своей правоте.

— Хейзит, конечно, не виггер и стратег из него так себе, но сейчас он говорит дело, Локлан, поверь мне на слово. А я, хоть и не заслужил особых чинов, но честно сражался бок о бок с твоим отцом, еще когда вы с Норланом только-только брались за деревянные мечи. Так что ты волен поступать, как считаешь нужным, и даже не передавать наш теперешний разговор Ракли. Но если ты думаешь, что, сидя здесь, на этой замечательной башне, с которой открывается не менее замечательный вид на весь Торлон, ты в состоянии предугадать или хотя бы вовремя увидеть действия шеважа, то ошибаешься. Я был очень рад, когда увидел тебя на нашей заставе, потому что где как не в Пограничье любой виггер постигает свое истинное призвание. Мы ведь, если откровенно, боялись, что после гибели Ломма — извини, что напоминаю об этом, — ты и носа из Вайла'туна не высунешь. Но ты все-таки пожаловал к нам и всем приглянулся. Даже Граки, — усмехнулся он, внимательно следя за реакцией собеседника. — Наши эльгяр воспрянули духом. Если ты этого не заметил, то теперь знай. Однако их нет больше, как нет и заставы. Все произошло значительно быстрее, чем Хейзит тут тебе об этом рассказал. А люди, Локлан, гибнут скорей, чем дерево превращается в пепел. Им достаточно одной меткой стрелы. И если ты не знаешь, кто и откуда в тебя стреляет, а вокруг все полыхает, то не можешь ответить тем же и покарать шеважа, будь они трижды неладны. Ты можешь только погибнуть. И я буду последним лгуном, если скажу, что в ту ночь, когда мы опрометью бежали через подземный ход с горящей заставы, мне не было страшно. Никому не пожелаю испытать такого, ни себе еще раз, ни тебе, ни даже Норлану, который, похоже, несмотря на мои слова, по-прежнему рвется в бой. А тем более не пожелаю нашим братьям с других застав, которые могут еще не знать о том, что им грозит. — Фокдан сделал паузу. Его никто не стал прерывать, и он продолжил:

— О том, что когда-нибудь шеважа смогут раскрыть секрет огня и обратить его против нас, говорили давно. Но все наивно

думали, будто это «когда-нибудь» не наступит. Оно наступило. Оно там, в Пограничье. Мы с Хейзитом видели его и потому так смело теперь боремся с твоей слепотой. Мы знаем, что нам нечего терять. Если мы не убедим тебя, а через тебя — твоего отца, вот тогда начнутся настоящие потери. Они уже начались. И не прекратятся, как бы ты ни желал этого. Можешь посылать в Пограничье отряд за отрядом, но знай — это не выход. Увы, нужно пересмотреть всю стратегию этой затянувшейся войны. Я слышал, будто среди шеважа сумели прижиться наши лазутчики. Если это так, надо использовать их. Использовать немедленно. Но еще прежде обязательно нужно укрепить деревянные заставы. И Вайла'тун. Я сам об этом не думал, но сейчас понимаю, что Хейзит и тут прав. И еще одно, пока не забыл. Вчера, когда я разговаривал с твоим отцом, он, похоже, пропустил мимо ушей мою историю о сумасшедшем воине, который носится по лесу верхом, не снимая соломенной широкополой шляпы. Очень странный воин. Не шеважа. И не вабон. Для вабона у него слишком узкие глаза. Для шеважа он… хмм… слишком хорошо сидит в седле. И производит сильное впечатление. Это нельзя объяснить, это можно только ощутить. Я убил много шеважа, иногда я умудрялся расправиться с несколькими дикарями сразу, но не хотел бы выйти против него один на один. Не знаю почему, но очень бы не хотел. Если таких, как он, в Пограничье много, нам нужно либо постараться привлечь их на свою сторону, либо обрастать каменными стенами еще быстрее. Это все, что я хотел сказать.

Было заметно, что Локлан растерян. Норлан пожирал Фокдана восторженным взглядом. Хейзит не знал, краснеть ему или бледнеть: он слишком отчетливо осознавал, что после такой категоричной тирады они теперь все должны либо дружно отправиться в объятия Квалу, либо получить важные назначения. Причем и то и другое — за храбрость.

Появившийся из отверстия в полу Олак положил на лавки фляги с пивом, замер, ожидая дальнейших распоряжений, постоял, пожал плечами и, озадаченный, нырнул обратно.

— Не пойму, — заговорил наконец Локлан, — то ли ветер прекратился, то ли свежий воздух больше не помогает думать. Слишком много решений нужно принять и при этом не ошибиться настолько, чтобы потом нельзя было исправить. — Он первым пригубил из фляги и призвал остальных последовать примеру. — Хорошо, Фокдан. Раз ты уже некоторое время обо всем этом размышляешь, посоветуй, что мне предложить отцу?

Хейзит облегченно вздохнул.

Фокдан сохранил равнодушный вид и только причмокнул,

сделав маленький глоток.

— Предложи отцу для начала сделать три вещи. Либо отозвать отряд, который отправился к нам на заставу, либо, наоборот, послать ему вдогонку подмогу из полусотни, а лучше сотни хорошо обученных пешему бою мергов, одинаково владеющих луком и мечом. В бою кони им не понадобятся, зато они смогут нагнать отряд. Это первое и самое важное, что нужно сделать. Как только мы закончим говорить.

Локлан понимающе кивнул, ожидая продолжения.

— Второе. Успеть до полудня послать на все заставы гонцов с предупреждением о новой угрозе. Хотя, вероятно, есть какой-нибудь способ сделать это быстрее, чем ждать, пока всадники обскачут все лесные закоулки.

— С помощью сигнальных дымов на башнях, — предположил Норлан.

— Да, если только удастся этими огнями объяснить, что нужно повысить бдительность стражей, повсюду расставить лазутчиков и запастись водой, чтобы время от времени поливать ею деревянные стены. Наконец, третье. Отправить Хейзита на поиски новой каменоломни. Я понятия не имею, как это делается, но уверен, мы зря не позаботились об этом раньше.

Фокдан замолчал и на сей раз как следует запрокинул фляжку над жадно открытым ртом. Все смотрели, как он пьет, словно ожидая продолжения.

— Я готов искать камни, — первым вышел из оцепенения Хейзит.

— А я — собрать лучших мергов и соединиться с отрядом, — вскочил на ноги Норлан.

— То есть мне вы оставляете распоряжаться гонцами и сигнальщиками? — уточнил Локлан и натянуто рассмеялся.

«Кажется, я все же сумел сказать то, что следовало, — подумал Фокдан. — Если мне предоставят право выбора, я с большей охотой составлю компанию Хейзиту, чем останусь здесь или поскачу обратно в Пограничье. Правда, меня могут неправильно понять и решат, будто я не рвусь мстить за отца. Хотя кому какое дело!»

«Распоряжайся, кем хочешь, — подумал Норлан, — но только не чини мне препятствий и позволь расправиться с шеважа. Я достаточно прослужил в мергах, чтобы знать, на что мы годимся. До сих пор мы никак не могли победить в этой действительно затянувшейся войне только потому, что Ракли недостаточно доверяет нам. Он по традиции считает главной силой вабонов пехоту. Молодец этот Фокдан! Первый не мерг, который видит дальше своего носа. Хорошо бы взять его с собой. Он мог бы

пригодиться в лесу. Главное, чтобы теперь, в который раз, отец не помешал мне исполнить мое предназначение. Я докажу, что заслуживаю культа. И Велла узнает об этом подвиге и согласится стать моей».

«Фокдан всегда казался мне простоватым виггером, — подумал Хейзит, — а тут, поди ты, так гладко все изложил и, похоже, ничего не забыл! Теперь все зависит от Локлана. Сможет ли он так же горячо вступиться за нас перед Ракли? Или его веселость и деловитость — напускные? У него ведь явно были другие планы, когда я попытался убедить его сделать по-моему. А что теперь делать мне? Или моя совесть отныне чиста и я могу вернуться домой и рассказать Велле, как ее Норлан предотвратил кровопролитие в замке?»

— У отца была бессонная ночь, — продолжал между тем Локлан. — Надеюсь, он еще не залег спать и сможет меня принять. — Он встал с лавки. — Вам лучше дождаться меня здесь, если хотите узнать, чем все закончится.

— К сожалению, чем все это закончится, мы узнаем нескоро, — потряс пустой фляжкой Фокдан.

— О чем ты будешь с ним говорить? — спросил Хейзит.

— О чем он едва ли будет рад меня слушать. Но я попробую. — Локлан кивнул Норлану, вскочившему следом. — Не уверен насчет каменоломни, но ваш узкоглазый всадник мне откровенно не понравился. Посторонние люди в землях вабонов — это непорядок. А любовь к порядку я унаследовал от отца. Так что ему, думаю, будет полезно меня потерпеть. Еще пива?

Они вежливо отказались и остались прогуливаться по смотровой площадке, изучая знакомые, но никогда не виданные прежде с такой заоблачной высоты окрестности. Выше их было только желто-серое полотнище гордо развевающегося флага.

— Если Ракли хоть раз поднимался сюда, — заметил Хейзит, — он должен согласиться с твоими предложениями, Фокдан.

— С чего ты взял, строитель?

— Отсюда Пограничье выглядит ближе, чем на самом деле.

— Да уж, пожалуй. Кстати, что-то я не вижу отсюда твоей замечательной таверны.

— Вы не в ту сторону смотрите. Вон мост, через который мы переходили. Берите выше и правее. Видите Стреляную стену?

— Ну?

— Ведите взглядом вдоль нее от канала до трубы с дымом. Это кузница. Теперь еще три крыши вверх. Четвертая крыша и есть «У старого замка».

— Далековато, однако.

— Мне сейчас тоже что-то не верится, что туда могла долететь обычная стрела.

— Луки, которыми пользуются в замке, — напомнил Норлан, — будут помощнее обычных арбалетов.

Фокдан хмыкнул, однако спорить не стал. Что же до Хейзита, то еще в детстве, играя с мальчишками, он подмечал, как стрелы, пущенные с высоты дома или холма, летят дальше пущенных с земли. Но даже не мечтал о такой дальности полета!

— Не будем терять время, — сказал он так, словно был здесь главным. — Если Локлану удастся найти нам достойное занятие, а тем более если он послушает Фокдана, мне бы не мешало присмотреть отсюда местечко для будущей каменоломни.

Он перешел к той стороне площадки, откуда открывался вид вниз по течению Бехемы. Теперь ветер дул ему в затылок.

Часть берега загораживал угол Меген'тора. Однако Хейзит и так знал, что в том направлении расположены рыбацкие домики, отрезанные от Большого Вайла'туна пестрым ковром нолей, вроде тех, которые им пришлось миновать по пути из Пограничья. Где-то там, где лес подступал к реке особенно близко, отец отца Хейзита вместе с другими мастерами много-много зим назад обнаружил залежи того самого бледно-желтого камня, из которого теперь был построен весь замок. Или почти весь, поскольку у вабонов бытовало предание, будто Тор Великий стоял здесь всегда. Вблизи и в самом деле становилось видно, что камень, из которого он сложен, темнее и не такой крупный, как камень стен и сторожевых башен.

Хейзит подумал, что сейчас, в этот самый момент, за узкими прорезями окон решается дальнейшая судьба не только его, но и всего Вайла'туна.

— Ну что, углядел новую каменоломню? — напомнил о себе Фокдан.

— Нет, но считаю, что нужно просто попробовать отойти еще дальше, за старую. Камень притягивает камень, говаривал мой отец. Может быть, он именно это и имел в виду. Где одна залежь камня, там поблизости должна быть и другая. Во всяком случае, стоит попробовать.

С этой мыслью он перешел к стороне, обращенной на Бехему.

С земли и даже с крыш домов, стоявших неподалеку от края берега, река выглядела бесконечной водной гладью, уходившей далеко к горизонту, очерченному изломами заснеженных гор, то есть огромных утесов. Хейзит когда-то даже думал, что это стены огромного замка с острыми зубцами, угрожающими солнцу. Но отец объяснил, что, по словам аолов, это тоже каменные укрепления, хотя и нерукотворные. Никто из вабонов никогда

возле них не бывал, поскольку подступы к ним надежно оберегала Бехема, печально знаменитая своими стремнинами. Действительно, с высоты смотровой площадки было видно, что никакой водной глади не существует, а есть лишь один никогда не стихающий поток, изборожденный множеством мчащихся наперегонки завихрений из серебристых бурунов, белой пены и искрящихся брызг. Неужели и в самом деле находились смельчаки, отваживавшиеся бросать Бехеме вызов? Сам Хейзит знавал одного, но тот был тронут умом и мог с утра до ночи сидеть на берегу, вглядываясь в горы, и что-то бормотать себе под нос. Однажды он просто вошел в воду и попытался плыть, но течение подхватило его, и эльгяр замка рассказывали потом всем желающим, как видели со стен, будто его не то засосало водоворотом, не то проглотило подводное чудовище. Как бы то ни было на самом деле, тела его так и не нашли.

Достаточно каждому, кто решится на подобное, подняться сюда, размышлял сейчас Хейзит, чтобы у него отбило всякую охоту лезть в реку. Поплавать у берега или половить рыбу — еще куда ни шло, он и сам был не прочь в жаркий день искупаться в тихой заводи под утесом, но чтобы мечтать добраться до другого берега — нет уж, себе дороже! Даже холодными зимами, когда на улице замерзает вода в ведрах, а обводной канал покрывается таким толстым слоем льда, что по нему можно ходить, не боясь провалиться, даже в самую лютую стужу река продолжает смывать едва успевающую схватиться у берега тоненькую ледяную корку. Кстати, при всей неподступности Бехемы, ее противоположная сторона выглядела сейчас с наблюдательной площадки не такой уж и далекой. Из лука, даже самого мощного, конечно, не дострелить, но расстояние сравнимо с расстоянием отсюда и до начала полей фолдитов. И берег сам по себе похож: утесы, кусты, местами пологий спуск к воде.

Хейзит присмотрелся.

В одном месте, прямо напротив замка, зеленый ковер травы как будто приподнимался, и из-под складки выглядывала длинная сероватая полоска. Словно белая рана на теле зеленого воина. И хотя издалека Хейзит не видел наверняка, ее происхождение не могло объясняться ничем, кроме одного, — это вышедшая из земли на поверхность каменная залежь. Каменоломня под самым носом! И значительно больше той, из которой вабоны построили свой замок. Хватило бы на два Вайла’туна. Вот это да!

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — спросил Фокдан, незаметно подошедший к Хейзиту сзади. — Соблазн велик, а подобраться к нему никто не сможет.

— Необходимо что-то придумать! Неужели мы никогда не переправимся на ту сторону Бехемы и обречены теперь вечно смотреть на то, что могло бы принадлежать нам по праву? Ведь стоит построить там каменоломню — и Вайла'тун спасен.

— А перелетать камни будут по воздуху? — поинтересовался Норлан. Его явно больше интересовала та сторона площадки, которая была обращена к Пограничью, однако сейчас он стоял рядом с остальными и постукивал пальцами по гладкой поверхности шлема. — Или наши мастера строительных дел прокопают под Бехемой подземный ход?

Хейзит странно посмотрел на него.

«А ведь подземный ход, — подумал он, — и вправду был бы не самым глупым предприятием. Неизвестно, конечно, сколько времени уйдет на такую затею, но может статься, не дольше, чем на попытку переправиться по воде или поиски каменоломни на этом берегу. Только вот как укрепить потолок подземелья, чтобы река не размыла грунт и не затопила весь проход одной волной? Подобных работ не вел до сих пор ни один из известных Хейзиту строителей. Здесь длина одного коридора наверняка будет превосходить длину подземных ходов всех застав, вместе взятых. Сколько же зим пройдет, прежде чем они смогут дотащить сюда первый камень?»

— Ты что, серьезно об этом думаешь?! — поразился Норлан, заметив, каким рассеянным стал взгляд Хейзита после неосторожно брошенного вопроса. — Перестань! Я пошутил! — Он рассмеялся недобрым смехом. — Да если Ракли позволит мне с моими людьми отправиться в Пограничье, обещаю, что нам не придется думать о новых укреплениях. Мы уничтожим всех шеважа, сколько бы их ни было. Только если мы, как всегда, не будем ждать, чтобы шеважа ушли или вымерли сами по себе.

— А ты заметил, на что в моем рассказе обратил внимание Локлан? — Фокдан сел на лавку спиной к реке. — Кажется, он понял, что сегодня уже недостаточно говорить о пусть даже полном истреблении шеважа. У нас, судя по всему, появились новые соседи. И это тем хуже, чем меньше мы о них знаем.

— А на что нам тогда мерги, умеющие убивать врага, не сходя с коня, на что сверы, силе которых может позавидовать любой? А твои сомнения, виггер, я нахожу опасными.

— Благодарю за откровенность, — ответил Фокдан. — В твоем возрасте я рассуждал примерно так же. И сейчас твердо знаю, что опаснее всего — отсутствие сомнений. Если бы мы не были уверены в том, что шеважа никогда не познают секретов огня, мы бы строили заставы из камня. А теперь сам видишь, что выходит.

— Ракли зовет, — сказала появившаяся из-под пола голова Олака. — Я провожу.

— Всех зовет? — уточнил Норлан. — И меня?

Но Олак уже скрылся.

— Пошли, там разберемся, — поднялся с лавки Фокдан. — Удивительно, как быстро про нас вспомнили.

Они снова спустились по приставной лестнице, но пошли по стене не туда, откуда привел их Норлан, а в противоположном направлении, миновали несколько групп эльгяр, вооруженных ростовыми луками и многозначительно умолкавших при приближении посторонних, и неожиданно оказались перед деревянным мостиком, переброшенным прямо из стены Меген'тора. Две прикованные к его углам цепи соединялись с толстой балкой, которая могла подниматься, когда внутри башни опускали ее противоположный конец. Специально для балки в стене была выбита узкая ниша, в которой она утопала полностью, когда мост поднимался, загораживая, как щитом, сводчатый вход внутрь. Именно через этот вход они теперь и прошли следом за Олаком, который всю дорогу даже ни разу не оглянулся.

Хейзит никогда прежде не бывал в Меген'торе, однако слышал от отца и других строителей достаточно, чтобы сообразить, что сейчас они находятся между первым и вторым этажами. Вверх и вниз вела винтовая лестница, по которой, как по печной трубе, поднимались всевозможные запахи, свидетельствовавшие о том, что в замке есть жизнь. Если б не они, холод камней и тишина, нарушаемая лишь шуршанием шагов, производили бы впечатление заброшенности и необитаемости.

Олак повел их вниз.

Хейзит воспользовался случаем и провел ладонью по шершавому камню стены. Странно, но поверхность камня больше напоминала обожженную глину, как на сколах глиняных горшков, которых он немало перебил в детстве к праведному возмущению матушки. Она крошилась, если поддеть ее ногтем посильнее. Что бы это могло значить? Неужели камень со временем теряет свою былую прочность? Ему приходилось об этом слышать, но ведь не настолько же. Еще Хейзит не преминул отметить форму камней в кладке. То есть не столько саму форму — почти ровные прямоугольники, — сколько их небольшой размер и взаимную схожесть. У каждого камня в стенах, которые возводил отец, был свой характер, а здесь они настолько походили один на другой, что возникало ощущение, будто их сделали чуть ли не руками, чуть ли не вылепили из глины.

Хейзит остановился как вкопанный и стал ощупывать стены,

проверяя свою сумасшедшую догадку. Ведь если из глины лепить не кувшины и чаши, а камни, которым можно заранее придать необходимые размеры, то, сложенные вместе и промазанные клейким раствором, они будут куда надежнее деревянных бревен. Тем более что, однажды пройдя через огонь обжига, они больше не будут подвластны пламени. Камни, рожденные огнем! Почему же он раньше до этого не додумался? Ведь вабоны давным-давно разрабатывают огромный глиняный карьер, вырытый вверх по течению Бехемы, но строители, пользовавшиеся плодами труда гончаров в повседневной жизни, никогда не брали этот их метод на вооружение. Хотя так тоже нельзя сказать: ведь если сейчас Хейзит, сам того не желая, разгадал секрет постройки Меген'тора, это лишь означает, что о нем просто забыли. Кто же и когда возвел эту башню на самом деле?

— Так и будешь там стоять, лапая стену? — выглянул из-за поворота Фокдан. — Идем, еще успеешь насмотреться.

Хейзит поплелся следом, но мысли его были уже далеко. Он представил себе, как строители складывают лиг'бурны, — он даже придумал подобающее название этим рожденным в пламени камням — в штабеля, обвязывают их веревками и погружают в повозки, чтобы везти через Пограничье на заставы. Новых камней так много, что те, которые не успевают отправлять, продают обитателям Вайла'туна, а они в свою очередь нанимают строителей, чтобы строить себе красивые дома, прохладные, как Меген'тор, летом и теплые зимой. Первым делом он отстроит матери новую таверну, в которой будет еще просторнее и уютнее, а сам поселится по соседству в маленькой башне, построенной специально для его любимой жены — той самой одинокой всадницы с загорелыми ногами и длинными каштановыми волосами. Пусть даже она из эделей — у него появится столько денег с продажи лиг'бурнов и последующих заказов на строительство, что он сможет позволить себе приблизиться к ней и сделать предложение, не боясь быть отвергнутым. К тому времени он уже станет знаменитым строителем, наконец-то избавившим вабонов от угрозы нашествия шеважа, и любой отец согласится отдать за него свою дочь. Но ему нужна будет только она, смелая и независимая наездница в коротком платье.

Фокдан дернул его за руку.

— Что ты улыбаешься? Очнись! Если Ракли сейчас тебя увидит, он решит, что ты совершенно сбрендил, и не будет нас даже слушать.

— Будет, — сказал Хейзит уверенно, скрывая, однако, охватившую его радость от неожиданного открытия, которое нельзя было назвать иначе как «внезапным озарением». — Только

вас, а не меня. Так что лучше я постою и помолчу.

«Внезапное озарение» относилось к тем вещам, о которых любили упоминать проповедники того или иного культа. Герой оказывался лицом к лицу с войском неприятеля, в решающий миг его посещало озарение, и он обрушивался на врага с удесятеренной силой, громя превосходящие его по численности ряды шеважа и обращая их в позорное бегство. Проповедники описывали это ощущение как «знание победы». Не было у вабонов героя, хотя бы раз не испытавшего его. Вот и Хейзиту теперь мерещилось, что он безошибочно знает ответ на тот самый важный вопрос, которым никогда прежде даже не задавался.

Их провели по сумрачной галерее, занавешенной пыльными коврами и скупо освещенной через узкие прорези в стенах под высоким потолком. Торчавшие из стен факелы были погашены.

Из галереи вело четыре двери, за которыми, как догадался Хейзит, находятся опочивальни для гостей, для хозяев, для прислуги и тронная зала для приемов и советов.

Олак подвел спутников к дальней двери, которая оказалась приоткрыта, и постучал. Ему не ответили. Заглянув внутрь, он поманил их пальцем, открыл дверь и вошел…

notes

Примечания

1

Бурель — в средневековой Англии грубая шерстяная ткань, использовавшаяся главным образом бедняками. — *Здесь и далее примеч. авт.*

2

Фюль’сан — букв.: за солнцем, то есть на запад.

3

Виггер — рыцарь.

4

Аол — старейшина (в деревне), избираемый из числа наиболее уважаемых виггеров.

5

От англ. towerland — букв.: «башенная страна».

6

Имеется в виду английское weapon (*староангл.* woepen) — «оружие».

7

Букв, означает «Кто ты?». При этом выражается не столько желание узнать имя или род деятельности собеседника, сколько его намерения: мирные или агрессивные. Кроме того, использованный порядок слов предполагает отсутствие враждебности со стороны того, кому задается вопрос.

8

«А вы кто?» — обращение к трем и более собеседникам, по сути, подчеркивающее безразличие спрашивающего. Нечто вроде: «А вам-то чего надо?»

9

Отвечай, или стреляю!

10

Попробуй.

11

Как твое имя?

12

На языке вабонов «киль» означает «худой».

13

«Ростовыми» они назывались потому, что делались точно по росту каждого лучника. Считалось, что совпадение роста хозяина и длины лука (в распрямленном виде, то есть без тетивы) придает последнему особенную силу и точность. Ростовые луки использовались вабонами, главным образом, при обороне укреплений, однако иногда к ним прибегали и в сражении на открытом пространстве, чаще всего для защиты от атакующей конницы противника.

14

Легкая женская обувь наподобие мокасин, но с длинной шнуровкой.

15

Вежливое обращение к замужним женщинам.

16

Вежливое обращение к собеседнику мужского пола, подчеркивающее почтение к его опытности и уму (в отличие, например, от *керл* — при вежливом обращении к зажиточному мужчине вообще, будь то торговец, ремесленник или крестьянин, или *хелет,* когда говорящий хочет подчеркнуть героические заслуги собеседника, или *хевод* — при обращении к стоящему выше по званию, или *маго* — при обращении к более молодому, но достойному уважения собеседнику).

17

Сверами у вабонов называлась тяжелая пехота, вооруженная, как правило, арбалетами. Тяжесть возникала за счет почти сплошных металлических доспехов, делавших воина одновременно неуязвимым для стрел врага, но опасно неповоротливым при рукопашной. Поэтому в лесных сражениях при каждом свере находилось по нескольку помощников (*фултумов*), вооруженных длинными мечами или копьями. Тактика боя заключалась в том, чтобы предоставить возможность сверу, пользуясь прикрытием лат, выпустить как можно больше стрел в противника, прежде чем тот окажется в непосредственной близости. Тогда в дело вступали более подвижные помощники, в зависимости от обстоятельств дававшие сверу необходимое время либо перезарядить арбалет, либо отстегнуть сковывающие движение доспехи, либо отступить.

18

Речь идет о сооружении, подобное которому в средневековой Европе называлось «шателет» или «бастилия», а в случае временной постройки — «бастид». Оно преграждало подступы к замку и представляло собой своеобразную крепость в миниатюре, снабженную подъемным мостом и воротами. Деревянная постройка возводилась на двух каменных опорах-башнях с внутренними или внешними лестницами. Могла как являться частью крепостной стены, так и стоять отдельно в случае, если охраняло переправу через ров, сам по себе являющийся преградой.